

Сандра Браун Свадебный веночек

ЭРИК, КОМУ НЕ СТОИТ
СМЕЯТЬСЯ ЕЩЕ
РАЗ

Сандра Браун

Свадебный венок

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118580

Свадебный венок: Эксмо-Пресс; Москва; 1998

ISBN 5-04-000320-X

Оригинал: SandraBrown, "Love's encore"

Перевод:

Мария М. Виноградова

Аннотация

Камилла Джеймсон познакомилась с красивым, мужественным Заком Прескоттом на горнолыжном курорте и не смогла устоять перед его опасным обаянием.

Несколько дней и одна безумная ночь связали их судьбы, но уязвленная гордость и страх перед неизведанным помешали им понять друг друга.

Спустя два года Камилла получает предложение от состоятельного владельца ранчо отреставрировать старинный особняк. Она приезжает в Атланту и встречает здесь человека, которого тщетно пыталась вычеркнуть из своего сердца...

Содержание

1	4
2	33
3	52
4	73
5	90
6	125
7	149
8	171
9	194
10	210
11	231
12	254

Сандра Браун

Свадебный венок

1

Камилла наконец увидела вдали величественный особняк и резко затормозила. Она выехала ранним утром, накануне расспросив о дороге в туристическом агентстве в центре Натчеза. Девушка в офисе объяснила ей, что надо ехать по Хомочитто-стрит и, не доезжая шоссе № 65, свернуть налево.

Камилла чуть не пропустила едва заметный в непролазном кустарнике дорожный знак, указывавший, что эта узкая проселочная дорога и есть та самая подъездная аллея к усадьбе. Свернув с шоссе, девушка сбросила скорость и осторожно вела машину по ухабам и рытвинам. Вековые дубы, с необъятных ветвей которых, точно седые бороды, свисали лохмотья серого мха, возвышались по обеим сторонам дороги. Магнолии, на которых, несмотря на то, что сезон их уже миновал, еще покачивались головки изящных белоснежных цветов, обрамляли аллею рядами похожих на фонтаны кустов. С давних пор было принято вплетать эти цветы в венок новобрачной в день свадьбы, от них усадьба и получила свое романтическое название – «Свадебный венок».

Распахнув дверцу, Камилла вышла из машины и, не вы-

ключая мотора, с интересом стала разглядывать дом. Двухэтажный особняк был построен в 1805 году, в колониальном стиле, так нравившемся Камилле. Комнаты второго этажа выходили на балконную галерею, а первого – на открытую веранду, окружавшую дом с трех сторон. Стены из красного кирпича со временем приобрели тускло-розовый оттенок. Шесть внушительных белых колонн по фасаду поддерживали балкон. Широкие и высокие окна с зелеными ставнями симметрично располагались по три с каждой стороны огромной парадной белой двери. Над крыльцом на тяжелой цепи висел массивный медный светильник.

Камилла восторженно вздохнула и вернулась в машину. Уже поворачивая ключ зажигания, она вдруг засмеялась от прилива чувств.

– Ну, Скарлетт О'Хара, умри от зависти! – сказала она весело и рассмеялась, подумав: какое счастье, что ей удалось получить такой потрясающий заказ – провести реставрацию этого особняка.

Девушка от всей души надеялась, что ей хватит вкуса и умения, чтобы справиться со сложной задачей, столь много значившей для ее карьеры дизайнера.

Камилла и ее мать, Марта Джеймсон, совместно владели компанией по декору и дизайну в Атланте. Когда умер отец Камиллы, матери пришлось одной управлять делом, и к тому времени, когда Камилла окончила колледж, получив диплом дизайнера, некогда солидный бизнес сократился до

скромного антикварного магазинчика, торгующего заурядными старинными вещами и посредственными безделушками. Начав работать в фирме, Камилла постепенно обновила ассортимент и стала продавать оригинальные предметы современного декора и все более дорогой антиквариат. А кроме того, предложила клиентам свои услуги консультанта. Ее хороший вкус оказался настоящей находкой для покупателей, которым требовалось подобрать обои или ковры, поменять мебель или же дизайн в целом. Профессионализм и умение найти подход к любому клиенту очень скоро создали ей прекрасную репутацию и солидную клиентуру. Теперь она уже сама наняла двух женщин, помогавших ей в делах, а на долю матери остались бухгалтерия и мелкая розничная торговля.

Некоторое время назад в их фирму обратился мистер Рейборн Прескотт из Натчеза, маленького городка на Миссисипи, с предложением отреставрировать его фамильный особняк. Он узнал о Камилле от своего старого друга, для которого она оформляла интерьер ресторана. Камилла с радостью приняла его предложение, ведь перед этой задачей меркли все прежние, даже самые важные заказы, выполняемые их фирмой.

Рейборн Прескотт являл собой классический образец аристократа-южанина старой закалки. К Камилле и Марте он обращался с безукоризненной, подчас даже старомодной учтивостью. Хотя ему было под семьдесят, он сохранил стат-

ную фигуру и густую копну седых волос. Его голубые глаза излучали живой блеск, а галантные комплименты, произносимые с тягучим, типично южным акцентом, завораживали всех женщин фирмы, которые сразу оживлялись при его появлении. Мистер Рейборн Прескотт рассказал Камилле о своем доме в окрестностях Натчеза, который он хотел отреставрировать.

– Мне стыдно, что этот прекрасный дом... Дело в том, мисс Джеймсон, что после того, как двадцать лет назад умерла моя жена, я совершенно его запустил. Теперь это унылое зрелище. Дом превратился в типичную обитель холостяка. Мой сын практически все время пропадает на нашей плантации за рекой, но и он полностью со мной согласен – необходимо вернуть «Свадебному венку» его изначальную красоту.

Камилла была в восторге. Девушка прекрасно знала эти великолепные старинные дома, построенные еще до войны Севера и Юга. В одно из ежегодных весенних путешествий мать познакомила ее с необыкновенным архитектурным стилем особняков того времени. Камилла была тогда совсем еще девочкой, но красота этих зданий оставила в ее душе неизгладимый след.

– Какое дивное название, – мечтательно пробормотала Камилла, уже рисуя в своем воображении картины преображенного дома. – Ну что же, мистер Прескотт, я с радостью принимаю ваше предложение.

Возможно, ответ Камиллы был слишком импульсивным, но в эту минуту ей казалось, что сбывается ее заветная мечта, и она была столь взволнована, что забыла о должном поведении при заключении сделок, которому обучали их в колледже на лекциях по менеджменту.

– Но мы ведь еще не обговорили ваш гонорар, вы не видели дома! – ошеломленно воскликнул мистер Прескотт.

– Это неважно. Мне будет интересно выполнить эту работу, и я готова приступить к ней немедленно. – Девушка звонко рассмеялась.

Рейборн Прескотт посмотрел на ее сияющее лицо и улыбнулся в ответ. Его друг очень высоко отзывался о профессиональных способностях Камиллы Джеймсон, и старому джентльмену приятно было видеть такие увлеченность и энтузиазм. Гонорар, предложенный мистером Прескоттом, приятно удивил Камиллу. Еще более приятным оказалось, что он готов потратить ту сумму на реставрацию, которая потребуется, практически не ограничивая бюджет. А это означало – можно не думать об экономии, воплощая в жизнь самые смелые фантазии. Мистер Прескотт настаивал лишь на одном – чтобы во время работ Камилла жила в «Свадебном венке», пообещав, что ей будет подготовлена комната. Назначив приемлемый для обоих срок ее приезда, они расстались. И вот долгожданный день наступил, она стояла здесь, на крыльце, зажав под мышкой дамскую сумочку и ожидая, пока кто-нибудь отзовется на звон колокольчика.

Она невольно заметила и облупившуюся краску, и тусклую ржавчину на медных дверных завитушках, и просевшие доски на крыльце под ногами. Да, если внутри окажется так же запущенно, как снаружи, то работы ей хватит надолго.

Камилла с грустью подумала, а чем, собственно, ей еще заниматься, кроме работы? Жизнь ее была целиком посвящена работе и тому, что с ней связано, хотя ни мать, ни близкие подруги, большинство из которых успели уже выйти замуж и родить детей, не могли этого ни понять, ни, тем более, одобрить. Мать девушки ужасно переживала по этому поводу, и дошло даже до того, что она стала уговаривать ее сходить хотя бы на одно из свиданий, куда так настойчиво зазывали ее многие молодые люди, заходившие в офис по делам. Марта Джеймсон с замиранием сердца ждала, не примет ли дочь приглашение. Но все напрасно. Камилла только посмеивалась и каждый раз находила причину отказать. А миссис Джеймсон глубоко сокрушалась, не понимая, почему ее привлекательная, образованная дочь не проявляет никакого интереса к мужчинам.

Камилле было жаль, что мать так переживает, но она не могла ничего поделать. Не могла же она взять и заявить: «Знаешь, мамочка, однажды я отдалась мужчине, а взамен получила лишь унижение и позор. Второй раз я в эту ловушку не попадусь». Матерям ведь такое не рассказывают. К тому же некоторые воспоминания были слишком болезненны, чтобы их ворошить. Даже сейчас эти грустные мысли болюю

отзывались в ее сердце – и в ту же секунду дверь отворилась. На пороге стоял улыбающийся мужчина.

– Здравствуйте. Я Камилла Джеймсон. – Она улыбнулась, не подозревая, до чего же прелестна в этот миг, когда лучи солнца танцуют в ее темных кудрях.

– Добро пожаловать, мисс Джеймсон, – лицо встречающего расплылось в доброжелательной улыбке. – Мистер Прескотт ждет вас с нетерпением. Он ужасно переживал, что такая молодая леди едет одна от самой Атланты.

– Что вы, я добралась без приключений, и я тоже очень жду встречи с мистером Прескоттом.

Войдя в холл вслед за своим провожатым, Камилла огляделась, и у нее перехватило дыхание от восхищения. Все точь-в-точь, как она и представляла!

– Меня зовут Саймон Митчелл, мисс Джеймсон, – представился мужчина. – Можете мной располагать, если вам что-нибудь потребуется, – эти слова отвлекли девушку от восторженного созерцания дома.

– Спасибо, мистер Митчелл, – смущенно улыбнулась она.

– Саймон, с вашего позволения. Вы пока подождите, мисс Джеймсон, а я поищу мистера Прескотта. Он, кажется, поливает цветы на заднем дворе.

– Не беспокойтесь. Я с удовольствием тут посижу и подожду.

Саймон кивнул и зашагал по просторному холлу, ведущему в глубь дома. Камилла буквально сгорала от желания по-

скорее осмотреть комнаты, двери которых выходили в коридор. Однако она знала, как щепетильны в вопросах этикета южане, и решила, что лучше дождаться, чтобы хозяин сам показал ей свой дом.

Она села в кресло, стараясь принять изящную позу, которая, по мнению ее матери, приличествует молодой леди: спина прямая, колени сдвинуты, руки грациозно сложены на коленях. В этой аристократической обстановке ей и самой хотелось выглядеть более утонченной и элегантной. Но ей казалось, что с такой внешностью, как у нее, этого никогда не добиться. Камилла считала, что ей не повезло – от природы ей достались вьющиеся непокорные темно-русые волосы, которые приходилось стягивать в узел, хотя даже и тогда одна-другая непокорная прядь умудрялась вырваться на свободу. Смуглая, абрикосового цвета кожа как нельзя лучше гармонировала с темными волосами. Но Камилла с раннего детства завидовала подругам с белоснежной кожей на нежных, как дрезденский фарфор, личиках, которые так очаровательно заливались румянцем от смущения. Ее не утешало даже то, что, в отличие от белокожих немочек, она загорала легко и без проблем – загар к ней, как говорила мама, сам лип. И глаза ей достались необычные. Правда, и ими она была недовольна. Ну почему, жалела она, у нее такой странный цвет глаз, а не, например, голубой, или зеленый, или серый, или даже карий, но только без этого дурацкого золотистого отлива? В обычных карих глазах прятались темные, орехо-

вые зрачки или таинственно поблескивали эбонитовые искры – а ее глаза лучились расплавленным золотом. Камилла их просто ненавидела. А длинные густые ресницы, большой рот и задорно вздернутый носик в сочетании с черными непокорными завитушками делали ее и вовсе похожей на цыганку. Именно так и любил называть ее в детстве отец – «моя цыганочка».

Поскольку внешность Камилла изменить не могла, она как можно тщательнее подбирала одежду. И тут на помощь девушке приходили столь ценные для ее профессии хороший вкус, чувство формы и умение гармонично сочетать цвета. Она поправила желтую льняную юбку и пожалела, что не сможет снять пиджак и остаться в легкой полупрозрачной блузке. От жары и влажности Натчеца костюм уже выглядел немного помятым, не говоря уже о том, что эта злополучная влажность сотворила с прической девушки. Утром она потратила достаточно времени, стараясь уложить волосы как можно аккуратнее, но теперь понимала, что ее старания были напрасными. После нескольких часов езды они вились вокруг лица в причудливом беспорядке.

Камилла услышала визг шин и потом резкий звук захлопывающейся дверцы автомобиля. Затем кто-то вбежал по ступеням, ручка парадной двери повернулась, дверь распахнулась, словно от удара ногой, и с глухим стуком ударилась о стену. Лучи закатного солнца высветили застилающий дверной проем силуэт высокого широкоплечего мужчины. Лица

Камилла не успела разглядеть, так как мужчина, не замедляя шага, направился вдоль холла, оставляя за собой грязные следы на дубовом паркете. Казалось, непринужденная грация его движений смутно напомнила Камилле что-то, но девушка пришла в такую ярость от полнейшего пренебрежения вошедшего к тому, как он распахнул дверь, буквально отбросив ее в стену, затем наследил, конечно же, не думая о паркете, что не придавала этому никакого значения. Не успев даже сообразить, стоит ли вмешиваться, она выпалила:

– Неудивительно, что дом в таком ужасном состоянии. Если каждый входящий будет столь же неаккуратен и столь же нечувствителен к этой красоте, как и вы, то через неделю, того и гляди, все вообще может рухнуть!

Мужчина резко остановился и оглядел холл, удивленный и неожиданно раздавшемуся женскому голосу, и тому, что его кто-то посмел отчитывать столь бесцеремонно. Камилла сидела в самом темном углу, поэтому он не сразу заметил ее, тем более что вошел в дом с яркого солнца и глаза его еще не успели привыкнуть к полумраку. Не говоря ни слова, он снял соломенную шляпу, отер пот со лба и, упершись руками в бока, осмотрел девушку с головы до ног.

– Прошу прощения, – под его напускным спокойствием легко угадывалась еле сдерживаемая ярость, готовая вот-вот прорваться наружу. Незнакомец шагнул вперед и подошел почти вплотную к креслу Камиллы. Взгляды молодых людей встретились, и одновременное узнавание поразило их.

«Не может быть! Откуда он здесь? Что он тут делает? Неужели это и вправду он? Да! Нет! Не может быть!» – пронеслось в ее голове. Губы девушки мгновенно пересохли, а сердце билось так сильно, что ей показалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Ее бросало то в жар, то в холод, в ушах зашумело. Она не могла оторвать взгляда от лица мужчины. Однако, несмотря на свое состояние, она поняла по его застывшей позе и растерянному выражению лица, что он так же потрясен неожиданной встречей, как и она.

Он выглядел точно так же, как и тогда, в Юте, почти два года назад. Может, чуть заметнее стала паутинка морщин вокруг глаз, но глаза оставались такими же синими, как и прежде, такими же удивительными, взгляд которых, казалось, пронзал насквозь и одновременно завораживал, обволакивая. Как хорошо знала Камилла гипнотическую власть этих глаз! Похоже, он стал еще выше? Да нет, такое впечатление только оттого, что она сидит, а он стоит. Хотя Камилла помнила, что даже в полный рост она еле-еле доставала ему до плеча. Этот человек так часто являлся ей в мечтах на протяжении многих месяцев, будоражил ее чувства мужественной красотой, что порой она ругала себя за разыгравшееся воображение. Но теперь она убедилась, что память несколько не приукрашала – он был именно такой, каким она его запомнила, так же широк в плечах и узок в бедрах. Его каштановые волосы кое-где выгорели от знойного солнца, сильный загар подчеркивал мужественность худощавого лица и

удивительную, непостижимую синеву глаз, которые сейчас впились в девушку, пылая тем же жарким огнем, что сиял и в ее глазах.

Однако, почти автоматически отметила девушка про себя, одет он не в спортивную одежду – облегающие голубые брюки и мягкий свитер, – в какой она запомнила его, а в потертые джинсы я тяжелые ковбойские заляпанные грязью сапоги, оставлявшие черные следы на полу. Голубая рубашка, влажная от пота, была наполовину расстегнута, рукава закатаны до локтей. На груди поблескивала тяжелая золотая цепочка с крестом – в свое время он говорил Камилле, что крест этот принадлежал его матери.

– Зак Прескотт?

Камилла с трудом выговорила его имя. Когда мистер Рейборн Прескотт впервые назвал себя, у нее зануло сердце, как всегда бывало при воспоминаниях о тех каникулах на горнолыжном курорте после окончания колледжа. Но ей в голову не пришло, что ее заказчик имеет какое-то отношение к Заку. Впрочем, Зак никогда не рассказывал ей, откуда он родом. Да она и не спрашивала его.

– Мне кажется, мы встречались раньше? – саркастически осведомился Зак. – Или я ошибаюсь?

Оцепенение первых минут прошло, и девушка наконец обрела дар речи.

– Теперь я припоминаю, ты же говорил мне, что фермер, но я думала, что ты просто пошутил, – она силилась улыб-

нутья, но губы не слушались ее.

– А еще что ты думала про меня? Любопытно было бы знать, – поинтересовался Зак.

Камилла вздрогнула – столько неподдельной горечи звучало в его голосе. На девушку вновь нахлынули переживания, терзавшие ее на протяжении стольких дней, месяцев, лет, а вместе с ними – жгучий стыд, который она пережила по милости этого человека. В глубине ее золотых глаз сверкнул гнев.

– А что, по-твоему, должна была я подумать о мужчине, который бессердечно соблазнил наивную девушку?

– Вероятно, то же самое, что и я мог подумать о девушке, которую так легко соблазнить.

Его слова обрушились на Камиллу как удар. Она вскочила с кресла и, выпрямившись, встала перед ним.

– Ты... ты гнусный и бесчестный негодяй без стыда и без совести. Я тебя просто презираю за то, как ты со мной обошелся...

– Звучит как-то не очень убедительно, Камилла, – нетерпеливо перебил ее Зак.

Камилле захотелось влечь ему звонкую пощечину. Но когда его чувственные губы произнесли ее имя, что-то шевельнулось в ее душе – Камилла вдруг ощутила почти непреодолимое желание погладить Зака по загорелой щеке, коснуться его губ. Чтобы сдержаться, она крепко-накрепко сжала кулаки. Несколько мгновений молодые люди стояли и

молча глядели друг на друга. Камилла стряхнула с себя это наваждение, лишь когда услышала за своей спиной шаги и голос Саймона. Она поспешно отвернулась от Зака, тщетно пытаясь придать лицу спокойствие и непринужденность.

– Мисс Джеймсон, мистер Прескотт примет вас прямо сейчас. Привет, Зак. Ты уже познакомился с мисс Джеймсон? – В ответ Зак только коротко кивнул.

– Ну что ж, – продолжал Саймон. – Тогда прошу вас, мисс Джеймсон. Мистер Прескотт ждет вас на веранде.

– Спасибо, – невпопад проговорила Камилла и поспешно последовала за Саймоном, думая, что она готова убежать куда угодно, лишь бы быть подальше от этого человека.

Они прошли одну из комнат, Саймон распахнул перед Камиллой дверь, и девушка оказалась на веранде, откуда открывался великолепный вид на поместье. Рейборн Прескотт со свойственной ему галантностью поднялся из плетеного кресла и пошел ей навстречу, он взял ее обе руки и горячо пожал их.

– Мисс Джеймсон, какое счастье видеть вас снова. Добро пожаловать в «Свадебный венок».

Камилла с первой встречи прониклась добрым чувством к этому человеку и даже успела полюбить его ласковый, мелодичный голос. Она улыбнулась Рейборну Прескотту, приказывая себе забыть о душераздирающем потрясении, которое испытала несколько минут назад.

– Спасибо, мистер Прескотт, прошу вас, зовите меня по

имени. Я еще не успела посмотреть весь дом, но он мне так нравится! Он еще прекрасней, чем я ожидала.

Рейборн Прескотт печально покачал головой.

– Увы, если бы Элис, моя незабвенная жена, увидела бы его сейчас, она бы ужасно рассердилась. Кажется, я рассказывал вам уже, что, потеряв ее, я на много лет впал в глубочайшую депрессию. Хорошо еще, хоть сын остался, Захарий, он единственное мое утешение, но Элис мне никто не мог заменить. Горечь утраты я пытался заглушить бесконечной и тяжелой работой на плантации, и она в результате процветает. Я перестал устраивать приемы, единственное развлечение, что я себе позволяю, – покер, да и то в кругу самых близких друзей. А в доме за это время все потихоньку разрушалось. Я очень любил Элис и хочу восстановить дом в память о ней. Вот почему я и нанял вас... – Он на мгновение умолк, а затем продолжил: – В доме, конечно же, проведены коммуникации всех современных удобств, но все прочее, как вы, наверное, успели заметить, надо отделать заново. Я всецело полагаюсь на вас. Не сомневаюсь, вы прекрасно справитесь с этой работой.

Закончив говорить, он улыбнулся, взял Камиллу за руку и повел к стеклянному столику, где в лучах солнца заманчиво поблескивали стаканы и кувшин с лимонадом. Придвинув Камилле кресло, Рейборн предложил ей лимонада и она, поблагодарив, согласилась.

С этой стороны дома поместье казалось более ухоженным.

Любуясь видом из окна, Камилла лихорадочно размышляла, как же сказать этому милому и симпатичному ей человеку, что она никак не может принять его предложение. Два года она мучалась, подавляя в себе противоречивое чувство к Заку – она не могла забыть его, но и не могла простить того, как он с ней поступил. Она надеялась, что никогда его больше не увидит. А теперь... ей предстоит жить и работать под одной крышей с ним. Она не сможет выдержать ежедневных встреч с Заком, этой ежедневной пытки. Нет, только не это! Но она никак не могла придумать даже мало-мальски убедительной причины отказа мистеру Прескотту. Камилла осознавала одно – надо уехать отсюда, и как можно скорее, немедленно, сию же минуту! От этой мысли девушку бросило в дрожь. Она слишком серьезно относилась к своей карьере и понимала, что подобная выходка может пошатнуть ее репутацию и тем самым отразиться на бизнесе в целом.

– Ну как вам мой сад? – голос мистера Прескотта вывел ее из задумчивости. Южанин широким жестом обвел простирающиеся перед верандой газоны и клумбы. – Признаться, я им горжусь. Поскольку мне уже трудно работать на плантации – Зак строго-настрога запретил мне даже перебираться на другой берег реки, – то и провожу время тут, огородничаю потихоньку. Не могу удержаться и похвастаюсь – помидоры у меня в этом году просто потрясающие.

И он показал на несколько кадок из красного дерева в углу веранды. Камилла повернула голову и восторженно вос-

кликнула:

– Вы правы, они – потрясающие. Я никогда таких не видела. Готова держать пари, они и на вкус ничуть не хуже, чем на вид. – Камилла была рада, что может сказать мистеру Прескотт-ту приятное, ничуть не покривив душой.

Лицо старого южанина осветила горделивая улыбка.

– Что ж, за обедом сами убедитесь. Мне нравится выращивать овощи к собственному столу, но, надо признаться, я и цветы очень люблю.

И это была правда, за домом раскинулось бесконечное множество цветочных грядок, а сама веранда тонула в мириадах всевозможных горшков, корзинок, кадок и подвесных ваз с цветами. Изобилие цветов всех оттенков радуги, больших и маленьких, изысканных и неприхотливых, поражало и радовало глаз. С ветвей деревьев возле веранды на цепях свисали плетеные горшки с папоротниками. Девушке на миг показалось, что она попала в тропический рай.

– Должно быть, когда наступает холодная пора, вы скучаете по своим цветам в саду? – спросила она.

Рейборн кивнул.

– Разумеется, но тогда мы с Саймоном занимаемся домашними цветами. Мы вносим в дом все теплолюбивые экзотические растения. Зак шутит надо мной, что я, мол, скоро выживу его из дома своими цветами.

Он предложил Камилле еще лимонаду, но она отказалась. Мистер Рейборн Прескотт был с ней так добр и любезен –

надо бы как-то поделикатнее отказаться от его предложения.

За эти несколько минут он уже трижды упомянул Зака. Ну почему же он и словом не обмолвился о нем в Атланте? Камилле казалось, что она наверняка бы догадалась, что это тот самый Зак. И тогда бы она сумела придумать достойный предлог, чтобы отказаться от работы и при этом не обидеть клиента.

От жары на лбу и шее Камиллы выступили бисеринки пота. Девушка знала, что волосы окончательно растрепались и от прически не осталось и следа. Каким же пугалом она, верно, выглядит, промелькнуло в голове. И от этого она занервничала еще больше. Однако сколько ни переживай, а необходимо объясниться. Камилла облизала губы и, решительно вскинув голову, посмотрела на мистера Прескотта.

– Мистер Рейборн Прескотт, к сожалению...

– А вот и ты, Зак! Познакомься с нашей гостьей. – Рейборн Прескотт глядел куда-то поверх ее головы. – Камилла Джеймсон, позвольте познакомить вас с моим сыном Заком.

Камилла разглядывала свою сумочку на коленях, будто видела ее впервые.

– Мы знакомы, па. – Зак многозначительно помолчал и добавил: – Это произошло несколько минут назад.

– Вот и славно. Выпьешь лимонаду?

– С удовольствием. На улице жарче, чем...

– Зак! Помни, что теперь с нами дама, – одернул его отец.

– Ах да, конечно. Умоляю, извините меня, – Зак театраль-

но поклонился Камилле. – Кстати, мисс Джеймсон, вам не жарко? Позвольте, помогу вам снять жакет.

Не успела Камилла ни поблагодарить, ни отказаться, как он уже оказался у нее за спиной, и она почувствовала на своих плечах его крепкие мускулистые руки. Девушка вздрогнула, ей хотелось кричать от такой бесцеремонности. Но каким-то уголком сознания девушка отметила, что его прикосновения повергают ее в приятную дрожь. Руки Зака, слегка сжав плечи девушки, задержались там чуть дольше, чем этого требовал процесс снятия жакета. Потом медленно скользнули вниз по ее рукам, и жакет оказался у Зака. Он повесил его на спинку стула и как ни в чем не бывало сел напротив. Камилла, взглянув на него, пробормотала тихое «спасибо».

Зак, судя по всему, только что принял душ. Мокрые черные кудри спадали на лоб. Он по-прежнему был в джинсах, но не старых рабочих, а чистых и отглаженных. Они туго обтягивали его узкие бедра. Девушка поймала на себе неотступный взгляд ярко-синих, полных жестокой иронии глаз. Его радовало, что она попала в неловкую ситуацию! Он хотел, чтобы она испытывала смятение и стыд! Да он же самый настоящий садист. Сначала он обвораживает женщину, целиком завладевая ее чувствами и телом, получает удовольствие, а потом наслаждается презрением к ее падению. Камилла расправила плечи и, бросив на Зака гневный взор, снова повернулась к старшему Прескотту. Тот продолжал говорить, не замечая ничего.

Камилла сосредоточилась, пытаясь понять смысл последней фразы:

– ...зная ваш исключительный вкус и умение работать, я не буду навязывать вам свое мнение и поучать, что и как делать, но...

– Папа пытается сказать, – перебил его Зак, – что мы не хотим, чтобы наш дом стал похожим на один из роскошных борделей на Бурбон-стрит.

– Захарий, выбирай выражения, так нельзя разговаривать с леди. Видно, на тебя дурно влияет общение с рабочими на плантации! – укоризненно воскликнул его отец.

– Извините, уважаемая мисс Джеймсон. – Лицо Зака было предельно серьезно, но в уголках глаз мелькнула насмешка, в которой ясно читалось, что уж ее-то он отнюдь не считает «уважаемой». Потом его взгляд скользнул с лица девушки на ее грудь, и Камилла чуть не задохнулась от возмущения. Под этим пристальным взглядом она почувствовала себя абсолютно голой. Ощущение было настолько сильным, что Камилла поймала себя на непреодолимом желании схватить жакет и прикрыться. Она с трудом сдержалась, думая о том, что этот наглый Зак продолжает на нее пялиться, вводя в состояние отчаяния.

На щеках девушки выступил густой персиковый румянец. Старший Прескотт, взглянув на нее, решил, что ей слишком жарко, и сказал:

– Простите нас, Камилла. Вы, верно, очень устали от по-

ездки и жары. Предлагаю обсуждение остальных деталей отложить до обеда. А сейчас вам необходимо отдохнуть. Я попросил подготовить вам отдельный домик, который мы называем «вдовьим», – он жестом указал на маленькое строение, отделенное от большого дома верандой. – Наверное, название вам показалось несколько странным, но так его окрестила моя теща, и за несколько лет, что она жила вместе с нами, мы привыкли и называем его так до сих пор. Раньше это был всего-навсего каретный сарай, но она превратила его в уютный домик. И я надеюсь, вам там будет удобно.

Камилла сидела, потупив взор, лихорадочно придумывая причину отказа для мистера Прескотта. Сердце бешено колотилось, но она понимала, что следует все-таки набраться смелости и сказать ему, что она не сможет принять его предложение. Она не имеет права оттягивать время для объяснения. Нельзя же оставлять этого милого человека в заблуждении, ведь она не собирается здесь жить и выполнять его заказ. Слава Богу, что он не выплатил ей никаких денег и она еще не успела заказать материалы для реставрации.

Некоторое время Камилла следила за капелькой лимонада на пустом стакане. Капелька медленно катилась вниз, пока не слилась с оставшейся на дне лужицей, наконец девушка произнесла:

– Мистер Прескотт, не знаю, как и сказать вам...

– Мисс Джеймсон, позвольте мне прибавить свой энтузиазм к энтузиазму отца, – перебил ее Зак. – Решившись на

реставрацию, он буквально заболел этим проектом, он только о нем и говорит. Сейчас ему хочется одного, чтобы вы как можно быстрее приступили к работе, воплотив его мечты в жизнь. Мне кажется, что и вам не терпится начать реставрацию, причем как можно скорее.

Последние четыре слова он произнес с нажимом, и Камилла, взглянув на Зака, поняла, что он догадался о ее намерении отказаться от работы и предостерегает ее от этого. Но почему? И тут ее словно озарило – Зака заботило душевное спокойствие уже довольно старого и не очень здорового отца. Камилла перевела взгляд на мистера Прескотта – старый южанин, погружившись в свои мысли, рассеянно глядел куда-то в сад. Хотя последние несколько минут он спокойно сидел, но дышал тяжело, а лицо покрылось влажной испариной, как после долгой изнурительной работы. Камилла повернулась к Заку и вопросительно приподняла брови. Тот еле заметно кивнул. Девушка бессильно откинулась на спинку кресла. Подобный оборот событий поставил ее в тупик. И новый вихрь мыслей закружился в ее голове. Что же делать? Остаться здесь и терпеть выходки Зака? Но ведь она, дав свое согласие на реставрацию дома, вселила надежду в мистера Прескотта. А если уж он тяжело болен, она не может отказаться от данного слова. Выполнить работу – это ее святой долг. То, что произошло когда-то между ней и Заком, ровным счетом ничего не значит по сравнению с обязательствами, взятыми ею, а следовательно, и ее фирмой перед его

отцом. Необходимо заставить себя выбросить Зака из головы и не обращать внимания на его издевки. Может быть, им не придется видеться слишком часто? Однако кто знает...

Рейборн наконец заметил, что все замолчали, и, встав с кресла, сказал:

– Зак, куда девались твои хорошие манеры? Видимо, мне придется проводить Камиллу в ее комнату, а ты сходи за ее чемоданами.

Вот все и решилось. Выбора у Камиллы уже не было. Достав из сумочки ключи от машины, она опустила их Заку в ладонь протянутой руки, стараясь не коснуться его пальцев и игнорируя его победно-насмешливую ухмылку.

– Там лежат еще несколько каталогов с образцами. Оставьте их в машине, я их потом возьму.

Его усмешка поблекла, а выражение лица говорило о явном раздражении.

– Мне нетрудно их захватить с собой, скажите лучше, куда их положить? – спросил Зак.

– Что?

– Каталоги.

– Ну... наверное, в холл.

Зак коротко кивнул и зашагал через веранду за угол дома. Мистер Прескотт галантным жестом предложил Камилле руку и повел ее ко «вдовьему» домику. Как ни смешно, но девушке даже нравилось это необычное название. Открыв дверь, Рейборн Прескотт пропустил гостью вперед. Комнат-

ка оказалась небольшой, но очень уютной. Кондиционера там не было, но Камилла заметила подвешенный к потолку вентилятор и мимоходом подумала, как же сладко будет засыпать под его монотонное гудение. Все, что находилось в комнате, давным-давно устарело и вышло из моды, но девушка ни за какие блага в мире не согласилась бы променять эту чарующую старину на однообразное безличие номера в отеле. Она восхищенно рассматривала кровать из красного дерева под балдахинем на четырех столбиках, длинная бахрома полога из бежевой шенили спадала до самого пола. Наконец, оторвавшись от созерцания кровати, она посмотрела на окна – на них висели лишь прозрачные белые занавески. Камилла расстроилась, но, заметив жалюзи, успокоилась – их можно будет спустить на ночь.

– Ну как? – осведомился старший Прескотт – он так заботился о том, чтобы девушка чувствовала себя как дома, что это не могло не тронуть Камиллу.

Она успокаивающе коснулась его руки.

– Спасибо, все просто изумительно.

Лицо мистера Прескотта озарила довольная улыбка.

– Вот тут, – показал он, – находится кухонька, хотя мы, признаться, рассчитываем, что вы будете есть с нами в большом доме. В холодильнике вы найдете множество всяких соков и прохладительных напитков. Но если вам потребуется что-то еще, без стеснения обращайтесь к Саймону. Вон там ванная комната, а в этом углу чулан.

Он отворил дверцу, и комната наполнилась свежим ароматом. Камилла с любопытством заглянула ему через плечо. Старик засмеялся.

– Он обит кедром. Это еще одна выдумка моей тещи.

Он закрыл дверь чуланчика и взял обе руки Камиллы в свои.

– Как же я рад, что вы приехали, Камилла. Просто не представляете, до чего же мне хочется поскорей отреставрировать дом. Зак считает это стариковской причудой, извинительной в моем возрасте. Но я должен вам признаться, что делаю это не для себя и даже не в память моей жены, на самом деле я стараюсь ради него. Я так долго мечтал, что Зак женится и в нашем старом, разваливающемся доме снова зазвучат детские голоса, однако он что-то тянет и тянет. Я уже почти отчаялся увидеть внучат, но еще питаю слабую надежду, что, когда наш дом преобразится, Зак начнет новую жизнь. Мне было бы легче... легче покинуть его... если бы я знал, что у него есть семья. Только я вас очень прошу, не выдавайте меня, пусть это останется между нами.

И он заговорщицки подмигнул ей.

– Конечно, – выдавила она.

Мистер Прескотт потрепал ее по руке.

– Ну что ж, оставлю вас отдыхать до обеда. Он будет подан в восемь. Зак принесет ваш багаж. Чувствуйте себя как дома. – И, еще раз улыбнувшись девушке, он вышел, закрыв за собой дверь.

Камилла осмотрела кухню и ванную комнату. От медленного вращения лопастей вентилятора по стенам плыли причудливые тени. Тоненькие занавески колыхались в порывах легкого ветерка. С облегчением скинув туфли, Камила положила сумочку, часы и браслет на комод красного дерева и принялась снимать сережки, как вдруг одна из них выскользнула из рук и закатилась под кровать. Встав на колени, девушка поводила рукой под кроватью, но сережки не обнаружила. Она нагнулась, припав щекой к полу, и тщетно пыталась найти ее, но тут позади раздался насмешливый голос Зака:

– Видок что надо.

Резко вскочив, Камила повернулась к нему, откидывая с лица непослушные кудри. Щеки ее пылали.

– Настоящий джентльмен постучался бы, прежде чем входить, – яростно выпалила она.

Зак лишь пожал плечами. Ее гневная отповедь нимало не смутила его.

– Увы, руки были заняты. Твоими же, заметь, чемоданами.

– Это не оправдание. Мог бы из-за двери поинтересоваться, можно ли войти.

– Ну да, мог бы, – без тени сожаления в голосе согласился он, продолжая улыбаться ей.

Ну отчего, оказавшись рядом с ним, она каждый раз начинает чувствовать себя невероятно беспомощной, досадовала Камила. Как завидовала она хладнокровию и самооб-

ладанию Зака. Внутри же нее царило полное смятение. Девушка видела, как напряглись мышцы на его плечах и руках, когда он опустил тяжелые чемоданы на пол. Его выгоревшие на солнце каштановые волосы разметал ветерок, исходивший от вентилятора. Затем он взял маленькую сумку и отнес ее в ванную, резонно предположив, что в ней находится косметика.

– Сервис с улыбкой, мэ, – пророкотал он, возвращаясь из ванной и небрежно бросив ключи на комод. – Кстати, я тут все гадал, кто же нес твои чемоданы той ночью, когда ты дала деру из Сноу Берд? Уж, верно, они были потяжелее этих, дело-то было зимой. Или ты так торопилась удрать, что тащила их сама? Хотя вряд ли. Сдается мне, ты тогда была слишком утомлена другими упражнениями.

Зак по-прежнему улыбался, но в голосе его явственно звучала горечь, а глаза превратились в колючие голубые льдинки.

– Пожалуйста, Зак, ради нас обоих, давай не будем вспоминать о той нашей... встрече, – умоляюще проговорила девушка. – Это наилучший выход из создавшейся ситуации.

– Конечно, особенно для такой трусихи, как ты. Я уверен, что ты и сейчас собиралась сбежать, верно? Только что, на веранде, ты уже и рот открыла, чтобы прошебетать, что, мол, вынуждена отказаться от предложения моего отца.

– Да, все так и было, – призналась она. – Дело в том, что я не догадывалась, что мистер Рейборн Прескотт твой отец.

Я думала... то есть, надеялась... что никогда тебя больше не увижу. Поэтому, встретив тебя здесь, я и решила, что мне необходимо отсюда уехать. Но я поняла, насколько эта реставрация важна для него... В общем, я уже согласилась.

– Ну, как бы там ни было, я рад, что ты остаешься, – он говорил так неохотно, словно никак не мог поверить, что и она способна на добрый или благородный поступок.

Почувствовав его недоверие, Камилла испытала почти физическую боль, но девушка превозмогла ее и тихо спросила:

– Он болен, Зак?

– Да, – коротко ответил Зак и отвернулся к окну. – В прошлом году у него был тяжелый сердечный приступ, и с тех пор он так до конца и не выздоровел. Вот почему, когда он начал разговоры о том, чтобы отделать дом заново, я его поддержал. Его увлеченность проектом помогает ему жить, да и ном нуждается в ремонте. И сколько бы на него денег ни ушло я жалеть не стану.

«Это ведь и твой дом, Зак тебе жить в нем», – подумала Камилла, но вслух ничего не сказала.

– Отец сказал мне, что нанял дизайнера в Атланте, – продолжал Зак. – Ему дали о тебе лестный отзыв. Ты ему очень понравилась, но имени он не называл. Да я, признаться, и не спрашивал. Лишь бы он был доволен, а прочее меня не интересовало.

Он чуть помолчал и медленно прибавил:

– Сегодня, когда я вдруг увидел тебя в холле и услышал, как ты дерзко отчитываешь меня на пороге моего же родного дома, то удивился не меньше тебя. Поверь, для меня это была полная неожиданность.

Он снова повернулся к девушке.

– Я постараюсь сделать все, что в моих силах, Зак. Обещаю тебе. Несмотря на наши прежние... отношения, – последнее слово Камилла проговорила едва слышно.

Как показалось Камилле, жесткое выражение на лице Зака чуть смягчилось. А может, это была просто игра теней?

– Спасибо, Камилла, – торопливо пробормотал он и быстрым шагом вышел из комнаты.

2

Оставшись одна, Камилла приняла душ и надела легкую ночную рубашку. Вечером жара немного спала, и из открытого окна ощущалось легкое дуновение ветерка. Камилла решила не опускать жалюзи, чтобы насладиться освежающим воздухом сада, наполненным ароматом цветов. Девушка легла на постель, заметив, что простыни были удивительно прохладными и источали тонкий приятный запах. Камилла с наслаждением потянулась, напрягая каждый мускул, а потом медленно расслабилась, радуясь возможности передохнуть от напряжения, копившегося в ней с момента неожиданной встречи с Заком Прескоттом.

Никогда, даже в самых смелых фантазиях, она не представляла, что им доведется встретиться вновь. А то обстоятельство, что Зак оказался хозяином «Свадебного венка», где ей предстояло провести несколько месяцев, занимаясь реставрацией, поставило Камиллу в затруднительное и даже несколько щекотливое положение. Она вспомнила о своем желании сбежать и о том, к ее удивлению, как Зак быстро догадался о ее намерении. Сейчас, несколько успокоившись и проанализировав ситуацию, она отчетливо поняла, что побег – это не выход. Во-первых, отказ от такой важной работы вряд ли положительно отразится на ее карьере. Любому молодому специалисту большой проект необходим как ступень

в будущее. Да и шаткое финансовое положение фирмы не позволяло ей сейчас игнорировать довольно большой гонорар за исполнение этой работы. Но, пожалуй, самое главное – она не могла нарушить данного Рейборну Прескотту слова. Ведь, поручив реконструкцию дома, он целиком доверился ей, твердо веря, что она не подведет и справится с работой. Как же теперь можно отказаться, это непременно разочарует старого Прескотта, а ей бы этого не хотелось, особенно после того, как она узнала о его болезни. Да и как объяснить матери свой побег, утаив от нее то, что произошло два года назад? И еще, призналась себе Камилла, Зак, конечно же, уверен, что настоящая причина ее отъезда – неуверенность в себе и неспособность справиться с реставрацией. Как же он позлорадствует, если она уедет! Но нет! Этого удовольствия она ему не доставит. «Так и знай, Зак, я останусь здесь и выполню мою работу, а до тебя мне и дела нет», – проговорила она.

Камилла зарылась лицом в подушку и тихонько всхлипнула, прекрасно сознавая, что такое легко сказать, но сделать... Очень немногие женщины смогли бы устоять перед таким мужчиной, как Захарий Прескотт. Ей и самой это не удалось... тогда, в Юте.

Камилла вздохнула. Как бы страстно она ни ненавидела эти воспоминания, как бы упорно ни пыталась вытеснить их на задворки памяти – они неизменно всплывали из туманных глубин. Вот и сейчас ей стоило лишь самую малость ослабить контроль над памятью, чтобы вновь погрузиться в

сладкую боль прошлого – вспомнить Ют... Сноу Берд... Зака...

Когда она окончила колледж, мама сделала ей неожиданный подарок – поездку на горнолыжный курорт. Камилла испытывала неловкость – она отлично представляла, сколько может стоить такой отдых и как трудно было матери выкроить деньги на подобную поездку. Но Марта купила ей билеты, оплатила гостиницу, настояв на своем. К тому же с Камиллой должны были ехать две ее подружки. Родители девушек втайне от них придумали и подготовили эту зимнюю поездку, чтобы их дочери могли таким образом отметить окончание учебы.

Кэти Грейсон и Джейн Мерфи были не только однокурсницами Камиллы, но и жили вместе с ней в одной комнате общежития колледжа. Много времени они провели втроем, мечтая вечерами о предстоящей поездке. Кэти с Джейн прекрасно катались на лыжах, и поэтому их заботили только романтические приключения, о чем они беспрестанно болтали. Для Камиллы главным было другое – научиться стоять на лыжах, и она решила не упускать такой возможности, не тратя время на знакомство с мужчинами.

Курорт Сноу Берд, расположенный в часе езды от Солт-Лейк-Сити, превзошел все ожидания. Девушки впервые поехали отдыхать без родителей, и все им казалось просто восхитительным. Они поселились в одном номере с гостиной и тремя спальнями. В приподнятом настроении они возбуж-

денно сновали из комнаты в комнату, без умолку обсуждая, каких мужчин они видели на подъемнике, что заказать на обед и, самое главное, что им надеть.

В первый же вечер за ужином Кэти и Джейн познакомились с двумя парнями из Калифорнии. Камилле же нечем было похвастаться, тогда она еще не приобрела умения быстро сходиться с людьми. Колледж не в счет. Они проучились там несколько лет, хорошо знали друг друга, и там у нее, конечно же, было много приятелей, и она даже пережила несколько романов. Но их скорее можно назвать легкими увлечениями, да и, в отличие от большинства подруг, она не могла беззаботно скользить от одного увлечения к другому.

Первые два дня целиком были посвящены занятиям в группе новичков с инструктором. Он объяснял и показывал, как стоять на лыжах, что при этом делают руки, ноги, корпус и так далее. Камилла с ужасом поняла, что она не может одновременно выполнить все рекомендации инструктора – тело было деревянным, руки и ноги вытворяли вообще что-то невообразимое. Однако она мужественно осваивала простенькие склоны, а Кэти и Джейн тем временем легко скользили с гор в компании спортивных калифорнийцев.

Неудивительно, что после подобных упорных занятий все тело ломило. Мышцы болели так, что вечером невозможно было пошевелить ни ногой, ни рукой. А бедра, коленки и локти были в синяках и ссадинах. Камилла, наблюдая легкость и грациозность движений горнолыжников, с отчаяни-

ем подумала: она настолько неуклюжа, что, видимо, никогда не освоит этого вида спорта.

Усаживаясь за столик просторного зала кафе, где кормили всех отдыхающих, Камилла с трудом удержалась от сто-на. Наступил вечер второго дня. Кэти и Джейн отправились ужинать в Солт-Лейк-Сити со своими новыми приятелями. Они потратили уйму времени, уговаривая Камиллу поехать вместе с ними, но девушка решительно отказалась. Ей вовсе не хотелось быть пятым колесом в телеге. Единственное, что ей сейчас было нужно, – это наскоро перекусить, запереться в номере и принять теплую ванну, чтобы хоть чуть-чуть снять боль и напряжение в мышцах.

Услышав за спиной мужской голос, Камилла от неожиданности вздрогнула и подняла голову. Она даже не поняла, к ней ли обращаются. Мужчина поинтересовался, одна ли она и нельзя ли ему составить ей компанию за ужином. Камилла повернулась посмотреть на обладателя этого приятного голоса и тотчас же утонула в ярком сиянии его синих глаз. На губах мужчины играла мягкая непринужденная улыбка, одежда была небрежна и вместе с тем элегантна – словом, он был просто ослепителен. Уж не обознался ли он? Что за радость такому мужчине, к тому же лет на десять старше ее, ужинать вместе с ней, тотчас промелькнуло у нее в голове.

Запинаясь, девушка пробормотала что-то невнятное, и Зак, сочтя этот лепет за позволение, придвинул к ее столику стул и сел напротив. Несколько минут Камилла была бук-

важно не в состоянии выдать из себя ни единого слова, такое она испытала потрясение от импозантной внешности внезапно появившегося незнакомца. Он представился, назвавшись Заком Прескот-том, Камилла едва слышно пролепетала свое имя. Но не прошло и трех минут, как неприужденность собеседника растопила скованность Камиллы, и они принялись обсуждать последние фильмы, книги, в общем, вели довольно светскую беседу.

В его речи сквозил заметный южный акцент, и Камилла, не удержавшись, спросила, чем он занимается. В ответ Зак весело рассмеялся и заявил, что он фермер. Решив, что он шутит, девушка рассмеялась вместе с ним, и разговор перешел на другую тему. Потом Зак со старомодной галантностью пригласил ее на танец. К тому времени в кафе уже играла музыка и несколько пар танцевало, но Камилла отказалась, сославшись на усталость. Сама над собой подсмеиваясь, она призналась, что до того выдохлась, что даже ложку ко рту поднести для нее – и то подвиг. После ужина молодые люди перешли к огромному, чуть ли не во всю стену, камину. Зак принес две чашечки крепкого кофе, и они еще немножко поболтали, а потом Зак проводил ее до дверей номера.

– А завтра вы пойдете кататься?

– Ну, надеюсь, к утру я буду в лучшей форме. Пожалуй, пойду, – засмеялась девушка, едва заметным движением поглаживая ноющие предплечья.

Несмотря на усталость, настроение у нее было отличное.

– Спасибо, что составили мне компанию, Камилла. Непременно разыщу вас завтра на горе.

Он быстрым движением пожал ей руку на прощание и легко зашагал по коридору к лифту.

На следующий день Камилла с самого утра пребывала в таком волнении, что буквально места себе не находила. Хотя она еще и стоять-то на лыжах толком не научилась, но все-таки надела красивый комбинезон. Лихорадочно собираясь, она неоднократно принималась ругать себя за то, что ведет себя словно девчонка-подросток, сходящая с ума по капитану футбольной команды, но во время завтрака она поймала себя на том, что невольно выискивала взглядом Зака.

Однако встретились они лишь около полудня.

Камилла решила спуститься с более крутого склона, чем вчера, с величайшим трудом выполняя движения, которым научил инструктор. И именно в этот момент Зак с ошеломляющей скоростью пронесся мимо нее и, ловко затормозив, подождал, пока девушка поравняется с ним. Камилла была готова разреваться оттого, что он видит ее неумелые маневры.

– Доброе утро, – поздоровался он. Девушка подняла голову, ответив на его приветствие, ей показалось, что сегодня он еще красивей, чем вчера. На растрепавшихся от стремительного спуска волосах поблескивали солнечные лучи, облегающий комбинезон выгодно подчеркивал стройную, мужественную фигуру, а в огромных глазах отражалась осле-

пительная синева горного неба.

Весь остаток этого дня Зак не покидал ее ни на минуту. Его очаровывающий взгляд и улыбка следовали за ней повсюду. А когда во время ленча он, как ни в чем не бывало, подсел к ее столику и заговорил с ней, как со старой знакомой, Кэти и Джейн пришли в полное изумление.

– Он что, кинозвезда? Боже, он просто неотразим. Камилла, чем это ты занималась вчера вечером? А нам и ни слова! И не стыдно? Давай-ка выкладывай все!

Камиллу смутил жадный интерес подруг к ее новому знакомому, но еще больше ее смущало, что рассказывать-то, в сущности, и нечего.

Ужинали они втроем. Подруги были грустны, оказалось, что их новые приятели сегодня уехали домой. Когда ужин закончился, в зале, как обычно, заиграла небольшая джаз-группа, и Камилла заметила направлявшегося к ней Зака. Он подошел к ней и пригласил на танец. Камилла шагнула ему навстречу, не обращая внимания на удивленно поднятые брови подружек и от всей души надеясь, что Зак не заметит, с каким любопытством они его рассматривают.

Он прижал ее к себе, и в его крепких руках она ощутила какое-то новое, головокружительное, волнующее чувство. Зак танцевал так же великолепно, как делал и все остальное, и Камилле оставалось лишь отдаться на волю музыки и покорно следовать, куда он ее вел. В какой-то момент он опустил голову, спрятав лицо в темное облако ее волос, и что-то

проговорил, но, может быть, ей только послышалось. Когда Зак наконец выпустил ее из своих объятий и проводил до столика, она почувствовала внезапный укол огорчения из-за того, что танец уже закончился.

На следующее утро после завтрака он уже подждал ее, и когда появились три подруги, он приветствовал их обворожительной улыбкой.

– На доске объявлений я видел афишку, что сегодня вечером устраивается катание на санях. Камилла, не хотите ли пойти?

– Да, конечно, – улыбнулась она в ответ. – Мне кажется, там будет весело.

Она говорила так легко и непринужденно, что никто не догадался, как она волнуется. Ее сердце билось так сильно, что казалось – оно вот-вот выпрыгнет из груди.

– Прекрасно. Тогда я зайду за вами без пятнадцати девять. Днем они катались порознь, но каждый раз, случайно встречаясь на склоне, махали друг другу руками. К обеду Зак не пришел, но Камилла и сама поспешила побыстрее разделаться с едой и помчалась к себе, обдумывая по дороге наряд к вечернему катанию. Она натянула самые узкие джинсы, выгодно подчеркнув фигуру, а на ноги надела высокие, почти до колен, сапоги. Завершал ее наряд мягкий желтый свитер из ангорской шерсти. Обычно девушка надевала под комбинезон теплое шерстяное белье, но оно было такого ужасного покроя, что сегодня, желая чувствовать себя осо-

бенно женственной, Камилла решила обойтись без него, надеявшись, что и так не замерзнет.

Спускаясь в лифте, после того как Зак зашел за ней, она украдкой разглядывала своего спутника. Он тоже был в джинсах, из-под которых выглядывали ковбойские ботинки. Под куртку он поддел белый свитер из грубой шерсти. Когда Зак нажимал кнопки на панели лифта, Камилла заметила, что кисти его загорелых рук были длинные и сильные, покрытые светлым, еле заметным пушком.

Прежде чем выйти на холод к ожидающим их саням, он привлек девушку к себе и, поплотнее запахнув ее кроличью парка, застегнул «молнию» на ней медленным, неторопливым движением.

– Не хочу, чтобы ты простудилась, – прошептал он, и Камиллу бросило в дрожь от нежности и интимности его тона.

Вместе они забрались в прохладные, пахнущие морозом и свежестью сани, сели на ароматное сено и закутались в шерстяные одеяла. Лошади рванули вперед, а сидящие в санях запели рождественские песни. Мягкий баритон Зака выводил мелодию совсем над ухом Камиллы, его дыхание щеколало ей щеку, и девушку переполняло ощущение радостного, безмятежного счастья.

Зак положил руку на ее плечо, привлекая ее к себе. А в следующую секунду, к полнейшему ее потрясению, он свободной рукой осторожно расстегнул «молнию» на ее парке и просунул руку внутрь. Камилла почувствовала, как он до-

тронулся до ее шеи, затем Зак принялся тихонько поглаживать ей плечи и тоненькие ключицы. Пульс девушки бешено участился. Она робко посмотрела на своего спутника, но он только улыбнулся в ответ на ее смущенный взгляд и нежно поцеловал в висок.

Когда сани, сделав большой круг, привезли их обратно к дому, вновь повалил снег. Лошади остановились, и Зак помог слегка продрогшей Камилле вылезти из саней. Девушка нерешительно направилась было к своему корпусу, но Зак крепко схватил ее за локоть и, развернув лицом к себе, произнес:

– Мне кажется, мы оба промерзли и нам не повредит выпить по чашечке крепкого горячего кофе. Может быть, мы поднимемся ко мне в номер?

Голос Зака звучал словно завораживающая мелодия, и девушка не нашла в себе сил противиться столь заманчивому приглашению, хотя тревожный звон колокольчика в ее голове настойчиво предупреждал об опасности. Молча кивнув, она оперлась на протянутую руку Зака. Скользя на обледеневших дорожках, они направились к стоявшей особняком группке коттеджей. Это были частные домики, и Зак объяснил, что один из них принадлежит его приятелю, который пригласил его пожить там. Отперев дверь, он пропустил девушку вперед. Войдя, она огляделась – в комнате царил ярко выраженный мужской стиль. Под высоким сводчатым потолком тянулись широченные деревянные балки. С одной сто-

роны комнаты было большое решетчатое окно, а с другой находились две двери, одна из которых вела в маленькую кухню, а другая, как предположила Камилла, в ванную комнату. В углу – большой камин, обложенный крупными гладкими камнями, а прямо напротив него возвышалась королевских размеров кровать, застеленная бархатным покрывалом.

Пытаясь скрыть волнение, охватившее ее, Камилла заметила с деланной непринужденностью:

– Да уж, действительно роскошные апартаменты. А я-то считала, что у меня чудесная комната, но по сравнению с этой...

Не договорив, она замолчала.

Зак подошел к ней, положил руки на плечи, затем быстрым движением расстегнул «молнию» на парке и галантно снял ее.

– Да, у моего приятеля денег куры не клюют. Он давно построил этот коттедж, но был здесь раза два, не больше. Прости, я отвлекся, тебе надо согреться, присаживайся к огню, а я пока займусь кофе.

Громко насвистывая, он удалился в кухню. Камилла неожиданно для себя отметила, сколь непринужденно поведение Зака, то есть ему было привычно проводить время наедине с девушкой в комнате, которую иначе, чем спальней, и не назовешь. Охваченная смущением, Камилла подошла к окну, любуясь открывающимся из него изумительным пейзажем.

зажем и прислушиваясь к позвякиванию посуды на кухне.

– Смотри-ка, снег все усиливается. Хорошо, что он почти не шел, пока мы катались, – при этих словах она совершенно непроизвольно потянула за шнур, опускавший шторы на окнах.

Зак, именно в этот момент вошедший в комнату с двумя дымящимися чашками, едва подавил смех при виде такой наивности. Камилла поняла, что совершила глупейший поступок. В самом деле, вот так взять и опустить шторы! А вдруг он решит, что она это сделала специально? А вдруг ей и вправду хочется отгородиться от всего окружающего мира?

Зак позвал Камиллу, усадил ее на ковер перед камином и сел рядом. Он заботливо стащил с нее промокшие сапоги и принялся растирать ей заледеневшие ступни до тех пор, пока они чуть-чуть не потеплели. Потом он и сам снял ботинки и с блаженным вздохом вытянул ноги к огню.

После холода и снега было так приятно сидеть на ковре у пылающего камина. В тепле и уюте недавняя поездка казалась еще более романтической. Они наперебой стали вспоминать забавные моменты во время их прогулки. Весело смеясь, они припомнили своего соседа по саням, который не мог правильно спеть ни одной ноты, зато искупал этот недостаток завидной громогласностью и один перекрикивал всех.

Однако по мере того, как кофе в их чашках становилось все меньше, уменьшалась активность разговора, тема каза-

лась уже исчерпанной, и в конце концов беседа полностью прервалась и в комнате повисла напряженная тишина. Зак молча взял из рук Камиллы чашку, отставил ее на пол и, повернувшись к девушке, обнял, привлекая ее к себе.

Губы, припавшие к ее губам, оказались теплыми и настойчивыми, они вовлекали ее в волшебный круговорот чувств, мягко требовали ответа. А когда ее язык коснулся его языка, девушку словно пронзил электрический разряд, и она судорожно закинула руки на плечи Зака. Она уже два дня только и мечтала, чтобы он поцеловал ее, но и представить себе не могла, какое сильное воздействие окажет на нее этот поцелуй. Он ласкал ее губами нежно, но очень искусно.

Жаркие, лихорадочные поцелуи обжигали ей лицо и шею, и Камилла даже не поняла, в какой момент Зак умудрился снять с нее свитер. Но, когда бы это ни произошло, теперь на ней оставался лишь крохотный лифчик, подчеркивающий округлые очертания ее груди еще явственней, чем если бы она была полностью обнажена. Зак жадно пожирал ее взглядом.

– Все равно ведь, что с ним, что без – никакой разницы, – сказал он, странно улыбаясь и торопливо расстегивая застёжку. Его руки легли на обнаженную грудь девушки, лаская и возбуждая ее. Ни один из прежних кавалеров Камиллы – неловких, неуклюжих юнцов – никогда не касался ее так. Зарывшись лицом в мягкую ложбинку у нее на груди, Зак пробормотал:

– Камилла, Камилла, какая ты сладкая. И чудесная. Я хочу тебя, хочу тебя всю.

Согласилась ли она? Сказала ли что-то? Кивнула? Или просто он воспринял долгое молчание как позволение? Впоследствии она так и не смогла ответить на этот вопрос. Он поднял ее на руки и отнес на кровать, одним рывком сдернув покрывало. Должно быть, в овладевшем ею полубеспамятстве она сама стянула джинсы, пока он торопливо раздевался. Следующее, что она помнила, – это как они лежали на кровати, прижимаясь друг к другу, полностью обнаженные. Тело Зака было прекрасным. Отсветы камина плясали по комнате, бросая изменчивые блики на золотые волоски на его груди, ногах и руках.

– Камилла, – выдохнул он, лаская грудь девушки, и снова припал к ее губам, заставляя отвечать вспышкой иступленной страсти на его собственную страсть. Его прикосновения были одновременно и нежны, и пылки. Он взял ее с собой в любовное, чувственное путешествие по доселе неизвестным странам. И когда наступила кульминация, все представления Камиллы о мгновении боли и страха растворились в самозабвенном восторге настоящего мига.

Когда сладостное безумие наконец оставило их, Зак чуть отодвинулся от девушки и бережно откинул у нее с висков пряди спутанных волос, вопросительно глядя в ее янтарные глаза:

– Тебе стоило бы предупредить меня, Камилла. Прости.

Мне очень жаль.

Камилла в изнеможении лежала в его объятиях, с тихой радостью прислушиваясь к мерному биению его сердца.

– Ты действительно сожалеешь о том, что случилось? – прошептала она.

– Нет, – засмеялся он, придвигаясь ближе и зарываясь лицом в ее волосы: – Почему же ты ничего мне не сказала?

Она приподнялась на локте и недоверчиво заглянула ему в лицо:

– Ты что, шутишь? Знаешь, это не тот предмет, о котором легко упомянуть в обычном разговоре. «Сегодня чудесная погода, не правда ли? Да, кстати, я никогда раньше не имела интимных отношений с мужчиной». А если бы я сказала?..

– Пожалуй; я сделал бы то же самое, – чуть помедлив, признался он и окинул восхищенным взглядом ее всю, с головы до ног. – Просто не мог бы устоять перед тобой.

Еще раз поцеловав Камиллу, Зак обнял ее одной рукой, подождав, пока она поудобнее устроит голову на его груди, и сказал:

– Давай-ка спать, – он потерся носом о ее ухо и мгновенно заснул.

Камилла же так и не смогла заснуть. Она прислушивалась к мерному дыханию спящего Зака, но сама была слишком возбуждена происшедшим, чтобы последовать его примеру. Его горячее дыхание приятно щекотало ее шею, рука по-хозяйски устроилась у нее на бедре. Камилла почти физиче-

ски чувствовала, как невероятный покой, ощущение счастья окутывают ее. Казалось, будто сбылись все ее желания и мечты.

Несмотря на всю свою неопытность, Камилла обрадовалась тихим стонам удовольствия, сорвавшимся с губ Зака в решающий миг. Ему было хорошо с ней.

Однако вскоре мысли Камиллы приняли иное направление, привнося в ее состояние чувство тревоги. Интересно, а что сегодняшней вечер значил для Зака? Очередное любовное приключение? Судя по всему, он достаточно искушен в науке любви. Должно быть, завоевывает женщин десятками. Камилла вдруг осознала, что отдалась ему, даже не пытаясь сопротивляться. Сама, по доброй воле, упала в его объятия, в его постель! Она старалась припомнить все, что знала о нем. Ничего! Решительно ничего, кроме его имени и того, что у него есть богатый приятель, которому, собственно говоря, и принадлежит эта постель, в которую она так стремительно упала... Да и Зак не докучал ей вопросами о ее жизни. Видно, его это ничуть не интересовало! Он просто провел несколько занятных дней и одну ночь с девушкой, моложе его на десять лет, чья неопытность явно разжигала его, доставляя новые ощущения. При этой мысли Камилла ощутила себя грязной, поруганной и опустошенной. Да, спору нет, он обращался с ней нежно и ласково и казался вполне искренним, но теперь Камилла не сомневалась, что эта мнимая искренность – лишь часть хитроумного плана – добить-

ся ее.

Но следующая мысль повергла Камиллу в еще больший ужас. Девушку бросило в дрожь. Беременность! О Боже! Она ведь не пила таблетки и вообще никак не предохранялась. И Зак тоже. А что, если она забеременеет от этого, можно сказать, почти незнакомого ей человека.

В ее горячем мозгу вихрем проносились все новые и новые пугающие мысли, и каждая страшнее и нелепее предыдущей. Весь мир смешался в запутанный клубок, и Камилла уже не могла отличить правду от собственных бредовых домыслов.

Ее охватил почти животный страх, и она решила сбежать.

Осторожно высвободившись из теплых объятий Зака, она встала, стараясь не разбудить его. Ощупью отыскала на полу одежду и дрожащими руками кое-как натянула ее на себя. Крадучись, пробралась к двери и опрометью бросилась к своему корпусу, где тотчас же потребовала от сонного клерка выписать ей счет и немедленно вызвать машину до Солт-Лейк-Сити. Тот, в полном недоумении, пытался отговорить девушку от поездки в довольно сильную пургу, но она, пряча взгляд, отвечала, что, к сожалению, она вынуждена прервать свой отдых по непредвиденным, но очень срочным делам.

Ворвавшись в свою комнату, она торопливо распахала вещи по чемоданам и нацарапала записку подругам, чтобы они не беспокоились из-за ее внезапного отъезда. Пришлось соврать, что звонила мать и попросила ее срочно приехать до-

мой, так как близкий друг семьи заболел и находится при смерти. Ей и самой эта ложь казалась слишком неуклюжей, но ее воспаленное сознание не могло придумать ничего более правдоподобного.

Она выехала ночью, не дожидаясь рассвета, и с первыми лучами солнца была уже в аэропорту, где немедленно купила билет на первый же рейс на восток с посадкой в Атланте.

Это было два года назад, в декабре, на заснеженных горных склонах Юта. Но и сейчас, в Натчезе, на Миссисипи, в середине сентября воспоминания о той ночи не давали Камилле покоя.

Теперь, перебирая в памяти события тех дней, она припомнила, как перед тем как выйти из комнаты, обернулась на пороге и бросила последний взгляд на постель, гда раскинулся спящий Зак. Простыня сползла с его мускулистого тела, волнистые волосы разметались по подушке, а от длинных ресниц на смуглых щеках пролегла подрагивающая тень. Какая-то смутная, тоскливая боль, отчаянная тоска едва не заставили ее переменить решение и остаться, но она справилась со своими чувствами.

И вот теперь ее снова снедала все та же старая боль.

3

К первому обеду, на который Камиллу пригласил вчера мистер Прескотт, она выбирала платье особенно тщательно. Собираясь в Натчез, она взяла с собой и белое летнее платье, хотя понимала, что до конца сезона успеет покрасоваться в нем всего один-два раза, а потом придется спрятать его до будущей весны. Но это платье было, пожалуй, самым любимым, а кроме того, как она втайне считала, особенно ей шло. Две широкие лямки перекрещивались на шее, оставляя спину полностью обнаженной, что позволяло продемонстрировать ровный золотистый загар. На груди тоже был глубокий вырез, а узкую талию схватывал зеленый шелковый пояс.

Надо сказать, что Камилле никогда не нравилась ее фигура, и девочкой она пролила немало слез в пору, когда все ее подружки, став девушками, приобрели пышные формы. У нее же грудь наметилась лишь к окончанию школы, а бедра так и остались узкими, словно у подростка. Зато сейчас ей люто завидовали многие ее сверстницы, которым после рождения ребенка, а то и двух, стало не под силу тягаться стройностью с девичьей фигуркой Камиллы.

Девушка брызнула духами из аэрозольного флакончика, наблюдая, как легкое ароматное облачко медленно оседает на выющихся волосах, обрамляющих ее лицо и мягкой волной спадающих на плечи. Она решила оставить волосы рас-

пущенными в «художественном беспорядке». Она знала, что при такой жаре бесполезно их укладывать в прическу, так как она просуществует весьма недолго и неминуемо растреплется к концу вечера.

В последний раз бросив взгляд в зеркало, чтобы оценить результат своих стараний, она вдруг заметила в нем Зака, и сердце гулко застучало у нее в груди. Он тихо стоял за полуотворенной дверью. Камилле в голову не приходило, что кто-нибудь может зайти за ней, чтобы проводить в большой дом к обеду.

Заметив, что его присутствие обнаружено, Зак демонстративно постучал в дверь. Камилла покраснела, возмущенная подобной лицемерной выходкой Зака.

– Теперь уже мог бы войти и без стука. И давно ты там прячешься?

– Вполне достаточно, чтобы дать тебе основания для беспокойства. Не сомневайся, скучать мне тут не пришлось, – насмешливо улыбнулся он, и Камилла резко отвернулась к зеркалу, скрывая свое смущение. Она достала маленькие жемчужные сережки и стала их продевать в уши.

– Я готова, – наконец справившись с собой, пробормотала она и повернулась к Заку. Ну почему он всегда такой неотразимый? Светлый костюм чудесно оттенял темно-золотистый загар, а ярко-синяя рубашка гармонировала с глубокой синевой глаз. Ровные зубы ослепительно белели на смуглом, загорелом лице.

– Готова, да не совсем. Отец посылает почетной гостье букетик цветов из нашего сада. Мне поручено передать его и проследить, чтобы ты приколола его к платью.

С этими словами он протянул ей букетик мелких желтых роз, перехваченный белой шелковой ленточкой.

– Как мило с его стороны! – воскликнула Камилла, искренне радуясь цветам.

– Дили, жена Саймона и наша домоправительница, срезала их по просьбе отца, но выбрал их он сам. Он от тебя просто без ума.

Камилла понюхала ароматные розы и подняла глаза на Зака. Выражение его лица показалось ей каким-то странным. Но только лишь их глаза встретились, как его лицо тут же обрело свое обычное насмешливое выражение.

– Придется закрепить букетик на волосах. У меня нет булавки, чтобы приколоть его к платью.

С ловкостью фокусника, привыкшего охапками извлекать кроликов из цилиндра, Зак достал из-за отворота пиджака длинную булавку с жемчужной головкой.

– В детстве я был бойскаутом. И всегда готов к любым неожиданностям.

Он взял букетик у нее из рук и, не успев девушка понять, что он собирается делать, ловким движением завел руку за вырез ее платья. Прикосновение его теплых пальцев подействовало на нее словно удар молнии, сердце бешено заколотилось, дыхание прервалось, и по всему телу жаркой

волной разлилась горячая, одуряющая слабость. Почудилось ли ей, или пальцы Зака действительно дрогнули, прикоснувшись к ее груди, когда он прикалывал цветы на платье? Уже приладив булавку, он не спешил вытаскивать руку, и девушка чувствовала у себя на макушке его горячее прерывистое дыхание. Медленно запрокинув голову, Камилла скользнула взглядом по его груди, могучей шее, упрямому подбородку, чувственному рту, тонкому носу, и наконец ее взгляд остановился на пронзительных, ослепительно синих глазах, полных пугающего напряжения. Лица молодых людей находились всего лишь в каком-то дюйме друг от друга, но их словно разделял незримый барьер, и ни один не хотел, не смел разбивать эту преграду. Камилла поспешно потупилась и шагнула назад.

Охнув, Зак выдернул руку из-за выреза ее платья. Он совсем позабыл о булавке и неловким движением задел пальцем об острие и поцарапался.

– Проклятие, – выругался он, разглядывая кровавую дорожку царапины.

Совершенно не подумав о том, какое впечатление произведет на Зака ее действие, она схватила его за руку и, молниеносно поднеся к губам пораненный палец, осторожно слизала с него кровь, как поступила бы, уколи палец сама. Из груди Зака вырвался глубокий вздох, мгновенно отрезвивший девушку. И она внезапно сообразила, сколь интимный поступок позволила себе. Словно обжегшись, он отдер-

нул руку.

– Я... я думаю... теперь все пройдет... – запинаясь, про-
бормотала она, боясь встретиться с ним взглядом.

Зак, ничего не ответив, решительным шагом направился
к двери и широко распахнул ее перед смущенной Камиллой.

Выпив по аперитиву в гостиной, Камилла и Прескотты от-
правились в столовую. Там уже накрывала на стол пухлень-
кая женщина, которую мистер Рейборн Прескотт представил
как Дили Митчел. Она и Саймон служили в «Свадебном вен-
ке» еще с тех пор, как Рейборн привел сюда свою молодую
жену. Камилла отметила, что в отличие от невероятно худо-
го Саймона, Дили выглядела почти толстушкой, но ее пыш-
ные формы совсем не портили ее, а даже были привлекатель-
ны. Лицо Дили сияло от доброжелательной улыбки, когда,
посмотрев на Камиллу, она вдруг заявила:

– Знаете, мисс Джеймсон, а вы и впрямь очень хорошень-
кая. Мистер Прескотт верно описывал вас. Он так вас нахва-
ливал, что я уже начала сомневаться, вполне ли чисты его
намерения, когда он решил уговорить вас остаться на время
работы жить в нашем доме.

Она рассмеялась, заметив, как заливается густым румян-
цем старший Прескотт. Судя по всему, домоправительни-
ца занимала в доме достаточно прочное положение, раз уж
осмеливалась поддразнивать своего хозяина при посторон-
них.

– Впрочем, если бы он заявил, что заманил вас в дом, что-

бы доставить удовольствие Заку, я бы тоже нимало не удивилась, – добавила она, все еще продолжая хихикать, и скрылась за кухонной дверью. Только тогда Камилла рискнула взглянуть на насупившегося Зака.

– Камилла, не обижайтесь, пожалуйста, на Дили. Она всегда болтает что вздумается. Мы с Заком за много лет уже привыкли к ее манере, – извиняющимся тоном сказал Рейборн Прескотт. Девушка поспешила заверить, что ни чуточки не обижена.

Дили вернулась с подносом, заставленным множеством блюд. Она аккуратно и очень ловко поставила их на стол. Затем она положила на тарелку Камиллы огромный кусок аппетитного ростбифа.

– Знаете, Камилла, должен предупредить, что я сижу на диете, поэтому Дили избегает приправ, так что еда выходит немножко пресноватой. И если вам захочется посолить или поперчить блюда, пожалуйста, не стесняйтесь, Дили прекрасно все поймет. – Рейборн Прескотт не притрагивался к своей порции, ожидая, пока Зак не передаст Камилле солонку и перечницу. Попробовав кусочек, девушка посмотрела на озабоченного старика и широко улыбнулась:

– Потрясающе вкусно, мистер Прескотт. Можете не опасаться, что я похудею, пока гощу у вас. Честно говоря, – рассмеялась она, – если еда всегда будет такой восхитительной, опасность будет заключаться только в том, что я поправлюсь.

– Ну, слегка поправиться тебе не помешает, – прошептал

Зак так тихо, что его расслышала лишь Камилла. Девушка с удивлением повернула голову в его сторону, но он сидел с таким бесстрастным видом, словно вообще не слышал, что говорила Камилла.

За обедом старший Прескотт с галантностью истинного южанина занимал Камиллу непринужденной беседой, расспрашивая о ее жизни в Атланте, семье и увлечениях. Зак с мрачным видом глядел в свою тарелку, не принимая участия в разговоре. Но даже если Рейборн Прескотт и заметил неразговорчивость сына, то никак не выказал этого.

– А вы любите кататься? – неожиданно выпалил Зак, прервав этим несурзным вопросом беззаботный разговор Камиллы и отца. Те в полном недоумении уставились на него. Догадавшись, что вопрос адресован ей, девушка поспешила ответить, скрывая за легкостью тона охватившую ее тревогу:

– Да, у одной моей подруги есть лодка, и мы часто плаваем на ней по озеру.

– Вообще-то я имел в виду катание на лыжах, – уточнил Зак.

И почему он выбрал такую болезненную для них обоих тему именно сейчас? Она ведь не может ответить ему, как он того заслуживает, не выдав тем самым мистеру Прескотту, что их связывает некая тайна.

– Мне довелось кататься на лыжах несколько лет назад, – коротко бросила Камилла.

– Охотно верю, что тогда вы всласть накатались. Думает-

ся, с тех пор вы катаетесь, не переставая.

Камилла залилась краской, старательно сдерживая негодование. По интонационному нажиму на слово «кататься» она прекрасно поняла, что он имел в виду.

– Нет. Я каталась только однажды. И мне это пришлось не по душе. Я... у меня вообще это не слишком-то удачно получилось, – сквозь зубы процедила девушка, слегка запнувшись на последней фразе. Пока Камилла отвечала на издевательские вопросы Зака, она с каким-то упорством разглядывала свою пустую тарелку, боясь встретиться глазами с его насмешливым взглядом.

– Ну что вы, – протянул Зак. – Наверное, все дело просто в отсутствии тренировки. Держу пари, немного практики – и вы станете настоящим приверженцем этого спорта.

Камиллу передернуло от унижения. Не в силах больше терпеть эту пытку, она резко вскочила из-за стола.

– Прошу прощения, мистер Прескотт. Я... я скоро вернусь, и мы сможем приступить к осмотру дома, – она почти выбежала из комнаты, успев услышать недоумевающий голос Рейбор-на Прескотта:

– Я что-то не так сказал, сынок? Что ее так расстроило?

Не дожидаясь ответа Зака, девушка опрометью бросилась через веранду ко «вдовьему» домику.

Чтобы прийти в себя, она умылась холодной водой, бормоча всевозможные нелестные эпитеты в адрес Зака. Да что он, в самом деле, намерен постоянно мучить ее все эти ме-

сяцы, что ей придется здесь провести? Неужели ей никак не избежать постоянных едких намеков на события двухлетней давности? Как выдержать эти гнусные напоминания о ее единственной постыдной ошибке, единственном эпизоде в ее жизни, который ей хотелось бы навсегда вычеркнуть из памяти? Да она просто ненавидит Зака Прескотта!

И вместе с ненавистью к ней пришло твердое решение не склоняться под нападками Зака. Надо просто-напросто игнорировать все попытки унизить и смутить ее. Она вспомнила, как в детстве мать учила ее игнорировать дразнивших ее наглых мальчишек. И она твердо уверилась в том, что так надо поступить и сейчас – он в конце концов поймет, что ему не под силу довести ее до слез, забава наскучит ему, и он оставит ее в покое.

Почувствовав, что силы и решимость вернулись к ней, Камилла снова отправилась в большой дом, но застала в гостиной одного лишь мистера Прескотта. Тот сразу же объяснил отсутствие сына тем, что Заку потребовалось уехать по делам на весь остаток дня и вечер. Девушка тихо радовалась, что ее мольбы услышаны, хотя была несколько обескуражена, что ее гордая демонстрация выдержки и самообладания пропала даром.

Обход особняка Рейборн Прескотт начал с гостиной, состоявшей из двух комнат, разделенных тяжелыми раздвижными дверями. Одна комната использовалась как обычная гостиная, а другая представляла, собой зальчик с большим

старинным пианино. Старик пояснил, что Элис была хорошей музыкантшей, и весь просиял, услышав, что Камилла тоже умеет играть. Он непременно желал после реставрации оставить пианино на прежнем месте.

Пока они осматривали дом, Камилла вела краткие заметки, отмечая все детали обстановки и что нужно переделать, починить или вовсе убрать, а что, наоборот, оставить в полной сохранности. Она подсчитывала число окон в каждой комнате, отмечала состояние пола, даже если ей приходилось для этого заглядывать под тяжелую мебель, подбирала цветовую гамму для каждой комнаты, учитывая освещение с таким расчетом, чтобы все вместе обрело единую гармонию. Позже вечером она намеревалась поработать с каталогами, продумывая все детали. К ее удивлению, все тяжеленные каталоги были вынесены в коридор и размещены на удобных невысоких стеллажах. Оказывается, Зак все же сохранил некоторое подобие хороших манер.

После того как Камилла закончила осмотр гостиной, мистер Рейборн предложил пройти через фойе в столовую. По правде говоря, несмотря на напряженность ситуации, возникшей за обедом, девушка все же успела окинуть ее придирчивым профессиональным взглядом. Оттуда они направились в небольшую комнату для завтраков, а потом и в кухню, которая, к радости Камиллы, являла собой прекрасный образец современной технически оснащенной кухни. Она не требовала перестройки, а нуждалась в небольшом космети-

ческом ремонте. Дили мыла посуду после обеда и пришла в полный восторг, когда Камилла поинтересовалась ее пожеланиями о цветовой гамме, подходящей для кухонной обстановки. Они горячо обсудили несколько вариантов, и к концу разговора Камилла поняла, что обрела в Дили нового друга.

Из кухни Камилла и Рейборн Прескотт поднялись на второй этаж. Туда вела широкая парадная лестница, настоящим украшением которой были замечательные дубовые перила. К сожалению, за много лет они утратили первоначальный блеск и явно нуждались в чистке и полировке, чтобы обрести былое великолепие.

Наверху старший Прескотт провел девушку через несколько симметрично располагавшихся комнат, с дверями, выходящими в центральный холл. Мистер Прескотт пояснил, что все эти четыре комнаты – спальни, две из которых были соединены в единый комплекс ванной комнатой. Одну из этих спален сейчас занимал Зак.

– Зак всегда сам выбирает обстановку для своей комнаты, пусть уж так и будет, – мимоходом заметил Рейборн, и Камилла вздохнула с облегчением, понимая, какой груз свалился с ее плеч, ведь общение с Заком по этому поводу превратилось бы в сражение.

После смерти жены Рейборн Прескотт перебрался в просторную спальню, находящуюся через коридор от спальни Зака. Его владения были сплошь отделаны красным деревом, удивительно сочетавшимся с тщательно подобранной

старинной мебелью, от которой Камилла пришла в восторг. Не удержавшись, она сказала об этом Прескотту, тот расплылся в благодарной улыбке.

– Я все еще надеюсь, что во второй спальне когда-нибудь будет детская, – вздохнул он. – Так что давайте до поры до времени оставим здесь все, как есть, хотя, если вам захочется поменять здесь обои или еще что-нибудь на ваш вкус, я возражать не стану. Должен признаться, что наш чердак буквально завален старыми коврами, мебелью и всевозможными безделушками. Можете брать оттуда все, что вам понадобится.

Камилла мысленно пообещала себе, что в один прекрасный день совершит экскурсию в это хранилище чудесных старинных вещей.

– Дили с Саймоном живут в комнате над гаражом, – продолжал рассказ Прескотт-старший. – Они в один голос уверяют, что там очень уютно и они всем довольны. Быть может, вам все-таки удастся убедить их, что не мешало хотя бы полы и обои обновить. А уж когда вы уговорите их на проведение косметического ремонта, то можете смело приступать к любым изменениям по своему усмотрению, – хитро улыбнувшись, сказал он.

Вскоре Камилла заметила, что у Рейборна Прескотта ужасно усталый вид. Осмотр дома затянулся значительно дольше, чем она предполагала, и было уже довольно поздно. Чтобы не задеть гордость старого Прескотта, девушка зевну-

ла и, ловко изобразив смущение, принесла:

– Простите, но день выдался такой насыщенный, что я буквально с ног валюсь от усталости. Если вы не против, мы закончим на сегодня.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился хозяин дома.

Спускаясь вниз по лестнице, Камилла поделилась с Рейборном Прескоттом своими дальнейшими планами:

– Утром мы с вами просмотрим каталоги и решим, какие основные изменения вы хотите внести. А когда обо всем договоримся, я позвоню в фирму и закажу необходимые материалы. А тем временем, пока будут подбирать и доставлять заказ, я смогу заняться рутинной работой, например, покраской и полировкой полов, перекладкой черепицы. Только для этой тяжелой работы мне придется нанять кого-нибудь. Вы не будете против?

– Делайте все, что сочтете нужным, моя дорогая, и даже не спрашивайте.

Мистер Прескотт предложил ей руку, собираясь проводить до «вдовьего» домика, но Камилла мягко, но решительно отказалась.

– Благодарю вас, мистер Прескотт, я уже хорошо ориентируюсь в доме и смогу дойти сама. До встречи завтра утром и спокойной ночи.

– До встречи, Камилла. Кстати, если вам что-нибудь понадобится, позвоните Дили или Саймону по внутреннему телефону. Все номера закодированы и отмечены на кнопках.

– Спасибо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – Он замолчал на мгновение, а потом, тщательно подбирая слова, добавил: – Я рад, что вы приехали сюда, Камилла. Мне кажется, это украсит жизнь нам всем.

Девушка улыбнулась, кивнув в ответ, но в глубине сердца не могла согласиться с ним. Разве может украсить ее жизнь пребывание под одной крышей с человеком, которого она с каждым днем все больше и больше ненавидит?

Пройдя через темную веранду, она вошла во «вдовый» домик.

Вздвогнув, Камилла проснулась и, открыв глаза, поняла, что еще совсем рано. Ветерок раздувал легкие занавески на окне. Вчера вечером, раздеваясь перед сном, она закрыла жалюзи, но, устроившись в широкой постели, почувствовала, что при закрытых окнах в комнатке становится слишком душно. Выскользнув из-под одеяла, она подняла жалюзи и, пробежав обратно, юркнула под одеяло. Легкий прохладный ветерок и тихий мерный рокот вентилятора вскоре убаюкали девушку, несмотря на все одолевавшие ее беспокойные мысли.

Откинув одеяло и соскочив с постели, Камилла одернула коротенькую ночную рубашку, чтобы прикрыть трусики, и босиком прошлепала в ванную. Склонившись над раковиной, она начала набирать стакан холодной воды, как вдруг заметила, что под умывальником кольцом свернулась самая настоящая змея!

Издав отчаянный вопль, прорезавший безмятежную утреннюю тишину, Камилла выронила стакан в раковину, о которую он разбился, и запрыгнула в ванну, лихорадочно соображая, сумеет ли змея забраться к ней? Длинная узкая лента начала зловеще разворачиваться, и девушка снова завизжала, громко и пронзительно. Сквозь свой собственный отчаянный вопль она услышала скрип открывающейся двери и звук тяжелых поспешных шагов по комнате.

– Камилла? Камилла, с тобой все в порядке? – раздался встревоженный голос Зака.

И на пороге ванной комнаты возникла массивная фигура Зака, загородившая дверной проем. Похоже, Зак собирался на плантацию и был одет в старые потертые джинсы и синюю футболку. На голову он нахлобучил соломенную ковбойскую шляпу, а за пояс заткнул кожаные перчатки.

Он в недоумении уставился на побледневшее лицо Камиллы, в ужасе застывшей в ванне. Камилла до того обезумела, что не замечала, как пристально он разглядывает ее фигуру. Ее короткая ночная рубашка была похожа на комбинацию, едва прикрывавшую трусики. Густые спутанные волнистые волосы растрепались, придавая девушке невероятное очарование.

– Какого дьявола ты так вопишь? Что случилось? – грубо поинтересовался он, оглядываясь. Тут его взгляд упал на осколки разбитого стакана, и он с тревогой спросил: – Ты порезалась?

Дрожащей рукой Камилла показала на змею, извивающуюся под раковиной, и прошептала:

– Змея.

Поглядев вниз, Зак наконец понял причину ее паники.

– О Боже ты мой, – сказал он сквозь зубы. И в тоне его голоса звучали и отвращение, и ирония одновременно.

Широко распахнув глаза, Камилла наблюдала за тем, как Зак преспокойно ухватил змею чуть пониже головы и поднял с пола. Покачав головой, он перевел взгляд со змеи на Камиллу, а затем вышел из комнаты. Камилла услышала, как хлопнула дверь. Даже теперь, когда Зак унес змею, она все еще не решалась вылезти из ванны.

Несколько минут спустя вновь раздался звук открываемой двери, и Зак вернулся в ванную. Посмотрев на Камиллу, он насмешливо сказал:

– Ты до чертиков перепугала меня своим визгом. Скажи, тебе доводилось слышать историю о маленьком пастушке, который все кричал: «Волки, волки!»

– Она... что, она не... ядовитая? – пролепетала Камилла трясущимися губами.

– Абсолютно. Это наша семейная любимица, она живет в папином саду. Маленькая безвредная змейка.

Нарочито спокойные разъяснения несколько отрезвили девушку. Ей-то откуда было знать, что это за змея! Все они так похожи и одна другой хуже.

– Но это же вполне могла бы быть и водяная мокасиновая

змея, – воскликнула она обиженно.

– Водяная мокасиновая змея обычно водится около водоемов, и к тому же она грязно-бурого цвета. А вовсе не разноцветная красавица, как наша семейная любимица, – продолжал объяснять он с деланной терпеливостью и спокойствием, словно учитель, вразумляющий неразумное дитя. Только что пережившая сильный испуг, Камилла не выдержала новой насмешки, к глазам несчастной девушки подступили слезы, а плечи начали тихонько подрагивать. Она попыталась заговорить, но из ее горла вырывались лишь неразборчивые всхлипывания:

– Я... я ненавижу змей... всех до единой... я их боюсь... я не могу...

Внезапно она почувствовала, как крепкие руки Зака обхватили ее и вынули из ванны. Затем Зак прошел в спальню, сел на кровать и бережно опустил Камиллу к себе на колени, став ласково укачивать.

– Ты и впрямь так сильно испугалась? – прошептал он ей на ухо, отбрасывая непослушную прядку с ее щеки. – Ну прости, что я смеялся над тобой. Тсс, тише, она уже далеко, в саду, все хорошо, успокойся.

Камилла уткнулась лицом ему в грудь, зарываясь в мягкую ткань его футболки и продолжая жалобно всхлипывать. Зак терпеливо поглаживал ее по спине и вытирал слезы с мокрых щек, нашептывая всякую утешающую чушь, пока наконец девушка не затихла, окончательно успокоившись. И

теперь, когда панический страх ушел и она уже в состоянии была оценить ситуацию, Камиллу бросило в дрожь при мысли, какой же, наверное, дурочкой счел ее Зак. Она нерешительно подняла голову и виновато поглядела на него:

– Прости, что задержала тебя. Ты, наверное, торопишься на плантацию. Я так рада, что ты оказался поблизости, а не то торчать бы мне в ванне до скончания века, – она робко улыбнулась и отвернулась, избегая пронизательного взгляда синих глаз. – Как ты думаешь, как эта... эта змея сюда приползла?

Зак рассмеялся:

– Наверное, услышала, как мы говорим о нашей очаровательной гостье, вот и решила сама посмотреть на тебя. Она могла вползти сквозь какую-нибудь дырку около водопроводных труб. Не думай об этом. Я попрошу Саймона заделать все щели. Уверен, ты можешь не опасаться, что она нанесет тебе повторный визит. Ты так вопила, что еще неизвестно, кто кого больше напугал.

Девушка снова вздрогнула.

Зак одним пальцем легонько приподнял подбородок Камиллы, вынуждая ее посмотреть ему в глаза:

– Моя футболка насквозь промокла, – поддразнивающим тоном заметил он. Девушка испуганно покосилась на мокрое пятно в том месте, куда она прижималась лицом.

– Ну вот, прости еще и за это, – пролепетала она, притрагиваясь пальцами к ткани, плотно обтягивающей его ши-

рокую грудь. Зак еле заметно вздрогнул, и девушке показалось, что в глубине его глаз вспыхнул огонек. Только тут до нее вдруг дошло, в какой непосредственной близости друг к другу они находятся. Ее обнаженные бедра ощущали мягкие рубчики на джинсах Зака, а грудь прижималась к его груди, так что, должно быть, он чувствовал, как бешено бьется ее сердце.

Когда Зак склонился к губам Камиллы, она почувствовала, как он властно придерживает ее голову. Поцелуй был настойчивым и сдержанным... сперва. Затем столь памятная девушке буйная чувственность внезапно проснулась и с новой силой завладела ею, и губы Камиллы сами собой приоткрылись под мягким нажимом его языка, а дыхание перехватило – и Зак пылко завладел ее ртом, наслаждаясь им со все нарастающей страстью.

Наконец он оторвался от ее губ, чтобы дать ей возможность перевести дыхание, но его неутомимые губы продолжали покрывать легкими поцелуями ее щеки, лоб, спустились к виску и прильнули к маленькому ушку. Камилла уткнулась ему в шею и сладко вздохнула, почувствовав свежий аромат его одеколона. Ну кто еще, кроме Зака, стал бы брызгаться одеколоном перед тем, как отправиться работать на плантацию?

Этот вздох вновь привлек Зака к ее губам, и он коснулся их легким поддразнивающим поцелуем, а потом завел ее руки себе за шею, все крепче и крепче прижимаясь к ее устам.

Поцелуй становился все более страстным и все более лишал ее воли. Она лишь смутно осознавала, что руки Зака неотвратно приближаются к краю ее ночной рубашки, словно во сне ощущала легкое дуновение прохладного воздуха по ее обнаженной коже. Движения его были медленны и завораживающи. Но когда пальцы Зака скользнули под тонкую ткань и легли на ее грудь, Камилла вздрогнула и замотала головой, – Зак... пожалуйста... – чуть слышно выдохнула она. Его губы скользнули вниз по шее девушки, он языком обвел очертания крошечной впадинки у основания ее шеи.

– Пожалуйста что? Что, Камилла? – хрипло переспросил он, нежными поцелуями покрывая ее шею и крепче сжимая грудь.

– Нет, Зак, пожалуйста... – начала Камилла, но внезапный резкий стук двери прервал ее фразу. Громко перекликаясь, Саймон и Дили направлялись через сад к большому дому, чтобы приступить к своим повседневным делам.

Камилла прыжком соскочила с колен Зака и одернула ночную рубашку. Покраснев от смущения, она поспешным движением натягивала подол как можно ниже. Ей отчаянно хотелось, чтобы рубашка была бы хоть чуточку длиннее. Камилла прекрасно понимала, что ночная рубашка так мала, что она стоит перед Заком почти полностью обнаженной, а он откровенно пялится на нее, медленно скользя взглядом по всему ее телу.

Уголки его губ изогнулись в насмешливой улыбке, и он

неторопливо процедил:

– И чего ты испугалась? Потери невинности?

Она надменно вздернула подбородок.

– Что за нелепый вопрос? И особенно от тебя!

С быстротой и легкостью дикого барса Зак вскочил с кровати и, нахлобучив ковбойскую шляпу почти до самых бровей, решительным шагом направился к ней. Только упрямая решимость помогла Камилле не потупить глаза под его наглым, недвусмысленно оценивающим взглядом.

Остановившись в нескольких дюймах от нее, Зак прищелкнул языком и насмешливо протянул:

– По утрам ты особенно хороша, – с этими словами он игриво откинул с ее лица прядку волос, а затем повернулся и вышел из комнаты. Насвистывая, он пересек сад и скрылся в доме. Насвистывая! Подобная беззаботность вызвала у Камиллы приступ ярости. Его ничуть не волновало то, что произошло сейчас между ними, в то время как скрытый внутри ее вулкан наполнял ее бушующим пламенем чувств.

После завтрака Камилла и мистер Прескотт возобновили прерванную вчера вечером работу. Они долго и горячо обсуждали всевозможные цвета, материалы и стили. Камилла была приятно удивлена, что ее собеседник наделен безупречным вкусом. Но еще большую радость вызвало то, что их вкусы совпадали и им не пришлось спорить. Они одинаково представляли, каким должен стать дом после реставрации. Камилла всегда тяготела к четким, чистым и изящным линиям, простоте, в которой таилась истинная элегантность. Ее раздражали комнаты, буквально задыхающиеся от переизбытка всевозможных дизайнерских изысков, загроможденные мебелью и украшениями. По счастью, Рейборн Прескотт сразу же и охотно одобрил все тщательно подобранные ею образцы обоев и ткани для обивки мебели. Они с большой тщательностью подбирали цвета для каждой комнаты, используя по несколько сочетаний оттенков, и наконец сошлись на самых лучших, да так, что все вместе составляло единую цветовую гамму. Камилла записывала каждую мелочь, помечая номера понравившихся оттенков в каталогах – когда придет пора заказывать материалы, она не могла позволить себе ошибиться или что-то забыть.

После ленча Рейборн Прескотт и Камилла снова вернулись к этому занятию, но вскоре появился Саймон, призывая

их сделать перерыв. Он с подчеркнутой заботой уговаривал девушку пойти и хоть немного отдохнуть, но она понимала, что на самом деле он печется о здоровье старшего Прескотта и хочет, чтобы тот полежал до обеда.

Что же до Прескотта-младшего, то девушка не видела его вплоть до самого обеда. Весь день она то и дело ловила себя на том, что вновь и вновь переживает события сегодняшнего утра. Она злилась и на него, и на себя. Как смел он целовать ее, да еще так страстно? И почему она ему это позволила? Он, наверное, до сих пор смеется над тем, что она с такой готовностью поддалась на его чары и практически сама упала в его объятия, мечтая вновь ощутить его умелые ласки. К злости Камиллы прибавилась и жгучая ревность, лишь стоило ей подумать о тех, у кого он с таким совершенством выучился искусству любви.

Она ненавидела себя за свою податливость. Стоит ему коснуться ее, а она уже и тает, раздраженно говорила она самой себе. Словно канули в небытие два года, прошедшие со времен Сноу Берд. Поцелуи Зака вернули ей блаженство, которое она испытала, лежа в его объятиях. Его губы нежно и вместе с тем настойчиво припадали к ее губам, требуя от них столь же пылкого ответа – и он не был разочарован. Его руки касались ее с бережной властностью, от которой у девушки кружилась голова. Никогда, ни одному мужчине не позволяла она того, что разрешила ему. Но почему именно Зак? Какими чарами он ее околдовал? При первом же его при-

косновении все моральные устои, всякое чувство благопристойности тут же куда-то улетучивались. Камилла уже один раз поддалась на его губительное очарование – и до сих пор ее терзало сознание вины. Нет, второй раз она такую ошибку не совершит.

К обеду Камилла надела простое светло-желтое хлопковое платье. Когда она вошла в столовую, Рейборн Прескотт сидел в удобном, но сильно потертом кресле. Мистер Прескотт заметил взгляд Камиллы, которым она окинула подголовник и подлокотники кресла, и, несколько смущаясь, спросил девушку, позволено ли ему будет и после ремонта сохранить это кресло – оно ведь одно из его любимых. Камилла, улыбнувшись, согласилась. Зак стоял за стойкой, смешивая себе коктейль. Услышав ее голос, он обернулся.

Взгляд Камиллы скользнул по синим брюкам, идеально обтягивающим его длинные мускулистые ноги, а потом остановился на слегка расстегнутой бежевой рубашке, где проглядывали шелковистые волосы. У девушки невольно перехватило дыхание; справившись с внезапно охватившим ее возбуждением, она с трудом произнесла: «Добрый вечер».

– Привет, Камилла. Хотите выпить? – даже в голосе его таился соблазн.

– Если можно, чуть-чуть белого вина. Со льдом.

– Выбор настоящей леди, Камилла, – одобрил ее мистер Прескотт. – Не выношу женщин, которые пьют крепкие напитки. До того, как вы пришли, я рассказывал Заку о том,

что мы сегодня задумали. После бесед с вами я еще больше уверился в вашем таланте.

– Спасибо за комплимент, мистер Прескотт. Надеюсь, вашему сыну понравится и результат, – она обернулась к Заку, протягивающему ей бокал. – Если вы хотите посмотреть образцы, которые мы выбрали, с радостью покажу их вам прежде, чем делать заказ.

– Очень мило с вашей стороны, Камилла, но я, пожалуй, доверюсь вашему вкусу. Папа уверяет, что вы сторонница простоты в дизайне. Так что предоставлю все вам, и пусть результат будет для меня сюрпризом.

Камилла ждала, что Зак будет саркастичен и груб, особенно после утренней сцены в ее комнате. Но он, по-видимому, пребывал в добродушном настроении. Такой Зак более походил на того неотразимого молодого человека, который с легкостью покорила ее в Сноу Берд. И это ее испугало, ведь подобный Зак для нее еще опаснее. И сегодняшнее утро – яркое подтверждение тому. Нельзя терять бдительности, сказала она себе.

После обеда Зак по просьбе отца принялся рассказывать гостю о плантации. Сначала он говорил неохотно, но девушка слушала как зачарованная, и ее неподдельный интерес в конце концов превратил его рассказ в увлеченное повествование. Как ни странно, но он чуть ли не застенчиво признавался, сколько собственности находится под его управлением и сколько дохода приносит ему эта собственность каждый

год. Главным образом они специализировались на хлопке, но имели и несколько побочных отраслей, в том числе даже небольшую коневодческую ферму. И ею он очень гордился, мечтая, что со временем сможет расширить ее.

– До чего же любопытна история Натчеза, – заметила Камилла, когда тема плантации себя исчерпала. – Мне всегда нравилось читать книги о ней.

– Самое интересное, что большинство отцов-основателей решили поселиться на крутом берегу Миссисипи, а плантации завели на другом берегу, в Луизиане. Сдается мне, они были первыми американцами, кому приходилось ездить на работу в пригороды, – сказал Зак и улыбнулся, лицо его просветлело, в глубине небесно-синих глаз плясали блики свечей. В первый раз за время своего пребывания здесь Камилла ощутила покой и была этим очень счастлива.

– Знаешь, мне хочется, чтобы ты как-нибудь, пока погода не испортилась, взял бы Камиллу с собой на плантацию и устроил ей экскурсию, – вдруг сказал мистер Прескотт.

Камилла встретилась с Заком глазами. Сердце ее так и подскочило при мысли о том, что ей придется провести с ним целый день. Зак не отводил от нее пристального взгляда, полного глубокого значения. Не выдержав силы этих синих глаз, девушка потупилась.

– Что ж, я согласен, – сказал он, отодвигаясь от стола. – А сейчас, прошу прощения, вынужден вас покинуть. У меня свидание.

Он объявил об этом так небрежно, так буднично, но слова его почему-то сильно задели Камиллу. Однако в следующую же секунду она принялась ругать себя за это. Ну и что, что он встречается с какой-то женщиной? Ей до этого нет никакого дела. Но почему же недавнее ощущение покоя и счастья растаяло без следа? Зак пожелал доброй ночи отцу, потом ей и легкими быстрыми шагами вышел из комнаты, напоследок бросив на девушку насмешливый вызывающий взгляд. Ее гнев немедленно переключился на Зака. Ничего, она еще докажет ему, что ей все равно, пусть даже он будет ходить на десяток свиданий за вечер!

Они скоротали остаток вечера за бриджем. Камилла играла в паре с Рейборном Прескоттом против Саймона и Дили. Они много шутили и смеялись. Глядя, как веселится Камилла, никому и в голову не пришло, что в глубине души она чувствует себя бесконечно несчастной и постоянно гадает, кто же та счастливица, что привлекла внимание Зака.

Дни бежали быстро, прошла неделя. Камилла вместе с Рейборном Прескоттом наконец окончательно обсудили все детали и подсчитали, сколько и каких материалов потребуется на отделку дома. Камилла созвонилась со своей помощницей в Атланте и тщательно объяснила ей, что надо заказать, велев непременно звонить, если возникнет хоть малейшее затруднение. Потом трубку взяла Марта. Ей не терпелось расспросить дочь, как у нее идут дела. Камилла ответила на все вопросы матери, а в конце разговора добавила – все

превосходно, и Прескотты чрезвычайно милы. «Во всяком случае, старший», – сказала она про себя.

С Заком она виделась мало. Обычно он уезжал на плантацию ранним утром и возвращался только перед самым обедом, а частенько и глубокой ночью. В таких случаях мистер Прескотт пояснял, что у сына на сегодняшний вечер другие планы. Камилла болезненно переживала отсутствие Зака – ведь, как ни горько ей было признавать это, все последние дни мысли ее неустанно крутились лишь вокруг него. А короткие встречи за обеденным столом доставляли ей невыразимую радость. Пусть порой слова его были обидны, пусть речь его была пересыпана намеками, понятными только ей одной, но Камилла поняла, что готова терпеливо сносить его насмешки, чем совсем не видеть Зака.

Он никогда не говорил, с кем встречается, и Камилла никогда не узнала бы этого, не упомяни мистер Прескотт как-то вечером «вдову Хазелетт». Услышав это упоминание о подруге Зака, Камилла с трудом заставила себя продолжать обедать как ни в чем не бывало.

– Вдова Хазелетт? – с напускным безразличием переспросила она.

– Да. Зак часто видится с ней, хотя лично мне она совсем не по душе. Уж больно она жеманная... кривляка какая-то. А с Заком носится, как медведица со своим медвежонком – никого и близко к нему не подпускает, чуть ли на людей не кидается. Да и на воспитание детей взгляды у нее ново-

модные. У нее двое детей, славные такие, воспитанные и умненькие. Но она мало уделяет им времени – каждую осень отсылает их учиться в пансион, а летом то бабушкам-дедушкам сплавит, то в лагерь запихнет. Надеюсь, Заку хватит ума не связывать всерьез свою судьбу с особой вроде нее.

Камилла мысленно улыбнулась, но сохранила на лице серьезное выражение, чтобы не обидеть Рейборна Прескотта. Теперь-то она, по крайней мере, знала, с кем встречается Зак – уже хорошо. А то, что его отец эту женщину не одобряет, – еще лучше. Ей, Камилле, это только на руку.

При этой мысли она вдруг опомнилась. Ей-то что до Заковых увлечений? Ей он совершенно не нужен. Такой человек не может ее интересовать! Он подло соблазнил невинную девушку, да еще и не испытывает ни малейших угрызений совести, что похитил у нее то, что должно принадлежать только мужу. Нет! Человек с моральными принципами Зака Прескотта ей ни к чему.

Она обдумывала эту мысль так долго и так резонно, что сама почти поверила.

Взяв справочник, Камилла начала обзванивать фирмы и частных мастеров, чтобы нанять плотников, маляров, обойщиков, мастеров по обивке мебели и портных. Имя Прескотта было хорошо известно по всей округе, так что девушка с радостью убедилась, что набрать специалистов не составляет большого труда.

Дни текли один за другим безмятежной чередой. Внезап-

но Камилла осознала, что и не заметила, как подкралась осень. Цветов на веранде становилось все меньше, лишь хризантемы держались по-прежнему стойко, украшая дом всей гаммой осенних оттенков.

Небо затянулось низкими тяжелыми тучами, и вот как-то утром они прорвались холодным дождем. Саймон позвонил Камилле в комнату и сообщил, что мистер Прескотт не спустится к завтраку и она может провести день по своему усмотрению. Прескотт-старший решил уделить день просмотру бухгалтерских книг по плантации и, чтобы ему не мешали, закрылся у себя в спальне. Камилла, разумеется, знала, что Зак отлично справляется с ведением дел, но ей было приятно, что он дает отцу почувствовать себя полезным.

Надев джинсы и черную льняную рубашку, она решила, что посвятит этот дождливый день осмотру чердака. Она давно уже собиралась разведать, какие сокровища пылятся там без употребления.

Глядя на сплошную стену проливного дождя и разлившиеся по веранде лужи, девушка вдруг вспомнила, что она забыла взять с собой зонт. Но делать было нечего. Забрав волосы в хвост и скрепив их заколкой, она обмотала голову махровым полотенцем, с минуту нерешительно постояла под навесом на крыльце «вдовьего» домика и, пригнув голову, опрометью бросилась через залитую водой веранду.

Внезапно она налетела на какую-то преграду и в то же мгновение услышала над самым ухом рокочущий смех Зака

и ощутила, как его рука легла ей на талию.

– Эй, смотри, куда мчишься, не то упадешь и нос разобьешь.

Выглянув из-под полотенца, Камилла увидела, что он держит над ними огромный зонт. Она радостным смехом ответила ему, и они, огибая растущие на глазах лужи посреди веранды, припустили к большому дому. Зак по-прежнему поддерживал девушку за талию.

Очутившись под крышей, он сложил зонт, прислонил его к стене и запустил руку в намокшую шевелюру.

– Боже, ну и потоп. Это Саймон догадался, что у тебя нет зонтика, и отправил меня на выручку. Зря ты меня не подождала.

Он дружески улыбался ей. Сердце Камиллы бешено колотилось, не в силах успокоиться после недавних объятий с Заком – пусть невинных и мимолетных, но все-таки объятий.

– Пойдем, – он жестом показал, чтобы она следовала за ним, и зашагал напрямиком на кухню. – Бисквиты уже в духовке. Ты какую яичницу любишь?

– Ты сам готовишь завтрак? – не веря собственным ушам, переспросила Камилла.

– Ну да, – пожал он плечами. – А почему бы и нет? Что я, младенец беспомощный?

Слова его звучали почти негодующе.

– Так все-таки какую ты любишь яичницу? – повторил он, выделяя каждое слово.

– Омлет, – улыбнулась она, наливая себе кофе в чашку из кофеварки, вмонтированной в нише стены.

Зак перешел к плите.

– С беконом? Мягкий или поджаристый? – спросил он через плечо.

– С беконом и поджаристый, – ответила она. – Очень.

Зак оглянулся, состроив насмешливую гримасу, где неодобрение граничило с неприкрытым ужасом.

– Свою долю я сниму со сковородки пораньше, – проворчал он, разбивая яйца в миску. – Как ни жаль, но овсянки сегодня не будет. Как ни возьмусь ее варить, непременно все пригорает, а Дили потом бранит меня, что ей, мол, придется отскребать кастрюлю.

Камилла засмеялась и начала накрывать на стол. Кухня наполнилась аппетитным запахом жареного бекона. Пока Зак колдовал над омлетом, он успел объяснить, что Дили отправилась навестить больную подругу, а Саймон помогает отцу наверху. Безмолвие полупустого дома, мерный рокот дождя, отделяющего их от всего остального мира, одиночество вдвоем на уютной кухне – все это создавало особую, трогательно-романтическую обстановку. Камилле подумалось о том, как могло бы быть, если бы они встретились при других обстоятельствах, влюбились друг в друга и поженились. Сколько мирных завтраков успели бы они разделить за это время. У них ведь мог бы уже быть и ребенок. Погрузившись в эти мысли, она не сознавала, с какой нежностью

смотрит на Зака, пока он наконец не повернулся от плиты с тарелкой в руках и не застал ее врасплох в самом разгаре мечтаний.

Ехидно усмехнувшись, он поставил тарелку на стол и плюхнулся на стул напротив Камиллы.

– Не знаю уж, о чем ты так сладко задумалась, но мне до чертиков захотелось очутиться в мире твоей мечты. Судя по выражению твоего лица, там, должно быть, здорово.

Камилла впилась зубами в кусок бисквита и не торопилась поднимать глаза на Зака, наконец она произнесла:

– Я просто... просто предвкушала, что найду сегодня на чердаке.

– Врунишка, – тихо прошептал он. В голосе его таилась такая интимность, что рука девушки задрожала и пальцы, не удержав нож, со стуком выронили его на тарелку.

Несколько минут молодые люди ели молча, потом Камилла неуверенным голосом похвалила кулинарные способности Зака. Тот ничего не ответил. После завтрака она стала собирать тарелки и чашки, но он снова удивил ее, остановив.

– Не беспокойся, я сам уберу и все помою. Все равно я выпью еще чашечку кофе. Удачи тебе на чердаке.

Камилла кивнула и неохотно вышла из теплой кухни. Зак с рассеянным видомпил обжигающий кофе.

Поднявшись на второй этаж, девушка робко постучала в дверь мистера Прескотта. Саймон открыл дверь, и Камилла предупредила, что идет на чердак и пусть они не волнуются,

если вдруг услышат над головой топот. Прескотт-старший прокричал ей из дальнего угла «доброе утро», и Саймон закрыл дверь. Камилла отправилась в соседнюю комнату, где был расположен вход на чердак и которую Рейборн со свойственным ему упрямым оптимизмом называл «детской».

Лестница на чердак находилась в чулане. Продираясь сквозь многолетнюю паутину, Камилла отважно полезла наверх. Там царила крошечная тьма, так как не было никаких окон. Хорошо еще, что Саймон предупредил девушку, где находится выключатель, и теперь она сумела на ощупь найти его. Раздался легкий щелчок, и помещение озарилось тусклым светом болтавшейся на длинном шнуре одинокой лампочки.

Комната, если ее, конечно, можно было так назвать, тянулась почти во всю длину дома. Вдоль одной стены, до самого потолка, стояли сундуки и чемоданы. Другую стену занимали ряды полок, куда были сложены ящики с этикетками, указывающими, что там лежит. А все пространство пола между этими стенами было заполнено всевозможными коробками, от больших до самых маленьких. В углу стояла мебель, затянутая чехлами от пыли, поэтому о том, что же таилось под чехлами, можно было только догадываться. «Да, – горестно подумала Камилла, – та еще предстоит работка».

Нетерпеливо откинув назад выбившиеся из хвоста пряди, она взялась за дело. После первых же нескольких ящиков, вытащенных с нижних полок, блузка выбилась у нее из

джинсов, и девушка, чтобы не отвлекаться на постоянное заправление ее обратно, завязала ее узлом на животе.

В первых ящиках никаких особых сокровищ не обнаружилось, лишь всякие по большей части не слишком впечатляющие безделушки. Из полезных вещей Камилла нашла несколько хрустальных чаш, которые неплохо смотрелись бы в столовой, если их, конечно же, предварительно отмыть до блеска. Пометив эту коробку, Камилла отставила ее в сторону.

Поднимаясь на цыпочки, чтобы дотянуться до следующей, она невольно отметила про себя, что гроза тем временем разыгралась не на шутку. Дождь оглушительно барабанил по крыше над головой, а раскаты грома устрашающе грохотали совсем близко.

– Не лезь. Тебе не достать, ты можешь упасть и пораниться. Сейчас сам сниму, – вдруг раздался голос за ее спиной. Девушка вздрогнула и обернулась. Ну конечно же, это был Зак.

– Ты мена напугал! – негодуяще закричала она. И как ему удалось так неслышно подняться по лестнице? Хотя тут же сообразила, что шум дождя заглушил бы даже сильный топот.

– Зачем ты сюда пришел? Мне не нужна помощь. Я и сама отлично достану, – упрямо заявила она, снова поднимаясь на цыпочки и протягивая руки к коробке.

Однако не успела она схватить ее, как почувствовала на

затылке горячее дыхание Зака, а в следующий миг он прижался грудью к ее спине. Наклонившись вперед, он тоже потянулся к коробке, но вместо того, чтобы снять ее, неожиданно накрыл ладонями руки девушки. С поднятыми над головой руками, ощущая спиной жар его сильного тела, она вдруг почувствовала себя совсем беспомощной. Только Камилла решила высказать Заку все, что думает о его попытках доказать свое превосходство, как раздался оглушительный удар грома, электричество отключилось, и чердак погрузился во мрак.

Девушка сдавленно вскрикнула.

– Не бойся. Все хорошо. Я здесь, с тобой.

Зак говорил спокойно и уверенно, но в его «ободрениях» Камилла не нуждалась. Ему же не объяснишь, что она скорее всего вообще бы не испугалась, находясь здесь одна, без него. Она боялась не того, что внезапно погас свет, а того, что он – Зак – стоит так близко в этой пресловутой темноте.

Сильные руки Зака соскользнули с кистей Камиллы, медленно-медленно поползли вниз по ее рукам, задержались на минутку на плечах, нежно поглаживая их и шею, а потом вновь заскользили вниз на талию, наполняя ее сладкой истомой, пока не остановились на ее голом животе.

Дыхание Зака опаляло затылок Камиллы. Он принялся покрывать нежными поцелуями ее шею, волосы.

– Камилла, – простонал он, развязывая узел блузки у нее под грудью. Губы его прочертили дорожку из поцелуев от

ее уха к щеке, коснулись уголка рта. Тело Камиллы налилось какой-то дурманящей слабостью, по чреслам пробежала странная дрожь.

– Зак, о Зак, – выдохнула девушка, поворачиваясь к нему и обвивая руками за шею. Губы искали в темноте губы Зака.

Уста их встретились, и они невольно подались друг к другу. Забыв обо всем на свете, Камилла упивалась ароматом его дыхания, пряным запахом его кожи, мягкой шелковистостью волос под ее пальцами. Зак был рядом с нею, целовал ее – ничто больше не имело для нее никакого значения.

Руки Зака легли ей на бедра, и он властным движением притянул ее к себе, чтобы она могла ощутить силу его желания. Камилла вздрогнула, осознав, что ее ответное желание столь же горячо, как и его.

Он схватил девушку за руку. Камилла почувствовала на ладони его поцелуй, а страстное дыхание обожгло ей запястье.

– Коснись меня, Камилла, – хрипло попросил он, кладя ее ладонь себе на грудь.

Лишь секунду поколебавшись, девушка расстегнула две верхних пуговицы у него на рубашке и робко запустила руку внутрь. Пальцы ее легонько пробежали по волосам на груди, а потом, осмелев, скользнули чуть ниже.

– О Боже, – простонал он, снова нащупывая губами ее губы. А его руки уже были под ее рубашкой, ища застежку на лифчике.

Вспыхнул свет. Молодые люди отскочили друг от друга, щурясь на неожиданно резкий свет, словно пытаясь вспомнить, где они и чем занимались до того, как их подхватила волна взаимной страсти.

Камилла украдкой взглянула на Зака, он приглаживал волосы с таким раздосадованным и огорченным видом, что она побоялась заговорить с ним. Отвернувшись, она принялась судорожно заправлять рубашку в джинсы.

– Зак, вы с Камиллой наверху? – раздался с нижних ступеней лестницы голос Саймона. Зак невесело рассмеялся.

– Да, мы в порядке. Как раз свет зажегся, – в голосе его звучала горечь.

– Отлично, я проверил, так, на всякий случай.

Шаги Саймона направились в дальнюю комнату, и на чердаке слышались лишь стук дождя по крыше и взволнованное, частое дыхание.

Камилла смущенно подняла глаза, но увидела лишь насмешливую ухмылку Зака.

– Поздравляю, Камилла. Ты чудом спаслась от моих посягательств.

Слова больно задели девушку, но она промолчала, глядя, как он резко повернулся и начал спускаться по лестнице. Прежде чем голова его скрылась в люке, он оглянулся.

– На этот раз, – добавил он и исчез.

В тот же вечер Камилла узнала, что Зак на несколько дней уехал в Кентукки, чтобы познакомиться с одним из ведущих коневодов страны и осмотреть его ферму.

– Я пытался уговорить его подождать, пока не закончится этот период осенних ливней, – сказал Рейборн Прескотт, – но он настоял на своем. Иногда он упрям, как мул, – старик улыбнулся Камилле. – Мне кажется, что, как человек активный, он не может сидеть без дела, а из-за дождей на плантации остановились все работы. А что у вас новенького, вам удалось найти что-нибудь интересное на чердаке?

Девушка отчаянно старалась не выдать смятение, в которое ее повергало любое упоминание об утреннем походе на чердак. Вспомнив презрительное выражение лица Зака и его жестокие слова, она с трудом сдержала подступившие слезы. Некоторое время Камилла сидела молча, боясь, что дрожащий голос выдаст ее, наконец она взяла себя в руки и произнесла:

– Да. Я нашла хрустальный сервиз. По-моему, он чудесно будет смотреться на буфете в столовой. А еще замечательное кресло. Если его починить, можно поставить в какой-нибудь спальне. Еще там есть чайный столик, который, наверное, как нельзя лучше подойдет для гостиной.

Она внезапно замолчала и стала рассеянно вычерчивать

причудливые узоры вилок на тарелке, так и не притронувшись к еде. Странно, но ей совсем не хотелось говорить о том, что недавно ее интересовало больше всего. Хотя Камилла и понимала, что хорошие манеры, привитые Мартой Джеймсон, запрещали показывать свое дурное настроение собеседнику, она не могла с собой ничего поделать.

Конечно же, Рейборн заметил ее состояние и заботливо спросил:

– Камилла, вы хорошо себя чувствуете?

– Ох, мистер Прескотт, простите мне мое уныние. Наверное, все из-за дождя. Он действует на меня удручающе – я скучаю по дому, – довольно убедительно солгала девушка. Ей показалось, что этот ответ вполне объяснил Рейборну Прескотту ее состояние. Посмотрев на него, она вдруг поняла, что взгляд его синих глаз, так похожих на глаза Зака, пытливо изучает ее. «Неужели он о чем-то догадывается?» – мелькнула неожиданная мысль.

Он потрепал ее по руке.

– Ну конечно, Камилла, я все отлично понимаю. Надеюсь, ваша тоска скоро пройдет. Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

Его заботливая участливость ввергла Камиллу в еще большее смятение. Невероятная жалость к себе захлестнула девушку, и она, к своему ужасу, разразилась слезами.

– Простите, – всхлипнула она, поднимаясь из-за стола. – Наверное, мне лучше сейчас пойти к себе и прилечь.

И, не дожидаясь ответа, выбежала из комнаты.

Бессонная ночь, казалось, длилась целую вечность. Девушка металась по постели, тщетно пытаясь уснуть. Когда же, под утро, сон наконец пришел к ней, ей снился Зак. Как может один и тот же человек быть таким нежным и любящим, а буквально через мгновение – таким озлобленным и жестоким? Ведь он же знает, что имеет власть над ней, он знает, что превращает ее в беспомощную рабыню в своих объятиях, но почему-то потом пытается представить все так, словно это только ее желания, а следовательно, и ее вина. Какое счастье, что он уехал хотя бы на несколько дней. Но почему же тогда сознание того, что его нет рядом, делает ее такой бесконечно несчастной?

Он околдовал ее. Измучил, истерзал ее душу. Это несправедливо! Два года он постоянно преследовал ее во сне, а теперь она дошла до того, что все мысли были сопряжены только с ним. Она вновь и вновь вспоминала их мимолетный роман в Сноу Берд. Она никак не могла понять этого человека – если Зак испытывает к ней лишь абсолютное презрение, то отчего так пылко целует? Мысли мешались; то она принималась ругать Зака, то себя – как же она глупа, что осталась, обрекая себя на эту пытку. Однако вдруг она остановила этот почти бредовый поток мыслей и спросила себя: разве не было бы в тысячу раз хуже уехать и больше никогда не видеть его? Да, призналась она, так было бы гораздо хуже.

Тяжело вздохнув, девушка забылась беспокойным сном.

На следующее утро, встретив Камиллу за завтраком, Рейборн тактично воздержался от вопросов по поводу черных кругов у нее под глазами и ее необычной бледности. Девушка извинилась за свое вчерашнее почти детское поведение и даже попробовала было отшутиться, но сразу же поняла, что ее попытки не увенчались успехом – проницательный старый южанин заметил ее притворство.

Сразу же после завтрака она решила заняться перилами лестницы, ведущей на второй этаж. Надо было бережно, не повредив резную поверхность, отскрести с них многолетний темный налет, а потом отполировать. Эта грязная и утомительная работа требовала многих часов кропотливого труда. «Как раз то, что мне сейчас нужно, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей о Заке», – сказала себе Камилла, натянула старенькие джинсы, завязала волосы косынкой и рьяно взялась за работу.

На перила ушло добрых два дня. Камилла работала не покладая рук. Рейборн Прескотт не мог спокойно наблюдать, как эта хрупкая девушка изнуряет себя столь тяжелой работой, и стал настойчиво предлагать вызвать мастера. Но она решительно отказалась, объяснив, что предпочитает все сделать сама.

Когда наконец старое дерево вновь засияло теплым коричнево-золотым сиянием, девушка решила, что настала очередь полов. Хотя они по большей части были застелены коврами, она все же считала, что полы во всем доме необ-

ходимо отциклевать, заново покрасить и натереть воском. С такой колоссальной задачей явно не справиться в одиночку, поэтому Камилла заключила контракт со специалистами – отцом и сыном О'Мели.

Новые помощники понравились девушке с первого взгляда. Не зря мистер Прескотт рекомендовал именно их, подумала она. Шон О'Мели оказался удивительно бодр и проворен для своего возраста, а его рвение сделало бы честь человеку и вдвое моложе. Его сын, Рик О'Мели, неотразимый блондин с выразительными карими глазами, был примерно ровесником Зака. Он очень располагал к себе. Веселый характер, мягкая открытая манера общения, редкое умение «поговорить с каждым» – в общем, уже через час они с Камиллой так подружились, точно знали друг друга всю жизнь. Он, правда, все это время самым настойчивым образом флиртовал с девушкой, но у него это выходило так мило, что Камилла поняла – сердиться на него совершенно невозможно. Она отшучивалась и флиртовала в ответ, и часы однообразной утомительной работы пролетели почти незаметно.

Рик был чуть ниже Зака, но отлично сложен и наделен недюжинной силой. В нем словно бы бил родник неиссякаемой энергии и бодрости, которая заражала всех, кто оказывался рядом с ним. Стоило Дили, Саймону или Рейборну Прескотту зайти в комнату, где работал Рик, он тут же находил, о чем с ними поболтать. Но, странное дело, в течение

нескольких дней слушая почти непрерывный поток его болтовни, Камилла постепенно начала замечать, что о себе он практически ничего не рассказывает. И часто, когда он думал, что его никто не видит, по веселому лицу молодого человека пробегала тень, а глаза затуманивались печалью. Но эта тень мгновенно исчезала, едва он замечал, что в комнату кто-то вошел.

Как-то вечером, провожая О'Мели, Камилла вышла с ними на крыльцо. Шон тотчас же распрощался и побрел к грузовичку, припаркованному на аллее, но Рик приотстал и с необычной для него застенчивостью спросил девушку, не согласится ли она встретиться с ним вечером в пятницу.

– Будет футбольный матч между университетскими сборными. Игра сезона. Весь город только об этой игре и говорит. Может быть, тебе это тоже будет интересно?

Камилла только миг медлила с ответом, подумав о Заке и о том, что он скажет, когда узнает. Но, в конце-то концов, какое ей дело до Зака и того, как он отреагирует на ее свидание? Она уже совершеннолетняя, и у Зака абсолютно нет никаких прав на нее, как, впрочем, и у нее на него. И Камилла решила.

– Да, – пылко согласилась она.

– Отлично. Тогда до завтра. – Рик, словно птица, слетел по ступенькам, прошелся до грузовика в уморительном торжествующем танце и уехал, оставив хохочущую Камиллу на крыльце.

Когда в пятницу около полудня Саймон принес в гостиную, где кипела работа, графин холодного лимонада, Камилла стояла на коленях в самом дальнем углу с кистью в руках.

Рик подкрался к ней сзади и рывком поставил на ноги.

– Эй, леди, почему бы не сделать передышку? – спросил он. – Нет, вы только поглядите на эту физиономию! Детка перепутала, мы ведь тут пол красим.

Он засмеялся и, достав из кармана носовой платок, принялся вытирать брызги краски с лица девушки.

Камилла, улыбнувшись, стала в шутку отбиваться от Рика, и именно в этот момент в проеме двери, отделявшей гостиную от холла, появился Зак. Он бросил быстрый взгляд на эту сцену, и лицо его приняло яростное выражение, синие глаза потемнели от гнева. Камилла заметила, что Зак сжимает и разжимает кулаки, словно из последних сил старается сохранить контроль над собой.

– Привет, Зак, – поздоровалась она, как будто ничего не случилось, хотя на самом деле эта фраза служила предостережением для ничего не подозревающего Рика. Тот сразу оглянулся и, увидев застывшего в боевой стойке Зака, перевел недоуменный взгляд на девушку. Впрочем, замешательство его длилось не дольше секунды, и он, повернувшись и протянув руки, устремился к двери.

– Зак, сколько лет, сколько зим! Давненько тебя не видел, старый плут! Только представь, я работаю в твоём доме вот уже неделю, а владельца поместья-то и не видел. Как дела?

– Отлично, Рик, а ты как? – сквозь зубы процедил Зак, пожимая ему руку. – Вижу, работка у тебя не из нудных. С вашего позволения...

Нарочито игнорируя Камиллу, он коротко кивнул Рику и Шону О'Мели и, круто развернувшись, зашагал к выходу, едва не сбив с ног отца, которому довелось стать свидетелем этой сцены.

– Здравствуй, сынок. Как поездка?

– Все нормально, – приостанавливаясь, сказал Зак.

– Вот и хорошо. Мы все очень рады, что ты вернулся.

– Да неужели? А мне кажется, мое появление испортило кое-кому хорошее настроение.

И он устремился вверх по лестнице, даже спиной выражая полнейшее недовольство и раздражение. Рейборн задумчивым взглядом проводил его, а потом посмотрел на Камиллу. Сейчас девушке больше всего на свете хотелось провалиться сквозь тот самый пол, который она только что так усердно красила.

Но в следующий миг ее охватили ярость и злость на Зака. Чего, собственно говоря, ей стыдиться? Она не делала ничего дурного, а если бы даже и делала, то какое дело Заку до этого.

– Вероятно, недельная разлука с домом убила его чувство юмора, – заявила Камилла, горделиво задирая головку.

В глубине души она побаивалась, что мистер Прескотт одернет ее, но, к ее изумлению, старик громко захохотал, за-

прокидывая седовласую голову.

Рик вытер вспотевшие от волнения ладони о джинсы. Он знал Зака Прескотта еще со школы и отлично понял значение его взгляда. Всякий, обладавший хоть толикой здравого смысла, поспешил бы убраться подобру-поздорову, заметив, что эти синие глаза приобретают стальной блеск.

– Пожалуй, мне пора за работу, – виновато пробормотал он и, не глядя на Камиллу, отправился в дальний угол гостиной и принялся красить пол.

Перед отъездом Рик отозвал девушку в сторону.

– Послушай, Камилла, – озабоченно зашептал он, – я очень не хотел бы вторгаться на чужую территорию. Вы с Заком случайно не... я имею в виду... ну, словом...

Бедняга никак не решался закончить свою мысль, поэтому Камилла перебила его:

– Рик, я очень хочу пойти с тобой сегодня вечером. И я уверяю тебя, нет абсолютно никаких причин, из-за которых эта встреча была бы нежелательной.

Рик вытер капельки пота с верхней губы и вздохнул.

– Что ж, я только рад. Не хотелось бы доводить кое-кого до бешенства, – он шутливо чмокнул ее в щеку. – Тогда я заеду за тобой около семи. Идет?

Девушка кивнула, и Рик уехал.

Обед в тот день был подан раньше обычного. Как и ждала Камилла, за столом Зак был мрачен и необщителен, зато

Рейборн Прескотт, по-видимому, настроился провести время весело, и ничто не могло испортить ему настроения. Он без устали рассказывал Камилле о всевозможных приключениях и проказах на Миссисипи, и в его изложении эти истории звучали ничуть не скучнее историй из жизни Тома Сойера и Гекльберри Финна. Как ни досадовала девушка на хмурого Зака, но над рассказами его отца смеялась от души. Она заметила, почему-то чем звонче раздавался ее смех, тем мрачнее становился Зак. «Ну и пусть подуется», – думала она и смеялась еще громче.

После того как обед закончился, Рейборн Прескотт отодвинулся от стола, откинулся на спинку стула и промокнул выступившие от хохота слезы.

– Да, мне есть что вспомнить про лето двенадцатого года. – Он на секунду умолк, а потом спросил: – Так во сколько за вами заедет Рик, Камилла? Знаешь, сегодня вечером она едет с ним на футбольный матч, – пояснил он Заку.

Камилла покосилась на молодого человека, но тот лишь равнодушно пожал плечами и принялся за холодный чай.

– Около семи, – ответила она, задетая безразличием Зака.

– Ну тогда, вам, наверное, пора переодеваться... То есть, я совсем не то говорю, вы и сейчас прелестны, – он отодвинулся от стола и сказал, словно ему это только что пришло в голову: – Зак, а почему бы тебе завтра не показать Камилле нашу плантацию? Она всю неделю трудилась как каторжная, и мне бы хотелось хоть в уик-энд дать ей отдохнуть.

– Право, не знаю... – начала она, но Зак прервал ее.

– Ладно. Все равно мне завтра больше делать нечего, – он тоже отодвинул стул от стола. – Тогда до завтрашнего утра. Оденьтесь соответственно.

Ни с кем не попрощавшись, он удалился из столовой, хлопнув дверью.

Камилла поглядела на Рейборна Прескотта и заметила, с каким удивлением он смотрит на дверь, за которой только что скрылся его сын.

Вскоре, сославшись на то, что ей пора переодеваться, Камилла извинилась и ушла во «вдовый» домик. Равнодушие Зака подтолкнуло ее к желанию провести вечер как можно веселее. Однако душа ее разрывалась между радостным предвкушением приятного вечера и страхом перед завтрашней поездкой с Заком.

Беззаботное веселье Рика оказалось до того заразительным, что не прошло и пяти минут, как Камилла почти забыла мрачное настроение Зака и его лишенный энтузиазма, чтобы не сказать больше, ответ на предложение показать ей завтра плантацию.

Ясный и прохладный вечер был словно специально создан для футбола. Припарковав автомобиль на стоянке возле стадиона, Рик взял Камиллу под руку, и они зашагали к залитому огнями и нарядно разукрашенному стадиону.

Оркестры соперничающих команд играли во всю мощь, стараясь заглушить друг друга. А Рик и Камилла со смехом

пытались приноровить шаги сперва в такт музыки одного, а потом другого оркестра, пока не выбились из сил от бесплодных попыток и беспрестанного хохота.

Камилла очень скоро раскаялась в том, что не оставила дома модельные туфельки на высоком каблуке и не надела вместо них обычную удобную обувь для прогулок.

Едва молодые люди успели занять места, как игра началась. Под шум и вопли толпы Рик наскоро представил спутнице кое-кого из соседей. Она, признаться, расслышала и запомнила не все имена, да это было и не важно, им все равно не пришлось общаться, так как очень скоро всех захватил дух состязания.

Камилла с Риком тоже поддались общему настроению. Они вели себя точно два подростка – били в ладоши и топтали ногами, а Рик еще и успевал с преувеличенным томлением строить глазки девочкам из группы поддержки. Уже несколько недель Камилла так не отдыхала душой и не веселилась так беспечно.

И вдруг она увидела Зака. Он поднимался по крутым ступенькам трибун, обнимая за плечи сногшибательную блондинку. Повсюду, где бы ни проходила эта красивая пара, зрители встречали ее приветственным гулом, и буквально на каждой скамье у Зака и его спутницы находились приятели, с которыми они здоровались и перекидывались парой слов. Хотя Зак постоянно разговаривал и шутил, он напряженно кого-то высматривал в толпе. И когда их взгляды встрети-

лись, Камилла поняла, что он разыскивает ее. Зак одарил ее такой насмешливой улыбкой, что, вспыхнув, девушка отвернулась. Она изо всех сил старалась не обращать внимания ни на него, ни на его потрясающую подружку. Однако она не могла отрицать, что появление Зака с этой блондинкой повлияло на нее совершенно определенным образом – она испытала дикую ревность.

К еще большему смятению Камиллы, Зак усадил спутницу всего лишь в двух рядах от них с Риком и сам плюхнулся рядом. Видимо, он задался целью испортить ей весь вечер! Сознать это было горько, но это была чистейшая правда. Как ни пыталась Камилла наслаждаться игрой и обществом веселого Рика, но не могла сосредоточиться ни на чем, кроме макушки Зака двумя рядами ниже и светлой головки рядом с ним. До чего же часто две эти головы соприкасались и белокурые пряди рассыпались, оказавшись на широком плече Зака. Неужели это и есть та самая вдова Хазелетт, о которой с такой неприязнью отзывался Рейборн Прескотт?

В перерыве Рик угостил девушку чашечкой почти остывшего шоколада и безвкусным попкорном. Во втором тайме неистовство болельщиков возросло еще больше. Счет попеременно становился в пользу то одной, то другой команды. И когда в последние секунды игры местная команда забила решающий гол, фанаты просто обезумели. Все вскочили на ноги с воплями и свистом, хлопая в такт воинственного победного марша, который грянул оркестр. В приливе востор-

га Рик сгреб Камиллу в охапку, приподнял и звонко поцеловал прямо в губы. Девушка засмеялась его наивному энтузиазму, но вдруг, над плечом Рика, поймала взгляд Зака. Неподвижно возвышаясь над беснующейся толпой, он пристально смотрел на них. На застывшем, суровом, точно высеченном из гранита лице синим огнем полыхали глаза. Так длилось миг, а потом, изобразив презрительную улыбку, он отвернулся. Камилла радовалась лишь одному – что восторженным болельщикам было не до нее и никто не заметил, как она побледнела, а к глазам подступили слезы отчаяния.

Прежде чем отвезти девушку в «Свадебный венок», Рик угостил ее пиццей. Пока они сидели в пиццерии и всю обратную дорогу он без умолку болтал, обсуждая моменты матча. Камилла, поддавшись веселью Рика, не заметила, как они оказались у двери «вдовьего» домика. Камилла поблагодарила его за вечер и не противилась, когда он притянул ее к себе, чтобы поцеловать на прощание. Но в этом поцелуе не было страсти, не было пыла. Когда Рик отпустил ее, она уловила на его сильном и добром лице налет прежней грусти. Рассеянно потрепав девушку по щеке, Рик пожелал ей спокойной ночи и побрел прочь. Может быть, ей только показалось, но плечи его поникли, а походка стала не такой упругой и легкой, как обычно. «Похоже, и у Рика есть тайна, которая терзает его», – подумала Камилла и вошла в домик.

Погода наутро стояла такая же ясная, как накануне вечером. Природа сверкала яркими красками близкой осени.

Камилла надела фирменные джинсы и бежевую рубашку с длинным рукавом, на спину она набросила кардиган, завязав рукава на груди. Вспомнив вчерашние модельные туфельки, она решила позаботиться о том, чтобы обувь была удобной, и надела походные ботинки.

Девушка вышла на веранду и зашла с черного хода в кухню, где хлопотала Дили, готовя бисквиты, и где уже курился ароматный дымок свежесваренного кофе.

– Доброе утро, Камилла. Как спалось? Я слышала, вы уезжаете с Заком на весь день. Смотрите, поосторожнее там. У него репутация неотразимого дамского угодника, – она весело рассмеялась, ставя противень с бисквитами в духовку. Камилла побледнела, вспомнив блондинку, льнувшую к Заку во время всего вчерашнего матча, и поспешно отвернулась, якобы для того, чтобы налить себе кофе.

– Да он и есть дамский угодник, – продолжала Дили. – А чего еще ждать от красавца с такими синюющими глазами? Когда он учился в старших классах, я просто убить его была готова. Девушки звонили непрерывно. Но тогда его больше интересовали автомобили и спорт. В колледже... впрочем, чего не знаю, того не знаю, он ведь жил не дома. Но когда вернулся, началось самое настоящее нашествие девиц и их мамаш. Подружек у него было много, то с одной встречался, то с другой, но все в результате почему-то выходило замуж за кого-нибудь другого. И что интересно, его вроде это и не волновало вовсе.

Боясь прервать монолог на столь интересующую ее тему, Камилла молча накрывала на стол, пока Дили проворно нарезала грейпфруты.

– Но вот года два назад у него выдался черный период. Бог ты мой! До чего же он стал злой и раздражительный. Но так никому ничего и не рассказал. Только частенько бормотал проклятия в адрес всего женского пола, вот мы и догадались, что он в кого-то влюбился, а она его, видно, бросила. Наверное, он никак не мог решиться жениться, а ей ждать надоело, вот она и вышла за другого. Мы так и не узнали, что это была за девушка, но одно могу сказать – она его здорово задела.

Два года назад. Так, значит, он отправился на горнолыжный курорт, чтобы исцелиться от душевных ран. Хотел доказать самому себе, что он неотразим и им увлечется любая девушка, а она, Камилла, стала ему легкой добычей. Можно себе представить, как был доволен собой мистер Захарий Прескотт, когда она чуть ли не сама свалилась ему в руки, словно спелая слива, и без малейшего сопротивления позволила соблазнить.

Слова Дили прервали горестные размышления девушки.

– Несколько месяцев он на женщин и смотреть не хотел, а потом начал встречаться с этой вертихвосткой Эрикой Хазелетт. Но должна вам сказать – она нашему Заку не пара. Разве хорошая мать станет отсылать своих детей Бог знает куда, лишь бы они ей не мешали гулять да веселиться? Зак рано потерял мать, у него нет ни брата, ни сестры, вот он всегда

и говорил, что мечтает иметь большую семью с несколькими детишками... если, конечно, когда-нибудь женится, – Дили вздохнула. – Мы уж всякую надежду потеряли услышать в этом доме детские голоса.

Бисквиты уже испеклись и теперь лежали в корзинке на столе. Камилла рассеянно намазала один из них маслом, отпила глоток кофе и вздохнула. Да, эта незнакомка тяжело ранила Зака. Камилла лучше, чем кто-либо, знала, какой горечью было проникнуто отношение Зака к женщинам и как бессовестно он использовал их ради собственного удовольствия. Быть может, главным в его отношениях с женщинами было стремление отомстить всему женскому роду за то, как с ним обошлась та единственная, которую он искренне любил?

Тем временем в кухню ленивой походкой вошел Зак – предмет ее размышлений. На нем были джинсы и джинсовая куртка поверх белой водолазки.

– Доброе утро, дамы, – жизнерадостным голосом приветствовал их Зак, ласково целуя Дили в щеку. Отчего-то Камилла ждала, что он будет так же мрачен, как и вчера. Она не была готова увидеть добродушного и обходительного весельчака, который наливал себе чашечку кофе, беззаботно напевая: «О, какое чуде-е-есное у-у-тро». Со вчерашнего вечера ее преследовал совсем иной образ Зака – холодный, застывший изваянием на трибуне, чьи глаза испепеляют ее презрительным огнем. Неужели Зак все забыл? Неужели он не пом-

нит, как вчера Рик целовал ее на стадионе?

– Ну что, готова ехать? – осведомился он, садясь на табуретку, и, ухватив слишком горячий бисквит, принялся перебрасывать его с руки на руку, пока не уронил на тарелку.

– Да, – только и вымолвила она. Ее так поразила произошедшая с Заком метаморфоза, что она едва могла вымолвить слово.

– Отлично. Я запланировал для нас кучу дел, так что поскорее доедай.

– Есть, сэр! – отчеканила Камилла, по-военному отдавая ему честь. В глазах Зака запрыгали веселые чертики, а сердце девушки болезненно сжалось. Если бы только...

Зак посадил ее в кабину пикапа, который немало изъездил на своем веку сельских дорог. Голубая краска на его боках выцвела и пооблезла, а стекло в одном из окон потрескалось, но еще держалось на месте.

– Если бы мы ехали на настоящее свидание, я бы взял свой автомобиль, но для экскурсии по плантации пикап подходит больше всего. Ты не против?

– Что ты, совсем нет, – с напускным равнодушием заверила Камилла, хотя сердце ее бешено забилося, когда сильные руки Зака подхватили ее, помогая взобраться в кабину. Неужели она никогда не станет безразлична к его прикосновениям?

Выехав по ведущей из «Свадебного венка» аллее, Зак свернул по шоссе влево, проехал до перекрестка и взял курс

на реку. Не доезжая до моста, он показал девушке усадьбу, уютившуюся на высоком утесе слева от них.

– Это «Шиповник». Оттуда открывается дивный вид на реку, и хозяева хвастают, что дом был построен в 1812 году.

Пикап мчался так быстро, что Камилла успела лишь мельком увидеть красивый дом и земли вокруг. Она слегка наклонилась в сторону Зака, чтобы посмотреть в окно с его стороны, но машину тряхнуло на ухабе, и ее грудь случайно коснулась его руки. По телу разлилась горячая волна, и девушка поспешно отодвинулась к своему окну, надеясь, что Зак ничего не заметил. В это время пикап въехал на мост через Миссисипи, Камилла продолжала изображать глубокий интерес к открывшемуся виду, но вскоре увлеклась и уже с искренним восторгом рассматривала баржи, казавшиеся с этой высоты игрушечными корабликами на безбрежной глади реки. Вдалеке виднелся Натчез-Под-Холмом, историческая часть старого города. Лишь только девушка хотела заговорить о нем, как Зак опередил ее:

– Как-нибудь мы с тобой непременно съездим поужинать Под-Холмом. Повар в «Петухе на Прогулке» готовит зубатку лучше всех на свете – только будь добра, не передавай моих слов Дили.

Глаза молодых людей встретились. Ну почему он так дьявольски хорош, подумала Камилла.

В считанные минуты они достигли луизи-анского берега и, проехав маленькую общину Видалия, продолжили путь на

запад. Еще через несколько миль Зак свернул с магистрали на проселочную дорогу, проходившую под металлической аркой, на верху которой узорными буквами висала надпись: «Плантация Прескот-тов».

Остаток утра пролетел для Камиллы в калейдоскопе новых впечатлений. Зак показал ей тянущиеся на много акров поля, объясняя при этом, что где растет, в какой очередности надо высаживать культуры, чтобы почва давала наилучший урожай, как определять, что землю пора оставить под паром, и все прочее в том же духе. Временами они встречали группки рабочих, занятых самыми разнообразными делами, – тогда Зак тормозил и дружески здоровался с ними. Он знал каждого и обращался к ним по именам. Это поразило Камиллу, ведь для работы на столь обширной плантации требовалось огромное количество людей.

Однако больше всего, как заметила Камилла, Зак любил коневодческую ферму, которую недавно построил. Он показал ей конюшни и тех немногих лошадей, что успел уже приобрести. Там было несколько очаровательных жеребят трех-четырёх месяцев от роду. Камилла осыпала их восторженными эпитетами, потом признала, что мало понимает в лошадях. Зак сказал, что и для него это еще совсем новое занятие, но он читает книги по разведению лучших пород, встречается с ведущими коневодами, надеясь в скором времени пополнить свои знания, добиться хороших результатов и в этом деле.

Зак вдохновенно рассказывал о плантации и своих будущих планах, а Камилла внимательно слушала, наблюдая за ним. Глаза Зака горели, щеки покраснелись, голос звенел от возбуждения. Камилла поняла, что Зак принадлежит к той породе людей, перед кем всегда открываются новые горизонты. Он не остановится на достигнутом, он всегда будет искать для себя все новые и новые цели. Камилла узнала еще одну черту его сложного характера.

И вдруг она почувствовала, как сердце болезненно сжалось – она любит Зака...

В этом неожиданном открытии смешались и горечь, и сладость. Невероятная нежность захлестнула ее. Ей хотелось обнять его, поделиться своей ошеломляющей новостью, но разум взял верх над чувствами. И единственное, что она могла позволить себе – это беззвучно кричать: «Зак, я люблю тебя!»

Зак стоял, прислонившись к изгороди, поставив ногу на нижнюю перекладину и небрежно положив руки на верхнюю. Он снял фетровую ковбойскую шляпу, которая сменила летнюю соломенную, и холодный осенний ветерок играл прядями его выгоревших на солнце волос. Он казался воплощением мужественности и красоты. Уже тогда, в Юте, Камилла почувствовала его непреклонную, сметающую все преграды энергию и силу воли – почувствовала и испугалась. Теперь, два года спустя, она призналась себе самой, что ее напугали именно эти твердость, решительность, уверенность

в себе – качества, отличающие настоящего мужчину. Она бежала от него... из его постели... не оттого ли, что поняла, что встретила человека, которого может полюбить всем сердцем и на всю жизнь? Неужели она бежала отнюдь не от стыда и позора, как пыталась убедить себя, а от страха, что он может отвергнуть ее? Она вспомнила, как той ночью Зак держал ее в объятиях, и за последние несколько минут второй раз осознала, что испытывает к нему безграничную любовь. «Разве это любовь? – спрашивала она себя. – Любовь приходит не так». Но, увы, оказалось, что к ней любовь пришла именно так. Теперь Камилла не лгала хотя бы самой себе. Она любила Зака Прескотта уже тогда, в Юте.

Зак повернул голову и поймал на себе взгляд, полный нежности. Девушка густо покраснела. А вдруг он читает ее мысли? Вдруг он знает, как сильно она любит его?

Он протянул руку и бережно отвел в сторону выбившуюся из ее прически прядку волос. Прикосновения его пальцев вызвали в Камилле сильное смятение, и, боясь, что он заметит ее состояние, она сказала серьезным тоном:

– Теперь я знаю, что ты настоящий фермер и у тебя прекрасно возделанная плантация.

– Знаю, – в тон ей отозвался он, но тут же стряхнул серьезность и весело спросил, не проголодалась ли она.

– Еще как! – заявила девушка. – Можно сказать, просто умираю с голода. Он засмеялся.

– Это хорошо, потому что я как раз хотел тебе предложить

посетить чудесное место, где можно утолить любой голод, даже такой, как у тебя.

Он помог Камилле сесть в пикап, выехал с плантации и повел машину на восток, в Натчез.

Проезжая через исторический центр города, Зак умудрился показать Камилле столько достопримечательностей, что она с отчаянием поняла, что не сможет запомнить и половины. Судя по всему, младший Прескотт хорошо знал историю родного городка, потому что сыпал фактами не хуже любого экскурсовода. В Натчезе насчитывалось более двухсот зданий, построенных еще до Гражданской войны, и каждому из них было чем похвастать. В некоторых из них останавливались такие знаменитые личности, как Генри Клэй, Аарон Берр, Лафайетт, Эндрю и Речел Джексон, Марк Твен и Стефен Фостер.

Для ленча Зак выбрал ресторан «Пост Хауз» в старинной усадьбе «Королевская Таверна». Зак сказал, что это самый древний дом во всем Натчезе, его построили до 1798 года, когда город перешел под юрисдикцию Соединенных Штатов. Именно здесь кончался легендарный Натчезский тракт – практически единственная дорога из диких неосвоенных мест к Нэшвиллу и Теннесси. У входа Зак показал Камилле засевшие в стенах пули – следы давней индейской атаки.

Зал с низким сводчатым потолком был оформлен в стиле первопоселенцев. Камиллу он просто очаровал. Она не только находилась в этом историческом месте, где когда-то про-

изошло столько интересных событий, но и была здесь вместе с Заком.

С разрешения Камиллы блюда для ленча выбирал сам Зак. Вскоре им подали ароматный суп, жареных цыплят с кукурузными лепешками и множество разных овощей.

За едой Камилла то и дело поглядывала на Зака. У него был вполне довольный и умиротворенный вид, хотя, если разобраться, он проводил этот день с ней исключительно по настоянию отца. Зак заговаривал почти с каждым посетителем ресторана и представлял свою спутницу всем, кто подходил к их столику.

Когда они стали пить кофе, Камилла сказала:

– Кажется, твой отец чувствует себя лучше. Это правда?

– Да. И, как мне кажется, причиной этого улучшения является твой приезд. Он так хотел отреставрировать дом, а с твоим появлением его мечта может очень скоро осуществиться. Это его воодушевляет. Хотя, увы, здоровье его уже никогда не станет прежним, каким было до злополучного сердечного приступа. Я постоянно беспокоюсь за него.

– Я в этом не сомневалась, Зак, – заметила она и осторожно прибавила: – Он так тебя любит.

– Да, знаю, – Зак невесело засмеялся. – Веришь ли, я иногда жалею, что у меня нет братьев и сестер и не с кем разделить эту ответственность за его любовь. Я ведь должен постоянно давать ему повод гордиться мной. Боюсь, я его здорово разочаровал.

– Почему? Как ты можешь такое говорить?

Зак заерзал в кресле.

– У отца есть одна... ну, навязчивая идея, что ли... продолжить род и передать «Свадебный венок» и плантацию в руки нового поколения Прескоттов, – он отпил кофе. – Боюсь, что он не дождетя того времени, когда я наконец решу жениться.

Камилла растерялась от такой откровенности Зака и, отведя взгляд, принялась рассматривать картину на стене. Некоторое время они просидели молча, потом Зак подозвал официанта, уплатил по счету, и они вернулись в припаркованный перед рестораном пикап.

– Чудесный был ленч, и «Пост Хауз» мне тоже очень понравился. Спасибо, – негромко произнесла Камила, когда Зак завел мотор и умелым маневром направил пикап в субботний поток машин, спешащих из Натчеза в пригород.

– Тебе правда понравилось? – улыбнулся он.

– Конечно. Знаешь, чего я боюсь? Что при таких ленчах и вашей южной кухне я скоро превращусь в пышку.

Она рассмеялась, но вдруг вспомнила, что сказал Зак, когда она впервые заговорила о своей возможной полноте. Кажется, он заметил, что ей есть «куда толстеть». Она бросила на него быстрый взгляд и, к окончательному своему смущению, убедилась, что и он этого не забыл.

– Осмелюсь заявить, что те жалкие несколько фунтов, которые ты набрала, пошли тебе впрок, – он усмехнулся с ви-

дом заправского сердцееда и соорудил похотливую гримасу.

Камилла залилась густым абрикосовым румянцем. Зак добродушно засмеялся и дружески похлопал ее по коленке. Однако пальцы его задержались там на мгновение дольше, чем требовалось, и у девушки снова перехватило дыхание.

Они ехали через районы Натчеза, минуя один особняк за другим, которые Камилла еще не видела. Камиллу умиляли лиричные и романтические названия поместий – «Охрянное», «D'Evereux», «Прекрасные Дубы», «Горный Привал», «Боярышник» и так далее, и так далее. Каждый был хорош своей особой, неповторимой красотой. Одни представляли собой увеличенные копии премилых фермерских домиков, другие же, как и «Свадебный венок», являли примеры роскошного южного колониального стиля с элементами греческого.

– Знаешь, сады вокруг этих домов нравятся мне ничуть не меньше, чем сами дома. Дубы, магнолии, ивы – до чего же чудесно. Можно себе представить, как тут красиво весной, когда расцветает море всевозможных цветов. Но, наверное, особенно хороши эти маленькие очаровательные цветы, что растут в вашем «Свадебном венке»! – восторженно добавила она.

– Да, это так, – согласился Зак. – Обидно, что они цветут совсем недолго. Однако, быть может, оттого это время и кажется таким особенным. А ты когда-нибудь видела Лонгвуд?

– Тот самый восьмиугольный особняк?

– Да. Его так и не достроили, только первый этаж. Все эти годы он пустовал. Наверное, его начали строить году в 1858-м, а к 1861-му еще не закончили.

– Грустно думать о том, что кто-то вложил в дом столько сил и времени, и все напрасно. А в результате там никто не живет. Я бы предпочла владеть маленьким домиком, в котором живет много людей, чем большим, но пустым или вовсе заброшенным.

– Вот я вас и раскусил, мисс Джеймсон. Вам нравится, когда двор зарос деревьями, а дом полон людей, – он поглядел на нее и подмигнул. – Или я ошибаюсь?

– Нет, абсолютно прав, но я ведь сама в этом призналась, – с улыбкой ответила Камилла. – Должно быть, это желание возникает оттого, что у меня не было ни братьев, ни сестер. А единственный ребенок в семье иногда испытывает довольно сильное чувство одиночества.

– Значит, у нас есть кое-что общее, правда, Камилла? – голос Зака звучал нежно, доверительно и завораживающе. Девушка ответила ему ласковым взглядом.

Ей было так хорошо. День прошел изумительно. Она чувствовала себя почти счастливой от времени, проведенного вдвоем с Заком. Пикап неспешно ехал по извилистой дороге, направляясь к дому, а Камилла откинулась на сиденье, невольно все глубже вжимаясь в кожаную обивку. Мысли ее крутились вокруг сегодняшнего открытия – она любит Зака. Можно ли надеяться, что и его чувства к ней переменятся?

Казалось бы, сегодняшняя поездка давала повод для подобных надежд. Зак был с ней добр, щедр, очень мил и едва ли не нежен. А вдруг для них еще не все потеряно? Ведь за два долгих года ни один мужчина не смог заставить ее забыть Зака. Есть ли хоть слабая надежда, что и Заку воспоминания об их единственной ночи приносят не одну только горечь? Вспоминает ли он то счастье, которое познали они тогда?

Зак вывернул на проселочную дорогу, ведущую к «Свадебному венку», и машина запрыгала по ухабам.

– Если мне будет позволено сделать критическое замечание, мистер Прескотт, могу ли я намекнуть вам, что неплохо было бы привести в порядок эту дорогу?

– Вы в самом деле так считаете, мисс Джеймсон? – надменным тоном поинтересовался он, но тут же расплылся в улыбке и подмигнул. – Ты совершенно права!

Взвизгнули тормоза. Зак остановил пикап, выключил мотор и радио. Закатное солнце отбрасывало на лужайку длинные тени и подсвечивало багряные и золотые листья деревьев так, что они казались живым пламенем. Снаружи потянуло прохладой, но в машине было тепло и уютно.

Они молча сидели бок о бок в кабине пикапа, испытывая близость, не нуждавшуюся в словах или прикосновениях. Каждый наслаждался этим безмолвным уединением, волнующим соседством другого.

Словно подчиняясь точному механизму, головы их синхронно повернулись друг к другу. Зак медленно протянул

руку и коснулся облака волос девушки, провел ладонью по ее щеке. Камилла, как замороженная, не могла оторвать взгляда от его глаз, этих бездонных синих озер, могущественных магнитов, безудержно притягивавших ее. А Зак, казалось, вбирал глазами ее всю. Взгляд его скользнул вниз по ее лицу, заглянул в огромные манящие глаза, чуть задержался на приоткрывшихся губах девушки, пополз вниз по тонкой шее, где билась голубая жилка, и наконец остановился на груди. Под мягкой тканью рубашки отчетливо проглядывали два упругих бугорка. Пальцы Зака начали поглаживать трепещущие губы Камиллы, затем он легонько надавил на нижнюю губу и сказал:

– Я ничего не забыл, Камилла. Я помню все, что было между нами, помню живо и ярко, – Зак говорил негромко и ласково, но убежденно и с обезоруживающей искренностью. Он положил вторую руку на грудь девушке. – Слышишь, как у тебя бьется сердце? Ты тоже помнишь.

Он решительно привлек Камиллу к себе, припадая к ее губам. Она думала, его поцелуй окажется таким же властным и неистовым, как объятия, но ошиблась. Губы его были удивительно нежными и чувственными, их легкие, порхающие касания дразнили девушку и будоражили ее. Он дотронулся кончиком языка до ее губ, но когда они приоткрылись, не воспользовался этим немым приглашением, а принялся ласкать уголок ее рта, пока она, изнемогая от желания, не пролепетала его имя – настойчиво, почти умоляюще.

Услышав в звуке ее голоса желание страсти, Зак поцеловал ее иначе – сильно и требовательно, решительно раздвигая ей губы. Языки их встретились. Когда Зак притягивал Камиллу к себе, та рука, что лежала на ее груди, так и осталась зажатой между ними и теперь умудрялась дарить девушке все новые и новые упоительные ощущения. Камилла невольно выгнулась, руки его тут же пустились в странствия по ее телу, а губы не отрывались от ее уст, целуя их со все возрастающей страстью. Наконец Зак оторвался от ее губ и, тяжело дыша, простонал:

– Камилла, Камилла, ты околдовала меня. С тех пор как мы в Сноу Берд...

Резкий автомобильный гудок заставил их разом подскочить на сиденье и разлететься в разные стороны. Зак пробормотал такое крепкое словечко, каких Камилле в жизни не доводилось слышать. Увидев рядом с пикапом серебристый «Порше», он снова чертыхнулся, отворил дверцу и выскочил из машины. Камилла лихорадочно приводила в порядок одежду и прическу, с трудом справляясь с этой задачей, так как руки предательски тряслись. Она смущенно вылезла из кабины пикапа.

– Милый, как хорошо, что я тебя застала, – проворковала высокая блондинка, томно прислоняясь к «Порше». Камилла сразу же узнала сногшибательную красотку, с которой Зак вчера пришел на футбол. Сегодня на ней было трикотажное розовое платье, туфли-лодочки и кашемировый шар-

фик, элегантно повязанный вокруг шеи с нарочитой небрежностью, которая на самом деле требует точного расчета.

– Привет, Эрика. Что тебя сюда привело? – голос Зака был дружелюбен, но Камилле почудилось, что она улавливает в нем раздраженную нотку.

– Ну-ка, поздоровайся со мной как следует, тогда скажу, – томно заявила красотка, и Зак, обняв ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в сладострастные полные губы.

Сердце Камиллы упало. Девушке отчаянно захотелось исчезнуть и, как по мановению волшебной палочки, очутиться в укромном одиночестве «вдовьего» домика. И в этот момент она услышала голос Зака.

– Эрика, это Камилла Джеймсон, – Зак отвернулся от блондинки и жестом указал на девушку. – Она реставрирует для нас «Свадебный венок». Камилла, Эрика Хазелетт.

– Добрый день, миссис Хазелетт, – без энтузиазма в голосе поздоровалась Камилла. Под пристальным, оценивающим взглядом Эрики она остро ощутила, какой замарашкой сейчас выглядит. Ей так и не удалось пригладить непослушные волосы, растрепавшиеся от пылких объятий Зака. Да и губы, наверное, припухли от поцелуев. По сравнению с этой ухоженной дамой она казалась себе просто ничтожеством. Эрика приветливо поздоровалась с ней.

– Вот уж не знаю, с чего это Заку вздумалось нанимать декоратора, – добавила она. – Он же отлично знает, что я уже столько лет мечтаю заняться обустройством «Свадебно-

го венка» и сто раз предлагала Заку свою помощь в этом деле.

– Не сомневаюсь, что вы бы отлично справились, миссис Хазелетт, но меня нанял вовсе не Зак, а мистер Рейборн Прескотт.

– А как мы все знаем, дорогая, отец не слишком высокого мнения о твоём вкусе, – вставил Зак, и пухлые губки Эрики поджались от возмущения.

– Что ж, если мисс Джеймсон обставит дом согласно вкусу твоего отца, мне не терпится посмотреть, что из этого выйдет, – не удержалась она от колкости.

Такая наглость поразила Камиллу, и в ее глазах вспыхнул золотой огонек, каким светятся глаза рассерженной кошки, а по спине пробежала дрожь отвращения к подружке Зака.

Вчера вечером Камилла не смогла как следует рассмотреть свою соперницу. Но теперь с лихвой восполнила этот пробел. Эрика была ослепительной блондинкой, такой блондинистой блондинкой, что в голову невольно приходила мысль о еженедельном визите к парикмахеру и злоупотреблении осветляющими средствами. Холодным серым глазам, пожалуй, не доставало глубины и обычного человеческого тепла. Длинный аристократический прямой нос, идеально-ровные дуги бровей, пухлые чувственные губы. Высокая и стройная фигура Эрики удивительно походила на фигуры девиц с обложек модных журналов, а во всех ее движениях сквозила ленивая грация пантеры. Камилла с неприязнью

отметила, что эта красotka времени даром не теряла – нежно прильнув к Заку, Эрика потрепала его по волосам и смахнула несуществующую пылинку с отворота джинсовой куртки. Столь красноречивые проявления близости так уязвили Камиллу, что лишь твердое решение не позволить этой женщине унижить себя придало девушке сил хладнокровно наблюдать, как Эрика виснет на Заке.

Голос у Эрики был низкий и вкрадчивый.

– Зак, милый, прошу тебя, поедem со мной. Я пыталась дозвониться до тебя целый день, но твои слуги сказали мне, что ты уехал с мисс... ох, как ее там? Ладно, неважно. Я, так и быть, прошу тебя за то, что тебя не оказалось дома и что мне пришлось искать тебя, если ты пойдешь со мной сегодня на вечеринку.

Пренебрежение Эрики просто взбесило Камиллу. «Как ее там?» – скажите пожалуйста! И назвать Саймона и Дили слугами! Да Эрика самая настоящая снобка. И что только Зак в ней нашел, помимо сексапильной внешности? Она же такая скучная пустышка!

– Так где же будет эта вечеринка? – поинтересовался Зак ничего не выражающим голосом.

– О, пупсик, я знала, что ты согласишься! – завопила Эрика и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку. – У Мельроза, милый, и, разумеется, черный галстук.

– Безусловно, – сухо произнес Зак.

– Заедешь за мной в семь. Прости, что не предупредила

тебя раньше, но хозяйка дома позвонила мне сегодня утром в совершенной панике и сказала, что один из приглашенных мужчин не придет и у нее пустует место за столом. Представляешь, какой кошмар. Ну я и сказала, что наверняка смогу убедить тебя пойти со мной, но велела ей передать всем незанятым женщинам, что ты вовсе не свободный.

– Это уж мне самому решать, – произнес Зак, но Эрику, казалось, совсем не встревожило отсутствие юмора в его ответе.

– Вечно ты дразнишься, – промурлыкала она, поглаживая грудь Зака пальцем с длинным наманикюренным ногтем. – Значит, до семи, дорогой.

Осчастливив Зака еще одним быстрым поцелуем в щеку и не попрощавшись с Камиллой, Эрика села в спортивный автомобиль и умчалась.

– Какая милая машина, – сладким голоском пропела Камилла и направилась в сторону «вдовьего» домика. Сзади до нее донесся поток приглушенных проклятий.

Зак вернулся домой лишь поздней ночью. Никогда и никому Камилла не призналась бы, что так и не смогла заснуть, пока не услышала возле гаража басовитое рокотание мотора «Линкольна».

Чем они с Эрикой занимались до этого немислимо позднего часа? Зрелище того, как эта многоопытная особа ластится к Заку и ее уловки увенчиваются несомненным успехом, убило в Камилле всю радость от той близости, что ис-

пытала она в пикапе наедине с ним. Противнее всего было осознать, что Зак с готовностью идет на поводу у малейшего каприза этой отвратительной кокетки. Разве он не согласился сопровождать ее на прием, едва Эрика попросила его об этом? А ведь какую-то секунду до этого он так неистово целовал ее, Камиллу. Видимо, он всегда повинуется желаниям Эрики. И что он собирался сказать перед самым ее появлением? Неужели он влюблен в эту глупую кривляку? А если нет, то что заставило его наслаждаться ее обществом до половины четвертого утра?

Эти и еще миллион подобных вопросов буквально осаждали Камиллу, не давая ей уснуть. Лишь под утро усталость взяла свое и девушка погрузилась в тяжелое забытие.

6

На следующий день Рейборн Прескотт пригласил Камиллу с собой на утреннюю воскресную службу в церковь. Девушка согласилась, хотя, сидя рядом с ним на семейной скамье Прескоттов, еле могла удержаться, чтобы не уснуть после ночи ожидания Зака. Тот, разумеется, остался дома досыпать. Нет, ну до чего же обидно. Она глаз не сомкнула, пока этот донжуан не вернулся домой, где теперь спит без задних ног, а она вынуждена сидеть здесь и мучиться. Ну почему она должна страдать из-за его затянувшегося свидания с Эрикой Хазелетт?

Когда они вернулись в «Свадебный венок», Зак сидел в гостиной. Из-за ремонта кругом царил полнейший разгром – зачехленная мебель, ободранные стены с лоскутами обоев, недокрашенный пол. Зак безмятежно восседал посреди всего этого хаоса в единственном свободном кресле, попивая кофе и просматривая воскресный выпуск спортивных новостей.

– Доброе утро, – жизнерадостно окликнул он отца с Камиллой, когда они показали на пороге. – Присаживайтесь, если, конечно, найдете куда.

Он был в таком чудесном расположении духа, что Камилла вскипела еще сильнее. Ну и где, спрашивается, можно присесть? Она чувствует себя совершенно разбитой, а он

бодр и весел, точно жаворонок.

– Доброе утро, сынок. Ну что, есть сегодня по телевизору футбол? – поинтересовался Рейборн, вешая шляпу и плащ на вешалку в холле.

– Да, целых два матча. Мне, правда, после ленча надо съездить на плантацию на часок-другой, но я постараюсь приехать так, чтобы успеть хотя бы вторую половину посмотреть вместе с тобой.

– Отлично, – просиял Рейборн Прескотт. Камилла вдруг почувствовала себя одинокой и лишней в этом мужском доме, где весь распорядок подчинен интересам сильного пола. В голову начали лезть странные мысли – что она делает в этом доме, как все это вышло? Когда, в какой момент она вдруг утратила контроль над своей жизнью?

Глаза ее в первый раз за утро встретились с глазами Зака, и она поразилась, прочтя в его взгляде нескрываемую теплоту.

– Как вы себя сегодня чувствуете, Камилла? – Голос его был нежен, негромок, в нем звучали ласка и забота. Он говорил так, словно они с Камиллой были одни в комнате, одни во всем мире. И как только у него хватает наглости, поразила девушка, так вести себя с ней после того, как он до половины четвертого невесть чем занимался с Эрикой Хазелетт?!

– Лучше некуда, – вызывающе заявила она, хотя отлично понимала, что ее вид полностью опровергает ее слова.

Приподняв бровь, Зак окинул быстрым взглядом ввалившиеся глаза Камиллы, черные синяки на пол-лица, побледневшие щеки. На губах его заиграла легкая улыбка, однако он быстро подавил ее.

– Вот и хорошо, – просто ответил он.

Отвернувшись от Зака, Камилла отошла в дальний угол, где стояло зачехленное пианино, и, присев на какую-то тумбочку, принялась наигрывать мелодии, что учила в детстве, пока Дили не объявила, что ленч готов.

По опыту прошлых недель Камилла знала, что воскресный ленч всегда праздничный, и, кроме него, в этот день ничего не готовилось. По вечерам каждый ужинал тем, что оставалось от ленча, и всевозможными бутербродами. Сегодняшний день не был исключением. Стол буквально ломился от еды – блюдо золотистых жареных цыплят, миска с молочным картофелем, множество разных салатов, две овощные запеканки, внушительная батарея из бутылок с соусами и шоколадный торт на десерт.

Все было приготовлено, впрочем, как и всегда, удивительно вкусно, однако мысли Камиллы были сосредоточены не на еде – она практически не замечала, что ела, – а на сидящем напротив Заке. Рассеянно покачивая ложечкой с кусочком торта, Камилла вспоминала тот день, когда она на чердаке в темноте прижималась к груди Зака, проводя пальцами по его твердым мускулам, Вот если бы сейчас положить ладонь ему на грудь под свитером, ощутить тепло и шелковистость

его кожи...

Поток ее фантазий внезапно оборвался, стоило ей заметить, что Зак с многозначительной улыбкой наблюдает за ней. Ну почему он всегда так легко догадывается, о чем она думает? Камилла вспыхнула и потупила взор.

Однако когда она набралась мужества снова поднять глаза, то застала Зака беззастенчиво разглядывающим ее, и в его синих глазах пылало откровенное восхищение. В церковь Камилла надела коричневый шерстяной костюм строгого покроя и персиковую шелковую блузку. Вернувшись же домой, она сняла жакет и повесила на вешалку в холле. Только теперь, под синим огнем глаз Зака, девушка с ужасом вспомнила, что эта блузка почти прозрачная. Обычно Камилла надевала под нее специальный лифчик особого фасона, но сегодня, зная, что сверху на ней будет жакет, надела обычный, тоже совершенно прозрачный и не оставляющий никакого простора воображению, ибо он скорее выставлял все напоказ, чем что-то скрывал. А вернувшись из церкви, Камилла напрочь забыла об этом.

Зак ничуть не смутился, что она заметила, как он ее рассматривает. Взгляд его опустился ей на грудь и застыл там на несколько секунд, заставив Камиллу покраснеть. Взгляд его был столь же действен, как и физическая ласка, возбуждающая и захватывающая. Наконец Зак перевел взгляд на ее лицо и увидел, как в глубине янтарных глаз запылал огонь. Камилла ничего не могла с собой поделать. Ей не хотелось

столь явно демонстрировать Заку свою любовь, но она, словно зачарованная, была бессильна противостоять испепеляющей силе его притяжения.

Рейборн Прескотт с шумом отодвинулся от стола и этим звуком как будто разбил нависшие над ней чары, избавив ее от опасного гипнотизма Зака.

– Пойду наверх, полежу до футбола. Зак, скоро увидимся. Камилла, а у вас какие планы?

– Я... мне... – залепетала Камилла, пытаюсь взять себя в руки и собраться с мыслями. – Наверное, пойду к себе и поваляюсь с книгой. Может, чуть-чуть вздремну.

Она улыбнулась Рейборну Прескотту. Что бы ни происходило между ней и Заком, это не могло умалить ее доброго отношения к нему.

– Ладно, пойду-ка переоденусь и поеду на плантацию, – беспечно бросил Зак, выходя из столовой. Похоже, он тут же забыл о Камилле.

Позже у себя во «вдовьем» домике, лежа на кровати и невидящим взглядом уставясь в одну и ту же страницу книжки, Камилла пыталась убедить себя, что и она точно так же легко может забыть Зака. Но почему тогда он непрестанно стоит перед ее мысленным взором? Почему все ее мысли неизменно возвращаются к Заку? Каштановые волосы Зака, залитые солнцем. Синие глаза, от одного взгляда которых все ее сопротивление слабеет и тает... Сильные загорелые руки с длинными пальцами, ласкающие ее с такой безгра-

ничной нежностью... Теплые губы...

Должно быть, Камилла задремала, потому что когда резко и пронзительно зазвенел телефон, она вздрогнула и не сразу смогла понять, где она и что происходит.

Только после третьего звонка девушка окончательно пришла в себя и схватила трубку.

– Алло.

– Камилла, скорее приходите в дом.

Это был голос Дили, но задыхающийся от волнения. Едва договорив, она бросила трубку.

Камилла сразу же вскочила и бросилась к двери, на бегу надевая блейзер и туфли. Хорошо еще, что она не разделась и лежала в брюках. Видимо, случилось что-то страшное. Дили никогда не разговаривала таким безапелляционным тоном. Внутри у Камиллы все сжалось в предчувствии беды, и она бегом рванулась через веранду к заднему крыльцу.

Распахнув дверь, девушка влетела в кухню и вскрикнула от ужаса.

На полу лежал мистер Прескотт. Глаза его были закрыты, тонкие волевые губы беспомощно обмякли, из носа сочилась струйка крови. Серые волосы, обычно тщательно причесанные, разметались во все стороны, а кожа приобрела болезненный землистый цвет. Склонившись над телом хозяина, Саймон делал ему искусственное дыхание. Рубашка Рейборна была распахнута, ремень и верхняя пуговица на брюках расстегнуты. У телефона рыдала Дили.

– «Скорою помощь» уже вызвали? – спросила Камилла, с одного взгляда оценив ситуацию.

– Да, – коротко ответил Саймон, не нарушая ритма резких надавливаний на грудь Рейборна Прескотта. – Как можно скорее найдите Зака. Он на плантации. Потом сразу приезжайте в больницу. Мы будем там... в любом случае.

– А позвонить на плантацию нельзя?

– Никто не отвечает, – Саймон тяжело дышал, но голос его был ровен и спокоен. Внезапно он торжествующе вскрикнул – посеревшие губы Рейборна начали хватать воздух, и Саймон, положив пальцы на сонную артерию, ощутил, как еще слабо, но забилося сердце его хозяина.

– Слава Богу! – выдохнул он.

Камилла эхом повторила эти слова и, не тратя времени понапрасну, побежала к своей машине, припаркованной во вместительном гараже рядом с «Линкольном» Зака.

Трясущимися руками она повернула ключ зажигания. Автомобиль, спасибо всем святым, завелся сразу же, и девушка, выехав из гаража, стремительно набрала скорость и вылетела на аллею. Вспомнит ли она дорогу к плантации? Вспомнит, должна вспомнить, уговаривала она себя. Через мост, потом Видалия, потом поворот на север. Да, вроде бы так. Но как найти Зака среди почти бескрайних полей? О Господи, только бы не опоздать! Судорожно вцепившись в руль, Камилла пыталась унять бешено бьющееся сердце. Надо сохранять спокойствие. Надо быть сильной – ради Зака, твер-

дила она. Надо помочь ему вынести все, что бы ни застали они в больнице – даже самое худшее. Что, если Рейборн... Нет! Нельзя даже думать об этом исходе. Ведь Саймону удалось заставить его сердце забиться снова, а «Скорая» вот-вот приедет, наверное, уже приехала. Врачи сделают все необходимое, продолжала убеждать себя Камилла.

Переехав мост, она стрелой понеслась по главной улице городка, радуясь затишью, которое царило на дорогах этим безмятежным воскресным днем. Безмятежным? Благополучие скольких семей может исчезнуть безвозвратно, жизни скольких людей могут прерваться в одно мгновение... О Боже, не дай ему умереть!

Она добралась до проселочной дороги, ведущей на плантацию Прескоттов, значительно быстрее, чем предполагала. Сбоку показалась железная арка – и Камилла свернула под нее, почти не сбрасывая скорости. Куда теперь? Кругом не было ни души, спросить о Заке было совершенно некого. Ну конечно, вспомнила девушка, сейчас же по телевизору идет футбол. Вот, наверное, все и сидят по домам, замороженно уставившись на голубой экран. Хотя, разумеется, это умозаклучение было совершенно несправедливым, но ее вдруг охватила дикая злоба на людей, которые так обожают спорт. «Особенно в такой момент», – с горечью подумала она. Камилла сама понимала, что мысли ее не разумны, но в тот миг именно эти почти бессвязные, дурацкие мысли поддерживали ее, не давали вспоминать о безжизненно распростер-

том теле мистера Прескотта на полу кухни. Заметив возле конюшни старенький пикап Зака, Камилла припарковалась рядом и, оставив машину с включенным мотором, бросилась к двери, отчаянно выкрикивая имя Зака. Никто не отозвался. Едва не плача от бессильного отчаяния, она вбежала в конюшню и столкнулась с каким-то мужчиной, не заметив его в царящем внутри полумраке.

– Что та.?

– Где Зак? – она ухватила мужчину за рукав и начала его трясти. – Это срочно. Где он?

По-видимому, рабочий по тревоге в ее глазах наконец сообразил, что что-то случилось.

– Выезжает одну лошадь, – коротко ответил он.

– Где?

– Где-то там, – тот неопределенно махнул рукой в сторону огромного луга, который, казалось, уходил за горизонт.

– Вы можете подать ему сигнал? У вас есть какая-нибудь пожарная тревога, что угодно?

– Ну... – рабочий поскреб в затылке. Камилла готова была закричать от нетерпения. – У меня есть пистолет, – с сомнением в голосе протянул он.

– Доставайте скорей и стреляйте в воздух до тех пор, пока не кончатся патроны, – приказала Камилла.

Рабочий повиновался и вытащил пистолет. По-видимому, тот был уже заряжен. Шесть выстрелов гулко разорвали застывшую тишину воскресного дня.

Вскоре Камилла заметила Зака, он казался лишь крохотным пятнышком на горизонте, но в считанные секунды и он, и его конь приобрели форму, а уже в следующее мгновение бешеным галопом он подлетел к конюшне.

Когда он приближался, лицо его приняло выражение мучительного осознания того, что лишь крайняя необходимость могла привести Камиллу сюда и заставить палить в воздух из пистолета. Не успела его лошадь остановиться, как он соскочил с нее и подбежал к Камилле.

– Отец? – то ли спрашивая, то ли утверждая произнес Зак.

– Да, Зак. Надо немедленно ехать в больницу.

– Садись, – он показал на пассажирское сиденье ее машины. – Эрни, пожалуйста, почисть лошадь. И пусть кто-нибудь отгонит к дому мой пикап.

Он вскочил на место водителя, сдвинул сиденье назад на несколько дюймов, освобождая побольше места для ног, и рывком тронул автомобиль с места. Если Камилла и считала, что ехала на плантацию быстро, то теперь ей казалось, что машина просто летит, не касаясь земли колесами. Пейзаж за окном слился в одно смазанное пятно. Девушка снова порадовалась, что сегодня все трассы свободны.

– Что случилось? – спросил он, тормозя на перекрестке и чертыхаясь сквозь зубы оттого, что приходится пережидать, пока проедут набитый подростками автомобиль и длинный семейный фургон с прицепом.

– Не знаю, Зак. Скорее всего у него был тяжелый сердеч-

ный приступ. Дили позвонила мне во «вдовый» домик. Я прибежала на кухню, вижу – он лежит на полу, а Саймон нажимает ему на грудь. Они вызвали «Скорую», но до моего отъезда она еще не приехала. Я сразу же отправилась за тобой, – почти скороговоркой проговорила Камилла.

– А он... Ты не видела... – голос Зака сорвался, и девушка непроизвольно потянулась и положила руку ему на плечо, чтобы как-то успокоить.

– Когда я вбежала на кухню – он не дышал. Но перед моим отъездом Саймон нащупал у него пульс, сердце хоть и слабо, но билось.

– О Господи, – простонал Зак, в беспомощной ярости ударя кулаком по рулю.

Они въехали в ворота больницы, припарковали машину у крыльца и вбежали в приемное отделение больницы, минуя автоматически раздвигающиеся двери. Увидев их, Дили и Саймон вскочили им навстречу с зеленых виниловых кресел. Отстранив их рукой, Зак, ни слова не говоря, зашагал к реанимационной палате, но Саймон догнал его и схватил за руку. Голос его был тих и спокоен, но настойчив.

– Зак, тебя туда все равно не пустят. Сейчас ты ему ничем не поможешь. Врачи знают, что делают. Пожалуйста, подожди здесь с нами. У твоего отца сейчас доктор Дэниэлс. Он уже был в больнице и ждал нас.

Камилла покосилась на Зака и заметила, что тело, до этой секунды напряженное, как тетива лука, едва заметно вздрог-

нуло и чуть расслабилось. По этому незначительному движению Камилла поняла, что расслабились не только мышцы Зака, но спало и психическое напряжение – он был готов выслушать Саймона.

– Что случилось? – сухо спросил Зак.

Саймон промолчал, вместо него заговорила Дили:

– Я просматривала на кухне рецепты, а он вошел и сказал, что у него болит желудок, и попросил бикарбонат соды. Мне его вид сразу... не понравился. Уж очень он был бледный. Я прошла к полке, чтобы достать соды, и вдруг услышала, как он упал на пол. Тогда я закричала, и через секунду прибежал Саймон.

На этом месте Саймон ее перебил и начал рассказывать сам:

– Я и так уже шел вниз. Мы с ним смотрели футбол по телевизору в его комнате. Он сидел в кресле, но как-то беспокойно, то так сядет, то эдак. Я не придавал этому особого значения, но потом он сказал, что ему надо на минутку спуститься вниз, и вышел. Я сперва остался сидеть, но вдруг до меня дошло, что он, наверное, плохо себя чувствует и не хочет никому говорить. Вот я и пошел за ним вниз и как раз услышал крик Дили.

Зак положил руку на плечо старого друга и крепко сжал.

– Спасибо, Саймон. Что бы сейчас ни случилось, я все равно благодарен тебе за то, что ты оказался рядом именно тогда, когда ему нужна была помощь. Как он себя чувство-

вал, когда приехала «Скорая»?

Дили снова тихо заплакала, и Камилла отвела ее и усадила на пластиковый диванчик. Но продолжала внимательно прислушиваться к каждому слову Саймона, не сводя взгляда с Зака.

– Он был без сознания, Зак, но сердце билось, не так ровно, как хотелось бы, но все-таки. Врачи дали ему кислород, и он всю дорогу дышал вполне нормально. Когда мы приехали, они сразу же увезли его вон туда, – он показал рукой на одну из палат дальше по коридору, – и с тех пор оттуда никто не выходил.

Зак угрюмо кивнул и направился в ту сторону, хотя уже без прежней одержимой решительности, потом повернулся и пошел обратно. Саймон сел рядом с Дили, а Камилла подошла к Заку. Ей казалось, если он будет знать, что она рядом, ему станет немного легче.

Около часа прошло в напряженной тишине. Зак мерял шагами холл приемного отделения, Камилла стояла, прислонившись к стене, а Саймон и Дили негромко переговаривались о чем-то, сидя на пластиковом диванчике. Перед ними развернулся трагический парад посетителей «Скорой помощи». Перепуганная молодая пара принесла малышку с тремя обожженными пальчиками. Двое мальчишек столкнулись, играя в баскетбол, и теперь щеголяли разбитыми носами и опухшими физиономиями. Всем им была оказана помощь, и они один за другим уходили, а Зак по-прежнему ничего еще

не знал о своем отце. Сновавшие взад-вперед медсестры не отвечали на его настойчивые расспросы, и он уже начинал терять терпение.

Внезапно дверь реанимационной палаты широко распахнулась и оттуда вышел седовласый мужчина в очках в роговой оправе. Увидев Зака, он сразу же зашагал к нему, на ходу протягивая руку. Зак вцепился в нее так, словно это была рука самой жизни (да, в сущности, так оно и было), молча задавая тот единственный вопрос, что мучил его, и на который никто, кроме врача, ответить не мог.

– Твой отец, Зак, в настоящий момент вне опасности.

– Спасибо, док, – сдавленно проговорил он.

Доктор кивнул и заговорил снова, медленно и веско:

– Случай тяжелый, Зак. Не стану тебя обманывать – он все еще в очень плохом состоянии. Ему необходим интенсивный курс лечения, и я вынужден буду держать его здесь до тех пор, пока не пойму, что он восстановился полностью и может обойтись без постоянного наблюдения врачей. Возможно, это займет несколько недель, возможно, и больше. Сейчас он пришел в сознание и даже сказал, что отравился за ленчем треклятыми цыплятами, – увидев, что Зак собирается что-то сказать, доктор предостерегающе замахал на него руками. – Знаю, знаю, тебе не хочется оставлять его здесь. Но ты должен понять, что дома невозможно организовать такое медицинское обслуживание. Здесь же прекрасное оборудование, хороший медперсонал, он будет находиться под

наблюдением двадцать четыре часа в сутки, так что не сможет даже по нужде сходить без моего ведома.

Тут доктор заметил Камиллу и, бросив быстрый взгляд на Зака, извинился.

– Простите, юная леди, за грубость.

– Доктор Джордж Дэниэлс, мисс Камилла Джеймсон. Она живет сейчас в «Свадебном венке» и занимается ремонтом и реставрацией дома, – представил Зак.

– Ах да. Рейборн же рассказывал мне о вас, когда приходил на осмотр. Тогда он просто дожидаться не мог вашего приезда.

– Мы можем чем-нибудь помочь, доктор Дэниэлс? – спросила Камилла, пожав протянутую руку доктора.

– Пожалуй, да. Когда он сможет принимать посетителей, навещайте его почаще. При виде такой красивой и юной леди у любого мужчины появится желание поскорее поправиться.

Он засмеялся, а Камилла залилась краской, поглядывая на улыбающегося Зака. Доктор Дэ-ниэлс сумел разрядить обстановку, ненавязчиво успокоив их всех, и Камилла была признательна этому ворчливому резковатому человеку. Он ей понравился.

Извинившись, она отошла, а Зак продолжал беседовать с доктором на отвлеченные темы. Камилла подошла к Митчеллам, встревоженно ожидавшим новостей, и рассказала им о состоянии здоровья мистера Прескотта, затем добавила:

– Почему бы вам не поехать домой? А я останусь с Заком.

Обещаю вам, о любых изменениях состояния мистера Прескотта мы сразу же вам сообщим.

Камилла понимала, что у Митчеллов, наверное, было гораздо больше прав остаться с Заком, чем у нее, но она не могла уехать от Зака в эту трудную для него минуту.

Помахав на прощание рукой Саймону и Дили, она вернулась в холл и увидела, что Рейборна Прескотта перевозят из реанимации в палату интенсивной терапии. Рядом с каталкой шли врачи и медсестры, одна из них поддерживала капельницу. Подойдя ближе, Камилла заметила тянущиеся из ноздрей старика прозрачные трубочки для подачи кислорода. Цвет его лица по-прежнему оставался все того же нездорового, землистого оттенка.

На несколько секунд каталку остановили, и Зак склонился над отцом, крепкой загорелой рукой сжав его бледную ладонь. Они о чем-то говорили, но голос старика был так слаб, что Камилла не могла разобрать слов. Однако Зак ободряюще улыбался. Когда каталку вновь повезли, Рейборн Прескотт отыскал взглядом Камиллу и, к немалому возмущению медсестер, сделал ей слабый жест подойти. Девушка посмотрела на доктора Дэниэлса, как бы спрашивая у него разрешения. Тот едва заметно кивнул. Подойдя к каталке, она низко склонилась над больным, почти припав ухом к его губам, чтобы расслышать хриплый шепот.

– О чем это вы там шептались? Ты так заговорщически ему улыбалась, – спросил Зак, когда каталка в сопровожде-

нии доктора Дэниэлса скрылась за углом коридора.

– Он просил меня позаботиться о тебе. Сказал, что иногда ты до жути упрям и не хочешь принимать ничьей помощи.

Она лукаво взглянула на Зака.

– Да неужели? А как вы считаете, мисс Джеймсон? – виновственным тоном осведомился Зак.

– Думаю, мистер Прескотт совершенно прав. А еще думаю, тебе сейчас не помешает чашечка кофе. – Он начал было протестовать, но девушка оборвала его: – Все равно тебя к нему еще не скоро пустят. Пойдем же.

И, решительно взяв Зака за руку, она потянула его по направлению к выходу из приемного отделения, где находилось маленькое кафе.

– Есть, сержант, – насмешливо фыркнул Зак.

Они взяли по чашечке кофе и сели за розовый пластмассовый столик кафе. И в этот момент Зак произнес самым серьезным тоном:

– У меня еще не было случая поблагодарить тебя за все, что ты сегодня сделала. Я...

– Зак, пожалуйста. Не надо ничего говорить, – Камилла печально покачала головой, грея ладони о чашку и глядя на кофе, единственное достоинство которого заключалось лишь в том, что он был горячий. – Неужели ты и в самом деле думаешь, будто я хочу твоей благодарности? После всего, что между нами произошло...

– Вот именно, – перебил ее Зак. – Между нами действи-

тельно кое-что произошло.

Зак заглянул в поднятые на него золотисто-карие глаза, подернутые поволокой непролитых слез, и, взяв крошечную ручку Камиллы, крепко сжал ее в своих широких ладонях, а затем спросил:

– Почему, ради всего святого, Камилла, почему ты бросила меня той ночью в Сноу Берд?

Впервые за все это время он упомянул о той ночи, что провели они вместе. И теперь эти наконец-то произнесенные слова всколыхнули в Камилле долго сдерживаемые эмоции. Больше всего на свете ей хотелось сейчас протянуть руку, коснуться мягких волос Зака, положить голову ему на грудь и забыться в его сильных объятиях. Подавив бушующие в ней чувства, девушка заставила себя заговорить:

– Я... это было так давно, Зак. В другом времени. Я не хочу об этом вспоминать...

– Зато я, черт возьми, хочу! – Зак говорил сквозь стиснутые зубы, жилы на его шее напряглись.

– Ты слишком взволнован, Зак. Признаться, я тоже. Мне кажется, нам не следует сейчас говорить об этом.

На самом деле ей хотелось сказать совсем иное, но приходилось проявлять суровость, только бы ни в чем ему не признаваться. Чуть помедлив, она прибегла и вовсе к дешевому приему. Камилла понимала, что так нельзя, но отчаянно пыталась сохранить хоть последний жалкий клочок своего пошатнувшегося достоинства.

– По-моему, нечестно по отношению к твоему отцу обсуждать наши личные проблемы в такой момент.

Прорычав проклятие, Зак отодвинулся от стола и сунул руку в карман за мелочью, чтобы заплатить за кофе. Когда они вышли за дверь, он вдруг грубо схватил Камиллу за руку и, рывком развернув ее лицом к себе, с угрозой произнес:

– Я все равно узнаю, Камилла. Выясню, почему ты это сделала. Ни одной женщине я не позволю выскочить из моей постели и не дать объяснений. Очень скоро ты мне все расскажешь.

Он так резко отпустил ее, что Камилла едва не упала. Так вот в чем дело! – замелькало в ее голове. Его мужское самолюбие ущемлено, вот он и хочет узнать, отчего она его бросила. А что при этом чувствовала она и чувствует сейчас, его совершенно не интересует.

Жестокие слова Зака оскорбили Камиллу. А она-то, дура, надеялась, что у него сохранилась по отношению к ней хоть капелька чувства. Что ж, теперь все стало на свои места. Оказывается, он познакомился с ней только для того, чтобы удовлетворить свою похоть. Он не увидел в ней человека, наделенного своими чувствами, желаниями, разумом, душой, наконец. Просто пострадало его тщеславие, еще бы – он проснулся утром и обнаружил, что подружка, которую привел на одну ночь, вдруг куда-то исчезла. Его гордость не смогла пережить такое оскорбление, и он до сих пор не может успокоиться, желая выяснить причины, побудившие ее

уйти.

И все же, как бы дурно ни думала Камилла о Заке, она любила его. Не догадываясь о ее душевных муках, он сейчас беседовал с вышедшим из палаты отца доктором Дэниэлсом. Да, она любила его. Что же ей теперь делать, как быть? Она спрашивала себя – и не находила ответа.

Они ушли из больницы только ночью. Доктор Дэниэлс обещал непременно позвонить, если в состоянии Прескотта-старшего произойдет хоть малейшая перемена. Удрученные, притихшие, молодые люди сели в машину и, не разговаривая друг с другом, поехали домой.

Все так же молча они вошли в темный холл и так же молча, без единого слова, Зак привлек Камиллу к себе. Жестом, больше напоминавшим отчаяние, чем страсть.

Губы его приникли к ее устам в грубом, требовательном поцелуе. Резко, одной рукой он взял девушку за волосы на затылке, не давая ей пошевелинуть головой. Впрочем, он напрасно удерживал Камиллу – она все равно не нашла бы в себе сил оттолкнуть его. Она злилась на себя, проклинала свое безволие, ей хотелось унижить Зака так же, как он унижал ее – но она ничего не могла поделать, ее любовь к нему была сильнее. Чувство, столь внезапно осознанное ею сегодня утром, нарастало в сердце девушки с невероятной мощью. И теперь все: и потрясение при виде распростертого на полу тела мистера Прескотта, и сумасшедшая гонка на плантацию и обратно, и спор с Заком – все напряжение этого безумного

дня вылилось в яростную, неудержимую страсть, с которой она ответила на его поцелуй.

Ощувив ее пылкое желание, губы Зака стали нежнее. Кто из них двоих издал тихий сладострастный вздох – он или она? Камилла сама не поняла, да, впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Губы Зака скользили по ее уху, щеке, маленькой ложбинке на шее. Девушка запрокинула голову, позволяя ему целовать ее со все большим жаром.

Камилла тихо постанывала от нахлынувшего на нее желания. Зак опять припал к ее губам в новом порыве страсти. Бедра его крепко прижимались к бедрам девушки, а руки с доводящей до исступления неторопливостью расстегивали пуговицы ее блузки. После каждой расстегнутой пуговицы он принимался гладить и целовать обнаженную шелковистую кожу девушки. Прикосновение его губ поднимало из глубин ее существа горячую волну.

– Я хочу ощущать тебя всю, – пробормотал он, расстегивая застежку ее лифчика и чувствуя, как в ладони ему ложатся теплые холмики ее груди. – О Боже, Камилла...

Он уткнулся лицом в шею девушки, лаская пальцами ее затвердевшие от желания соски.

Снедаемая всепоглощающим желанием, Камилла лихорадочно, как в бреду, расстегивала пуговицы его рубашки, затем она попыталась сдернуть рубашку с его широких плеч, Зак помогал ей. Потом на какое-то мгновение они замерли и, словно повинувшись одной и той же мысли, начали торопливы-

ми движениями снимать: Зак – рубашку, Камилла – блузку и, обнаженные до пояса, предстали друг перед другом. Зак обхватил: ладонями лицо девушки и стал ласково поглаживать пальцами ее губы. Прежние надменность и гнев исчезли из его глаз, сменившись теплотой и нежностью. Казалось, он упивался красотой жаркого тела Камиллы, одновременно поглощая ее.

– Камилла, как ты прекрасна. Я хочу тебя. Ты нужна мне сегодня, – слова его были лишь горячечными выдохами, еле слышными и страстными.

Одну руку Зак положил на грудь девушки, а второй скользнул по ее телу вниз, за спину, прижимая Камиллу все ближе к себе. Сила его объятий медленно, но неумолимо нарастала, даруя девушке все новые восхитительные ощущения. Однако Камилла и сама со всей своей страстью прижималась к Заку, ощущая кожей мягкие волоски на его груди. Внезапно она ощутила, как в ее тело впился золотой крестик, который Зак носил не снимая. Но ее желание было так велико, что она даже не попыталась изменить позы. Губы, прильнувшие к ее устам, таили в себе обещание, искушение и настойчивый приказ.

– Зак, все в порядке? Я слышала, как вы приехали, а света что-то не видно, – голос Дили эхом прокатился по пустому холлу, а сноп света из приоткрывшейся кухонной двери безжалостно рассек желанную темноту.

Судорожно схватив с пола блузку и блейзер, Камилла

стрелой унеслась в столовую, прижимая одежду к себе.

Зак шагнул глубже в тень под лестницей.

– Да, Дили. Все хорошо, – он прокашлялся и добавил, пытаясь придать голосу необходимую убедительность: – Мы просто немного заболтались. Отец в стабильном состоянии. Мне обещали сообщить, если будут какие-нибудь изменения. Я сразу же позвоню вам.

– Что ж, я вас дожидалась, чтобы сказать, что, если вы проголодались, еда в холодильнике. И вот еще что – три раза звонила миссис Хазе-летт.

При последнем сообщении в голос ее вкралась нотка неодобрения.

– Спасибо, Дили. Иди спать. Утром увидимся.

Зак услышал, как Дили что-то невнятно пробормотала в ответ и захлопнула кухонную дверь за собой, погружая их в спасительную темноту. Следом хлопнула задняя дверь, возвестившая о том, что Дили удалилась в квартирку Митчеллов.

– Черт побери! – воскликнул Зак. – Чувствую себя просто мальчишкой. Подумать только, я, взрослый мужчина, обнимаюсь под лестницей, как распоследний дурак.

Он яростно пригладил взъерошенную шевелюру, пострадавшую во время бурных объятий с Камиллой.

– Я... мы... увидимся утром, – запинаясь, сказала девушка, заканчивая застегивать пуговицы.

– Да, думаю, пора отправляться в постели, – отозвался

Зак с резким, невеселым смехом. – Отдельные постели, мисс Джеймсон, – насмешливо заверил он с низким, преувеличенно почтительным поклоном. – В который уже раз вы спасены от участи хуже, чем смерть? Неужели удача никогда не покидает вас?

– О-о-о! – выдохнула Камилла и сразу же спросила: – Ну почему ты всегда так полон сознания собственного превосходства? – Горький, саркастичный тон Зака уязвил Камиллу ничуть не меньше, чем сами его слова, и она, не раздумывая, дала сдачи. – Полагаю, ты думаешь, я заранее знала, что Дили на кухне. Но если следовать твоей логике, то я знала, что на чердак непременно явится Саймон, а когда мы сидели в пикапе – твоя несравненная Эрика? Забавно получается. Одно скажу – я рада, что она оказалась там и дала об этом знать именно в тот момент.

Гордо подняв голову, она направилась к двери, но не удержалась и, обернувшись через плечо, напоследок выпустила еще одну стрелу:

– И, кроме того, что подумает Эрика?

Однако триумф ее был краток.

– Не знаю, – бросил Зак ей вслед. – Но собираюсь это выяснить. Сейчас же позвоню ей.

Он лишь засмеялся, услышав, как Камилла громко хлопнула дверью, оскорбленная его последней фразой.

Позже Камилла лишь невероятным усилием воли могла припомнить события первой недели после того, как Рейборн Прескотт попал в больницу. Все дни ходили один на другой, постепенно слившись в нечто единое и однообразное. Каждое утро Камилла и Зак уезжали в больницу и оставались там до позднего вечера. Правда, днем Камилла возвращалась в усадьбу проверить, как идут работы по реставрации дома, перекусывала на скорую руку и вновь спешила в больницу, чтобы и Зак мог отлучиться хоть ненадолго.

В первые несколько дней доктор Дэниэлс запретил пускать к мистеру Прескотту каких бы то ни было посетителей, кроме Зака, да и того не больше, чем на три минуты каждые четыре часа. Но затем, когда пациенту стало чуть лучше, доктор разрешил и Камилле заходить в палату, иногда одной, но чаще вместе с Заком. И казалось, эти посещения помогали старику куда лучше всех лекарств и процедур, вместе взятых.

Боясь утомить мистера Прескотта, Камилла не заговаривала с ним о реставрации, но, к ее удивлению, старик постоянно интересовался сам, подробно расспрашивая обо всем, и всякий раз девушка ловила себя на том, что увлеченно рассказывает, как идут дела. Теперь каждый день прибывали заказанные материалы и по всему дому кипела работа. Рейбор-

на Прескотта интересовали даже самые незначительные этапы реставрации. Только теперь, пожалуй, Камилла осознала до конца, как же много значит для него этот проект.

Через неделю доктор Дэниэлс сообщил Заку, что переводит его отца из палаты интенсивной терапии в обычную одноступенчатую.

– Твой отец чертовски крепкий старик, Зак. Он цепко держится за жизнь, а сила воли важна для выздоровления ничуть не меньше, чем все мои лекарства. И я с удовлетворенностью могу сказать, что при должном образе жизни и тщательном соблюдении диеты он проживет еще много лет. Но пока он здесь, я не допущу, чтобы его постоянно осаждали толпы посетителей. Отдых для него сейчас – лучшее лекарство. Так что имей в виду, если мне покажется, что ему слишком докучают, я вывешу на его двери табличку «Посещения запрещены».

Говоря об образе жизни мистера Прескотта, доктор Дэниэлс заметил, что лестницы в усадьбе отнюдь не полезны человеку с сердечным заболеванием, тем более, если он вынужден ходить по ним по нескольку раз в день, направляясь в свою комнату. Поэтому он посоветовал переселить Рейборна Прескотта на первый этаж. Разумеется, Зак не мог этого решить самостоятельно, и он обратился за консультацией к Камилле.

– Что мы можем предпринять, Камилла? Ты у нас эксперт по таким вопросам, а я никаких денег не пожалею, лишь бы

отцу было поудобнее, – из глаз Зака наконец исчезло выражение беспомощности и вечной тревоги, что непрестанно отражалось в них на протяжении всех дней, проведенных Рейборном Прескот-том в палате интенсивной терапии. Теперь в его взгляде читались любовь к отцу и глубокое сострадание. Затаив дыхание, он с надеждой ожидал ответа Камиллы, пока девушка перебирала в уме всевозможные варианты.

Наконец ее лицо оживилось и в глубине глаз заблистали радостные огоньки, словно она уже наяву видела перед собой воплощение своей идеи.

– Понятно, – медленно протянула она, а затем с энтузиазмом продолжила: – Да, Зак, кажется, я придумала, где его поселить и что там сделать, чтобы ему понравилось, и к тому же это обойдется не слишком дорого.

– Первое значительно важнее второго. Новые комнаты непременно должны прийтись ему по душе. И вот что еще – я уверен, что отец не придет в восторг от того, что его выставят из собственной спальни. Может быть, лучше пока сохранять наш замысел в тайне.

– Ладно, только знаешь, давай лучше называть это сюрпризом, а не секретом или тайной. А то звучит уж слишком коварно.

– Заметано, – улыбнулся он.

– Думаю, что, если все выйдет, как я задумала, мистеру Прескотту непременно понравится. А я уж приложу все силы, насколько хватит умения и таланта. Вот увидишь, когда

я закончу, в ваш особняк можно будет водить экскурсии для осмотра достопримечательностей, – засмеялась она.

Неподдельный энтузиазм девушки передался и Заку. Он радостно рассмеялся, а сердце Камиллы затопила внезапно нахлынувшая волна нежности. Так приятно было видеть, что он хоть немного расслабился и развеселился, сбросил с себя хоть часть напряжения. Глубокие складки, пролегли у глаз Зака, ясно свидетельствовали, что он уже давно не высыпался как следует, даже когда отправлялся домой отдохнуть. Так велико было психическое и физическое напряжение.

Со времени ночной ссоры в холле молодые люди держались друг с другом настороже. Они вели себя, точно два фехтовальщика, кружащие в причудливом танце, постоянно нащупывающие слабые места в обороне противника, ловко парирующие слова и выпады друг друга. При посторонних они казались добрыми друзьями, сплотившимися для общей заботы о близком человеке. Но наедине оба ощетинились, готовые отразить нападение.

Камилла опасалась не так Зака, как боялась самой себя. В ту ночь она как безумная металась по комнате, презирая себя за то, что едва не позволила Заку заняться с ней любовью. Любовью? Нет! Его отношение к ней нельзя назвать любовью, как бы страстно он ни обнимал ее. Разве он сам не признался в этом, сказав лишь, что хочет ее? «Ты нужна мне сегодня» – вот и все, что прошептал он. Ему просто в тот миг нужна была женщина, женское тело. А под рукой не

оказалось никого, кроме нее, Камиллы Джеймсон.

А как бы она поступила, скажи он вдруг: «Я люблю тебя»? Девушка была вынуждена признаться себе, что тогда бросилась бы ему в объятия и умоляла бы никогда не разжимать рук. Любовь к Заку стала неотъемлемой частью ее жизни, и Камилла знала, что хотя он никогда не ответит на ее чувства, она будет любить его всегда, до самой смерти, как любила все эти два долгих года после Сноу Берд.

Нечестно с его стороны – соблазнять ее тело, когда от тоски по нему разрывается ее душа. Но тут Камилла сообразила, что об этом-то он ничего не знает. Она вновь вспомнила прикосновение его губ к ее губам, груди, вспомнила его руки, одновременно настойчивые и нежные, судорожную дрожь, без слов выдававшую томящее его желание. Она сознавала, что и для нее физическое притяжение играет немаловажную роль. Но без любви даже самое сильное желание стало бы лишь подделкой истинных чувств, и Камилла никогда не согласилась бы на такое. Даже с Заком.

Она твердо решила впредь избегать ситуаций, в которых его натиск мог бы заставить ее врасплох и принудить к капитуляции. Она просто будет выполнять свою работу и будет ему добрым другом, пока он нуждается в ее поддержке, вот и все. А любовь навсегда останется ее тайной, ее сокровищем и утешением. И она не позволит догадаться о ней ни самому Заку, ни кому другому.

Несмотря на все заверения, что за Рейбор-ном Прескот-

том будет вестись непрерывное наблюдение – все двадцать четыре часа в сутки, Зак настоял на том, чтобы ему разрешили дежурить в палате отца не только весь день, но и всю ночь.

– Я верю вам, что он постоянно виден на экранах всех этих мониторов, что вокруг понатыканы, но сам-то он лежит здесь, в палате, а вы находитесь там... Вот я и хочу быть поблизости на случай, если... в общем, на всякий случай.

Целая армия сиделок безуспешно пыталась разубедить его, а потом к ним присоединился и доктор Дэниэлс, но все оказалось тщетным, Зак остался непреклонен.

Камилла очень беспокоилась за него. По его осунувшемуся лицу и надтреснутому голосу она понимала, что он крайне изнурен, а нервы вообще походили на перетянутую струну, которая вот-вот лопнет. Она боялась, что он может сорваться и наругать Джорджу Дэниэлсу. Но доктор понимал это не хуже нее.

– Будь по-твоему, Зак. Ты довольно здоровый парень, и мне вряд ли удастся силой выставить тебя вон, – неохотно соглашаясь, пошутил он.

– Вот увидите, я прекрасно успею отдохнуть днем, пока вокруг отца крутятся все эти ваши врачи и сиделки, ночью буду сидеть здесь, в палате, вместе с отцом.

На том разговор и закончился. По-видимому, оставалось лишь смириться с решением Зака.

Обычно днем Камилла была слишком поглощена работа-

ми по реставрации, чтобы подолгу сидеть с мистером Прескоттом, как бы ей того ни хотелось, и старик постоянно ворчал и жаловался, что она стала забывать его. Всякий раз, ухитряясь выкроить полчаса на визит, Камилла старалась развлечь больного веселой болтовней. Самым трудным оказалось не проболтаться о готовящемся сюрпризе – новой спальне, устройство которой занимало львиную долю ее времени. Она торопилась закончить отделку до его возвращения домой. Новая комната – это ее подарок Рейборну Прескотту.

Девушка помнила, как он рассказывал, что когда они с Саймоном на зиму вносили цветы в дом, то тогда там становилось очень тесно. Прикинув разные варианты, она решила, что трудно подыскать более подходящее место для новых апартаментов мистера Прескотта, чем крытая веранда на задней стороне дома, где, кстати, можно будет разместить и любимые цветы старика. Плотники, которых она вызвала, осмотрели веранду и взялись за работу, сказав, что не такая уж это трудная задача – превратить веранду в приличную комнату. Камилла подумала и о том, чтобы не пострадал общий вид усадьбы, поэтому наружную сторону веранды-комнаты не стали забивать досками, а просто застеклили. Камилла заказала узорчатые жалюзи, которые можно было по желанию поднимать, чтобы мистер Прескотт в любой момент мог полюбоваться милым его сердцу пейзажем сада.

Поскольку веранда была довольно большая, Камилла ре-

шила разделить ее пополам. Одна часть стала спальней с примыкающей к ней маленькой ванной комнатой, куда провели водопровод. А вторую половину приспособили под рабочий кабинет. Полы застелили мягкими коврами. Любимое кресло Рейборна Прескотта Камилла привела в надлежащий вид, попросив заменить обивку на новую – приглушенных коричневых тонов. Из верхних комнат вниз перенесли телевизор, книжные шкафы и различные безделушки. Получив одобрение Зака, девушка внесла в устройство кабинета некоторые новшества: вместе с Саймоном они поместили в комнате тропические растения, и Камилла создала в кабинете мягкий, слегка влажный микроклимат, прекрасно подходивший как для здоровья Рейборна Прескотта, так и для лучшего роста так любимых им растений. Все в доме были горячо заинтересованы в скорейшем осуществлении этого замысла и поэтому старательно помогали во всем. Камилле нравилось ее детище, одно ее огорчало – что старинная мебель из спальни – тяжелая, массивная кровать и шкаф из красного дерева – не подойдет к новым комнатам, а значит, не сможет больше служить хозяину дома. Но, в конце-то концов, здоровье мистера Прескотта было важнее любой мебели.

Заку перепланировка дома понравилась. Понравилось и то, что его отец теперь будет весь день находиться в пределах слышимости от находящейся почти постоянно на кухне Дили. Да и вообще Митчеллам, тоже уже немолодым людям, станет легче ухаживать за отцом. Короче говоря, идея Ка-

миллы оказалась замечательным решением проблемы, и девушка так и расцветала от похвал Зака, щедро расточаемых им каждый раз, когда он входил посмотреть, как новые комнаты отца мало-помалу обретают очертания.

Все последние пять ночей Зак провел в больнице с отцом, и, когда наконец заскочил домой пообедать, Камилла ужаснулась, до чего же он выглядел изнуренным. И, конечно же, не выдержав, она сказала ему об этом. Он ответил ей отвратительным тоном, не выбирая выражений. Между ними произошла совершенно безобразная сцена, а потом Зак в ярости схватил свой пиджак и пулей выскочил из комнаты.

Вечером, удалившись в свою комнату, девушка никак не могла заснуть, вновь и вновь представляя бледное лицо Зака, потухшие глаза и дрожащие руки – результат бессонных ночей в больнице. Она всерьез обеспокоилась здоровьем Зака. «Ну до чего же он упрям! – восклицала она. Никак не желает признать, что только навредит отцу, если тоже заболит и свалится от перенапряжения». Впрочем, зря она сказала ему об этом – ничего хорошего из ее попытки не получилось. Когда он уехал, Дили с Саймоном даже извинялись перед ней за Зака и его грубость.

– Ну разумеется, я все понимаю, – утешала она Митчеллов, – он слишком устал и сам не сознает, что говорит.

Однако теперь девушка себе просто места не находила и наконец, устав от бесплодных метаний, убедила себя, что поступает правильно. Она отправилась на кухню, позвонила по

телефону, взяла из холодильника побольше еды, аккуратно все упаковала и, набив ею сумку, поехала в больницу.

Дверь в палату мистера Прескотта она открывала со смешанным ощущением робости, дурных предчувствий и решимости. Там было почти совсем темно, лишь одна лампа мерцала слабым рассеянным светом. Судя по дыханию больного, он крепко спал после солидной дозы снотворного. Зак стоял около окна, опираясь на подоконник и прижавшись лбом к холодному стеклу.

Услышав ее шаги, он обернулся, и на его осунувшемся лице отразилось удивление.

– Я думал, это сиделка. Что ты тут делаешь? Дома что-то случилось? – голос у него был усталый.

– Нет. Дома просто замечательно. Чего нельзя сказать о тебе – ты чертовски плохо выглядишь и чертовски плохо себя чувствуешь.

– Спасибо на добром слове, – буркнул он, метнув на нее такой сердитый взгляд из-под нахмуренных бровей, что Камилла едва удержалась от смеха.

– Всегда пожалуйста, – любезно отозвалась она. – А я принесла тебе перекусить. Холодные сэндвичи с ростбифом, яблоки и домашние пирожки. Давай-ка поешь.

Зак несколько секунд колебался, а затем с благодарным видом сел в глубокое кресло. Девушка пододвинула к нему низенький столик и разложила там принесенные припасы.

– Схожу раздобуду тебе молока. Хватит с тебя кофе на се-

годня, – и, не слушая его возражений, она решительно выскочила из комнаты.

Вернувшись с пакетом молока, купленным в ближайшем автомате, Камилла обнаружила, что сэндвичей уже и след простыл, а Зак приступил к яблоку, стараясь жевать как можно осторожней, чтобы громкий хруст надкусываемого яблока не разносился по всей палате. При виде этих стараний Камилла с трудом сдерживала смех, уж очень комичное выражение лица было у Зака в этот момент. За что и была удостоена очередным уничтожающим взглядом. Остаток еды Зак дожевал в полной тишине, все запивая молоком.

– Очень вкусно, спасибо, – он вытер губы бумажной салфеткой и принялся записывать оберточную бумагу в коричневую сумку, в которой девушка принесла еду.

– Рада, что тебе понравилось. Я сейчас вернусь, – она снова выскочила из комнаты, но спустя какое-то мгновение вернулась обратно, и не одна. Зак опять стоял возле окна, безуспешно пытаясь сдержать зевок и устало растирая одной рукой затылок. Камилла направилась к нему. За ней по пятам шла рослая медсестра самого воинственного вида с длинным шприцем в руках.

Камилла предполагала, что Зак решит, будто пришли к отцу, чтобы сделать очередной укол. Так и вышло. Но когда они с сиделкой миновали постель больного и приблизились к окну, где стоял Прескотт-младший, девушка поймала на себе его удивленный взгляд.

– Снимай штаны, Зак.

Она не знала, что больше поразило его – ее дерзкие слова или приказной тон, но его остолбенелый вид был до того потешен, что лишь невероятным волевым усилием ей удалось сохранить на лице невозмутимое выражение.

– Какого черта ты мелешь? – завопил он.

– Я сказала: снимай штаны. Мы сделаем тебе укольчик, чтобы ты заснул, – пропела она приторно-сладким голосочком профессиональной сиделки, успокаивающей капризного пациента.

– Черта с два, – рявкнул Зак.

– Распоряжение доктора Дэниэлса. Если ты так настаиваешь на том, чтобы остаться в этой палате, пожалуйста, оставайся, но только спящим. Ну а теперь будешь ты вести себя как пай-мальчик или же нам придется прибегнуть к помощи санитаров, попросив их тебя подержать?

Она не сомневалась, что в эту минуту Зак с наслаждением придушил бы ее собственными руками. Никому не позволено безнаказанно манипулировать Заком Прескоттом.

Зак перевел взгляд с Камиллы на сиделку. Та стояла рядом, выражая собой непреклонную решимость солдата перед боем. Накрахмаленный белый халат туго обтягивал сверхъестественных размеров грудь. Камилла заметила, что, несмотря на весь свой гнев, Зак нервно сглотнул, стоило его взгляду упасть на шприц со снотворным в мускулистой руке сиделки. Камилла снова едва не рассмеялась.

– Зовите на помощь хоть самого Гиппократ, а я никаких ваших проклятых уколов не потерплю, – на его скулах заиграли желваки, а кулаки судорожно сжимались и разжимались. Камилла уже знала, что обозначают эти признаки. Зак был на грани взрыва.

– В таком случае мы можем предоставить тебе право выбора, – она повернулась к сиделке. – Пожалуйста, привезите кровать.

Сиделка надменно фыркнула и, повернувшись, бесшумно вышла из палаты. Она двигалась с проворством, неожиданным для женщины ее комплекции.

– По распоряжению доктора Дэниэлса сюда сейчас привезут постель на колесиках. Я обещаю, что, пока ты будешь спать, я глаз не сведу с мистера Прескотта. Придется тебе, Зак, поверить мне на слово. Тебе необходимо хоть немного отдохнуть, не противься. Сделай это, ну хотя бы ради отца. Думаешь, он обрадуется, если ты свалишься от истощения? Он так разволнуется, что ему обязательно станет хуже. Кроме всего прочего, я обещала ему позаботиться о тебе и твердо намерена выполнить обещание.

Зак вздохнул и запустил пальцы в спутанную шевелюру:

– Но ты обещаешь мне, что всю ночь глаз не сомкнешь?

– До самого, утра, пока ты не проснешься, – заверила девушка.

Дверь бесшумно отворилась. Санитар вкатил в комнату кровать, поставил ее у стены и так же бесшумно удалился.

Зак бросил быстрый взгляд на Камиллу, а затем на неподвижную фигуру отца на больничной постели. Как ни странно, но Рейборн Прескотт проспал все эти словесные баталии сном младенца. Плечи Зака поникли, а на лице отразилось смирение. Он криво улыбнулся и скрылся в ванной, плотно закрыв за собой дверь. Камилла опустилась в мягкое кресло, обтянутое кожзаменителем, приготовившись к ночному бдению. Вскоре Зак вышел из ванной, погасив там свет, и скептически уставился на хлипкую кровать.

– По-моему, эта штукавина на меня не рассчитана, – проворчал он, сбрасывая ботинки. Камилла тихонько засмеялась:

– Спорим, ты сам не заметишь, как уснешь, – она поудобнее откинулась в кресле, но тут же подскочила, как ужаленная, увидев, что Зак ставил с себя рубашку и принялся расстегивать ремень.

– Что ты делаешь? – воскликнула она, почти срываясь на визг.

– Разве сама не видишь? Раздеваюсь. Видимо, тебя смутило, что я веду себя не как подобает джентльмену, я должен был попросить тебя отвернуться?

– Но... но ты же не можешь спать здесь в таком виде... – прошептала Камилла, вспомнив о мистере Прескотте.

– Право, это же была ваша идея, мисс Джеймсон, неужели вы уже не помните? Вы сами велели мне снимать штаны. Думаю, я ничуть не смущу эту мисс Каменное Лицо. Уверен,

она не увидит ничего нового для себя, – он без промедления начал стягивать джинсы, и Камилла потупилась, покраснев до ушей.

– Разве ты не поцелуешь меня на сон грядущий? – ехидно осведомился Зак через секунду.

– Нет! Еще чего выдумал! – возмутилась она. В ответ он лишь рассмеялся.

Девушка услышала негромкий скрип и шелест простыни, пока Зак ворочался, стараясь поудобнее примоститься на короткой и узкой кровати, а затем наступила тишина. Ровное, еле слышное дыхание свидетельствовало, что, как она и предполагала, он заснул, едва коснувшись головой подушки. Ну и прекрасно, ее миссия выполнена. Однако Камилла испытывала страшное волнение. Все шло так, как ей и хотелось – но только пока Зак вдруг не разделся. Несмотря на царящий в палате полумрак, она ясно видела крупную мускулистую фигуру Зака, едва прикрытую простыней. Неожиданно на Камиллу нахлынули воспоминания – Зак лежал совершенно голый, раскинувшись на широкой постели в домике в Сноу Берд. А на его золотистой коже плясали причудливые блики огня из камина.

Это яркое видение пробудило в девушке страстное желание. Она резко мотнула головой, словно отгоняя мысли о Заке, и заставила себя думать о том, какие необходимо пренести реставрационные работы завтра.

Ночные часы тянулись долго и монотонно, разнообрази-

ли их лишь появления медсестер через равные промежутки времени. Они молча входили, производили какие-то манипуляции с мистером Прескоттом и молча удалялись. Почему-то Камилла ощущала необыкновенное умиротворение при мысли о том, что, пока она тут сидит, каждая минута сна прибавляет Заку сил и здоровья. Когда в окно начали заглядывать первые лучи солнца, она опустила шторы, вновь погрузив палату в полумрак. Ей хотелось продлить эту ночь как можно дольше.

Примерно через полчаса после рассвета Камилле понадобилось заглянуть в ванную комнату. Девушка неслышно проскользнула туда, тщательно прикрыв за собой дверь, прежде чем зажечь свет, а когда собралась выходить, сначала выключила лампу. Хорошо, что выключатель был внутри. Она осторожно, почти крадучись, шла мимо Зака, как вдруг рука его буквально вылетела из-под одеяла и крепко ухватила девушку за руку, дернув ее на себя. Камилла прижала другую руку к губам, чтобы не завизжать от испуга, потеряла равновесие и рухнула на Зака, он тут же прижал ее к себе.

Тщетно пытаясь высвободиться из его объятий, она свирепым взглядом уставилась на его скрытое тенью лицо:

– Ты чуть ли не до смерти перепугал меня! – прошипела она. – Сама не понимаю, как это я еще не перебудила своим воплем всю больницу. И как бы, интересно знать, ты объяснил санитарам причину моего ужаса?

Он только пожал плечами и широко ухмыльнулся.

– Немедленно отпусти меня, – шепотом потребовала она.

– Нет.

– Да!

– Нет!

– Зак, ну пожалуйста. Вдруг кто-нибудь войдет.

– Я прекрасно знаю больничное расписание. У нас вполне достаточно времени, чтобы я успел взять реванш за прошлую ночь.

Он все сильнее и настойчивее прижимал ее к себе, а Камилла отчаянно пыталась хотя бы одернуть подол юбки, задравшийся во время их потасовки почти до середины бедра. Сердце у нее гулко забилося, но девушка лицемерно приписала это пережитому испугу, а вовсе не тому, что она лежала на Заке, отделенная от его почти обнаженного тела лишь тонкой простыней.

– Перестань... – протестующе пролепетала она, но губы Зака тут же заглушили этот робкий протест, прильнув к ее устам. Она изо всех сил старалась отстраниться, но руки Зака стальным кольцом обвивали ее талию.

Поцелуй Зака становился все более страстным, и она почувствовала, как внутри ее начинает бушевать огонь желания, лишая ее воли, затуманивая разум, сокрушая сопротивление. Она слабо застонала и упала Заку на грудь. Руки его тотчас же ослабили железную хватку и принялись ласкать ей спину с нежностью, которая удерживала ее еще прочней, чем несколько секунд назад удерживала сила.

– Не помню, я тебе уже когда-нибудь говорил, какая у тебя нежная попка? – ласково выдохнул он, забравшись Камилле под юбку и нежно поглаживая эту часть ее тела. Жар его пальцев,двигающихся по ее шелковым трусикам, действовал на девушку опьяняюще.

– Нет! Ничего подобного ты мне не говорил. А не то я отвесила бы тебе пощечину, – возразила она без особого убеждения в голосе. Зак еще раз поцеловал ее, и все ее чувства растворились в безбрежном океане желания.

– Зак, пожалуйста, не целуй меня так, – взмолилась она, когда он наконец оторвался от ее губ, но только затем, чтобы исследовать губами ее нежное ушко.

– Прости, – хмыкнул он, – но я не умею целоваться по-другому.

– Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, – возмутилась Камилла, пытаясь приподняться. Зак тут же воспользовался этим движением, чтобы опрокинуть ее на спину, так что теперь он оказался сверху, склоняясь над ней, а Камилла лежала почти уткнувшись лицом в его поросшую волосками грудь. Перед глазами ее качался золотой крестик на тонкой цепочке. У девушки перехватило дыхание. Зак провел рукой по волне ее спутанных волос и пробормотал, улыбаясь:

– Помнится, наша первая постель была чуточку шире этой.

Внезапно девушка резким движением вырвалась из его объятий и, не успев он снова схватить ее, отскочила от кро-

вати.

– Я же говорила тебе, что не хочу говорить об этом! – яростно воскликнула она, но тут же покосилась на Рейборна Прескотта, испугавшись, не разбудила ли его своим криком. К счастью, старик по-прежнему крепко спал.

– Каждый раз, когда ты упоминаешь Ют, я убеждаюсь вновь и вновь в твоей бесчувственности! Я же просила тебя не говорить больше о Сноу Берд, – дрожащими пальцами она поспешно приводила в порядок свою одежду.

– А разве я обязан выполнять все твои просьбы? – резко парировал он, встав с постели и направляясь к девушке. – Я, например, хочу выяснить этот вопрос раз и навсегда. Неужели ночь, проведенная со мной в Сноу Берд, была для тебя сплошным кошмаром? В твоём изложении это звучит так, словно орда диких викингов искала деревню девственниц, а нашла тебя одну. Мне же все это видится иначе. Я же не насиловал тебя, Камилла. Что-то я не припоминаю, чтобы ты кричала, царапалась или кусалась... ну, разве что самую малость прикусывала, – добавил он с ехидным блеском в глазах, потирая плечо.

Поняв его намек, Камилла от возмущения топнула ногой.

– Ты презренный тип! Ты не джентльмен! – прошипела она, вздернув голову. – И если ты сейчас же не наденешь штаны, я и минуты здесь не останусь и не буду разговаривать с тобой ни о чем, так и знай!

Про себя она проклинала предательскую дрожь в голосе.

– Вот дьявольщина, – пробормотал Зак, пытаясь найти на ощупь свои джинсы в темноте. Наконец отыскав их, он ментально оделся и застегнул «молнию».

– Ну что, теперь лучше? – насмешливо произнес он.

– Да, спасибо, – чопорно отозвалась девушка, не поддаваясь на провокацию.

– Всегда к вашим услугам, – в тон ей ответил он, заставив Камиллу возненавидеть его проклятое хладнокровие.

– Я хочу знать, что такое безотлагательное могло случиться, что ты смоталась от меня, даже не попрощавшись. И хочу знать это прямо сейчас! – Его голос звучал властно и требовательно. С просьбами было покончено.

– Я... я чувствовала себя опозоренной, мне было невероятно стыдно. Я оказалась в постели с почти незнакомым человеком, и ты взял... Это единственное достояние женщины... Я хотела сохранить это для человека, за которого выйду замуж, – она уже плакала и как ни пыталась, никак не могла сдержать слезы. – А что, если бы я забеременела?

Она увидела, как помрачнело лицо Зака, услышала, как он простонал: «О Боже», и поспешила успокоить его:

– Нет, этого не произошло, но ведь вполне могло бы. Я не... не предохранялась. Я никогда... а ты взял...

– Да ничего я не брал, Камилла. Я и предположить не мог, что ты никогда раньше не была с мужчиной. Если бы ты хоть намекнула мне, я немедленно оставил тебя в покое, – заверил он, запустив одну руку в волосы, а вторую прижимая к

груди, но тут же со вздохом добавил: – А может, и нет. Черт, сам не знаю, как бы я тогда поступил, так что теперь не о чем и говорить. Что произошло, то произошло. Ничего не поделаешь, прошлого не вернешь. Однако должен тебе признаться – я вовсе не жалею, что был близок с тобой.

– В этом и состоит разница между мужчиной и женщиной. По крайней мере, между тобой и мной. Для тебя все это в порядке вещей. А я навсегда погубила себя. Как вспомню об этом, сразу же начинаю чувствовать себя опустошенной, поруганной и грязной, точно я вылезла из сточной канавы. Ни один порядочный мужчина, узнав об этом, не захочет иметь дела со мной. Я и сама себя не уважаю, так как же могу требовать уважения от других?

– Погубила? Опустошенной, поруганной и грязной? – Его голос угрожающе возрастал с каждым словом. – Замечательно, премного благодарен! А я-то, дурак, не знал, что близость со мной настолько ужасна, что может полностью лишить женщину самоуважения, – он судорожно надевал рубашку, от резких движений его волосы совсем разлохматились. Он был взбешен, и Камилла прекрасно понимала, каких усилий ему стоит сдерживаться, чтобы не заорать на всю больницу. Одевшись, он шагнул к девушке и схватил ее за плечи:

– Вот что я тебе скажу: когда вы с твоим будущим порядочным дружкой наконец обретете друг друга и ты, заливаясь слезами, будешь рассказывать ему, как тебя лишил дев-

ственности сексуально озабоченный свихнувшийся маньяк, не забудь рассказать еще и об этом, – и он грубо прижал Камиллу к себе. Это был долгий и оскорбительный поцелуй, начисто лишенный какой-либо теплоты и нежности. Зак больно покусывал губы девушки, грубо сжимал ее, а затем отшвырнул в сторону и направился к двери. В этот момент дверь распахнулась и в палату вошла та самая сиделка, что ночью приходила со шприцем. Сейчас в руках у нее был поднос с завтраком и лекарствами для Рейборна Прескотта.

– Господи, да неужели эта мисс Каменное Лицо никогда не сменяется с поста? – прорычал Зак, протискиваясь в дверном проеме мимо ее необъятных форм и едва не выбив из рук поднос с едой.

Под пристальным недоумевающим взглядом сиделки Камилла почувствовала неловкость и, схватив сумку и пиджак, поспешила удалиться, попросив сиделку передать мистеру Прескотту, что она зайдет к нему днем.

8

Ужасная ссора в больничной палате заставила Камиллу с новой силой ощутить, как же беззащитна она перед Заком – пожалуй, даже беззащитней и уязвимей, чем прежде. Ему вновь удалось глубоко ранить ее, сокрушив все оборонительные рубежи, и это давало ему новую, пугающую власть над ней. Из создавшейся ситуации был лишь один выход – держаться от него подальше, чтобы не дать ему возможности заметить, в какое состояние он повергает ее своим присутствием.

Теперь они разговаривали друг с другом только в самых крайних случаях, когда без этого никак нельзя было обойтись, да и тогда – с холодной вежливостью чужих людей. После той ночи молодые люди пришли к решению, что Камилла будет периодически подменять Зака во время ночных дежурств в палате Рейборна Прескотта. А Зак на это время будет уезжать домой. Кровать на колесах так и осталась стоять там неммым напоминанием о той душераздирающей сцене.

Через неделю Зак наконец признал, что отец достаточно окреп, чтобы оставаться на ночь одному. Он уже мог ненадолго вставать с постели и даже совершать короткие прогулки по холлу, обычно в сопровождении какой-нибудь прехорошенькой сиделки, каждая из которых была без ума от седовласого южанина.

Камилла продолжала навещать мистера Прескотта по меньшей мере раз в день, хотя сейчас забот по реставрации дома стало еще больше. Казалось, что даже самые профессиональные и опытные из рабочих не могут обойтись без ее указаний. Девушка безмерно устала от постоянного гнета ответственности, но она была уверена, что лучше вовремя проследить за рабочими, чем позволить им допустить ошибку и потом требовать, чтобы они все переделали.

По этим заключительным стадиям отделки дома уже можно было представить, каким прекрасным станет особняк, когда работа будет завершена. Самой Камилле результат очень нравился, и ей не терпелось, чтобы и Мистер Прескотт поскорее увидел воплощение своей давней мечты. По поводу столь замечательного преображения особняка Зак ни разу не высказался прямо, а лишь бурчал нечто невразумительное, но девушка сочла это невнятное ворчание за одобрение. Словом, она не сомневалась, что работа в «Свадебном венке» ей удалась на славу, и гордилась, что сумела проявить свой безукоризненный вкус.

Тут-то и грянул гром.

Как-то днем она заметила в широком холле у входа в столовую Зака. Он стоял, широко расставив ноги. По-видимому, он только что вернулся с плантации, так как еще не успел снять старые потрепанные джинсы и рабочую куртку. В руке он сжимал шляпу, и Камилла живо припомнила свой первый день в «Свадебном венке» и первую стычку с Заком в холле

– тогда он был точно так же одет и стоял в точно такой же угрожающей позе. Девушка слегка испугалась, еще сама не зная, чего.

– Мисс Джеймсон, – отчеканил он, заметив ее. – Какого дьявола вы здесь нагородили?

Камилла поежилась под пристальным взглядом холодных синих глаз и заглянула в обеденный зал. О чем это он? Одна стена была уже почти докрашена.

– Рабочие красят стены, – просто ответила девушка. – Мы решили больше не обклеивать стены обоями. Их содрали пару недель назад и...

– Да я прекрасно вижу, что делают рабочие! И даже помню, когда именно ободрали обои, – он говорил снисходительным, предельно рассудительным тоном, словно пытался вразумить безнадежного идиота. – Я говорю об этой отвратительной краске, которой они измазали мои стены!

Для столовой Камилла выбрала глубокий зеленый цвет, прекрасно гармонировавший с одним из главных украшений этой комнаты – старинным ковром. Бесценный персидский ковер сохранился с незапамятных времен и представлял собой настоящее сокровище. Девушка хотела оставить его в столовой, но слегка обновить остальную обстановку, придав ей легкий налет современности. Старые кресла были заново обтянуты темно-зеленой обивкой с вышивкой персиковых и абрикосовых тонов. Эта модная цветовая гамма идеально гармонировала с колониальной архитектурой дома.

Собравшись с мужеством, Камилла взглянула на Зака и произнесла с вызовом, на какой только была способна под его пристальным взглядом:

– Это называется охотничий...

– Проклятье! Я и знать не хочу, как это вы называете! Я же это называю – дрянь! Вы мне лучше скажите, как тут есть? Теперь, находясь здесь, я не смогу отделаться от ощущения, что обедаю посреди трясины. Мне приходилось видеть болота, но они более приятного цвета! – он с такой злостью принялся размахивать руками, что не удержал свою шляпу, и она, плавно пролетев через всю комнату, упала в открытую банку с зеленой краской. Зак разразился таким каскадом ругательств, от которых, если могли бы, покраснели даже зеленые стены. При виде шляпы, медленно тонущей в краске, Камилла едва не расхохоталась, но вовремя сдержала себя, увидев разъяренную физиономию Зака. Девушка была рассержена столь бесцеремонным вмешательством Зака в ее работу и такой бестактной манерой поведения, но она взяла себя в руки и, стараясь унять дрожь в голосе, пустилась в объяснения:

– Зак, но когда деревянные рамы и притолоки выкрасят в белый цвет, здесь не будет так мрачно. Мы повесим шторы в тон обивки кресел и стульев. А окна украсят белоснежные ставни. Поверь, все вместе будет смотреться просто великолепно. К тому же зеленый цвет сейчас считается одним из самых модных.

– Разве что для рождественских праздников. А что прикажешь делать все остальные триста шестьдесят четыре дня в году?

Резкость и язвительность, с которыми Зак разговаривал с Камиллой, не могли остаться незамеченными. Она увидела, что маляры прекратили красить стены и с явным интересом прислушиваются к спору. Саймон и Дили, привлеченные шумом, стояли в дверях столовой. Дили нервно теребила полотенце. Даже портниха, сидевшая в соседней комнате и подшивавшая занавеси, и та оказалась свидетельницей этой сцены. Если Зак намеревался выставить Камиллу на посмешище, разгласив на весь Натчез, что она никуда не годный декоратор, – это ему хорошо удалось. Девушка еще раз попробовала урезонить его:

– Но ведь интерьер можно разнообразить множеством самых различных способов. Например...

Однако Зак не дал ей договорить, перебив:

– Все это крайне интересно, но дело в том, что мне не нравится дизайн этой комнаты вообще. Измените его, – и, не желая слушать возражений, Зак резко повернулся на каблуках и направился к выходу.

– И не подумаю!

Слова сорвались с губ Камиллы раньше, чем она успела все хорошенько взвесить. Во время этой отвратительной сцены она старалась вести себя спокойно и рассудительно, но повелительный тон и ослиное упрямство Прескотта-млад-

шего вывели ее из себя. Хочет ссоры – что ж, сам попросился. Она невольно выпрямила спину, гордо подняла голову. Золотые глаза ее метали молнии, без тени страха встречая гневный взгляд Зака, немедленно обернувшегося на ее дерзкую реплику.

Его кулаки непроизвольно сжались, а на скулах заиграли желваки, однако голос оставался спокоен и невозмутим:

– Могу ли я напомнить вам, мисс Джеймсон, что именно я несу расходы по реставрации?

И мне кажется, это должно заставить вас считаться с моим мнением. И еще, если вы вдруг забыли, хочу напомнить вам еще одну мелочь – это мой дом.

– Вы совершенно правы, мистер Прескотт, но могу ли и я, в свою очередь, напомнить вам, что меня наняли не вы, а ваш отец. Подобный цвет, как и другие, был выбран с его ведома и согласия. Если он сам не сочтет нужным внести изменения, здесь все так и останется.

– Скорее в аду снег выпадет, мисс Джеймсон.

– Как вам будет угодно, мистер Прескотт.

Он сделал несколько шагов по направлению к девушке, и она, словно желая остановить его, довольно резким тоном произнесла:

– Учитывая ваше явное недовольство нашим выбором и недоверие к моим способностям, обещаю вам следующее: если после того, как комната будет полностью закончена, ваш отец согласится с вашим мнением, я внесу любые изменения,

какие вы потребуете, – за свой счет.

Несколько секунд в воздухе висела зловещая тишина. Зак молча испепелял Камиллу взглядом. Наконец девушка повернулась и многозначительно посмотрела на своих рабочих. Те немедленно вернулись к прерванным занятиям. Саймон и Дили мудро ретировались обратно в кухню.

Когда Камилла проходила мимо Зака к выходу из холла, он схватил ее за руку:

– А еще ты должна мне новую шляпу, – процедил он.

– Иди к черту, – пропела девушка сладеньким, ядовитым голосочком, вырвала у остолбеневшего Зака руку и неторопливо вышла.

К величайшему удивлению Камиллы, в один прекрасный день за ленчем Зак ни с того ни с сего попросил ее съездить вместе с ним в больницу к отцу. С момента их ссоры в палате Рейборна Прескотта прошло уже две недели – две недели напряженного молчания после нанесенных друг другу взаимных оскорблений. А уж несколько последних дней после столкновения в столовой из-за зеленой краски молодые люди и вовсе перестали разговаривать, старательно избегая каких бы то ни было встреч.

Вероятно, изумление отразилось на ее лице, потому что Зак поспешно добавил:

– Идея вовсе не моя. Отец почему-то просил, чтобы мы приехали к нему сегодня днем, и непременно вместе. Понятия не имею, зачем.

Больше он ничего не сказал, и они в полном молчании доели салат из цыпленка, приготовленный Дили к ленчу. Зак справился со своей порцией первым и спросил, поднимаясь из-за стола:

– Когда ты будешь готова?

– Примерно через полчаса.

– Отлично, – отозвался он и вышел из комнаты.

На глаза ей навернулись жгучие слезы обиды и разочарования, но девушка поспешила смахнуть их, пока не заметила Дили, которая вошла, чтобы убрать тарелки со стола. Ну ничего, утешала она себя, еще несколько недель – и дом будет полностью закончен, а она наконец сможет уехать, навсегда выбросив Зака из своей жизни. Недолго еще ей служить объектом его насмешек и оскорбительных замечаний. Но почему эта мысль не приносит ей никакой радости? Почему ей становится лишь горше на душе, почему ее переполняют тоска и отчаяние?

– Когда ты собираешься в больницу, Камилла?

Неожиданный вопрос Дили вырвал Камиллу из невеселых размышлений.

– Что? А, примерно через полчаса, – рассеянно отозвалась она.

– В таком случае, ты вернешься сюда к двум часам? – продолжила выспрашивать Дили.

– Ну... наверное, да. А что?

– Да нет, ровным счетом ничего. Просто так спросила. Я

собиралась идти за покупками, вот и подумала, может, я тебе зачем-нибудь понадобится перед уходом.

Камилла была слишком погружена в свои мысли, чтобы обращать внимание на странное поведение домоправительницы. У нее хватало проблем и без причуд Дили.

Заставив себя встряхнуться, она поспешила во «вдовый» домик. Она надела бирюзовую шелковую блузку с присборенными рукавами и длинными манжетами, фирменные узкие джинсы. В штрипки на поясе она просунула тоненький золотой ремешок. Сегодня на улице было не влажно, так что Камилла могла отвести душу и уложить волосы, как угодно, не опасаясь, что они начнут бешено виться, превращаясь в нечто неопрятное. Пышно взбитые локоны волной спадали ей на плечи и нежными завитками обрамляли лицо. Как ни пыталась она убедить себя, что перспектива ехать в одной машине с Заком ее ничуть не волнует, но почему-то сделала макияж со всей тщательностью и даже слегка надушилась. Оставалось лишь набросить на плечи мягкую кожаную куртку – и Камилла была готова ехать.

Зак уже вывел из гаража свой небесно-голубой «Линкольн». Увидев Камиллу, он распахнул перед ней дверь со стороны сиденья для пассажиров. Камилла села, он захлопнул дверцу, обошел машину и сел за руль. И они в мрачном молчании поехали к больнице. Хотя девушке и удалось сохранить безразличный вид, но близость Зака мучительно волновала ее всю дорогу. Он был одет в свитер из верблю-

жьей шерсти поверх спортивной рубашки и узкие джинсы. Ковбойскую шляпу он не взял с собой в больницу. Ветер, врывающийся в окно машины, растрепал волосы Зака, но этот беспорядок странным образом подчеркивал аристократические черты его лица. До чего же безупречен его профиль, думала Камилла, украдкой поглядывая на Зака. Задумавшись, она не заметила, как вздохнула, но он тут же повернул голову и испытующе посмотрел на нее. Девушка поспешно отвела взгляд, но все же успела увидеть презрительную насмешку в лазурной глубине его глаз.

– Давно не встречалась с Риком О'Мели? – вопрос был задан небрежным тоном, но застал ее врасплох.

– Как раз сегодня иду с ним на свидание. – С вечера футбольного матча Камилла почти не виделась с Риком. Он уже закончил работу в «Свадебном венке», а когда появилась дополнительная работа на веранде, старший О'Мели справился с ней один. Рик позвонил ей в начале этой недели и, осведомившись о здоровье Рейборна Прескотта, пригласил сходить в кино вечером в воскресенье. Она с радостью приняла его приглашение, и не только потому, что он ей нравился, но еще и из-за того, что царящее в «Свадебном венке» напряжение сделалось настолько невыносимым, что она была рада любому поводу провести вечер вне дома.

– Мне всегда нравился Рик, – заметил Зак. – Он славный малый. И порядочный, – он сделал ударение на последнем слове и, бросив насмешливый взгляд в ее сторону, бой-

ко продолжил: – Но ты, пожалуй, поставила бы ему в упрек любовную интрижку с замужней женщиной.

Камилла изумленно посмотрела на Зака.

– Зря ты так скептически смотришь. Да об этом каждая собака знает, столько лет уже тянется их связь, – он повернул машину к парко-ночной площадке, резко затормозил и выскочил наружу, раньше чем Камилла успела переварить это неприятное и, как ей показалось, невероятное сообщение.

Они поднялись на лифте и только вступили на этаж, где находилась палата Рейборна Прескотта, Камилла ощутила какую-то странную, почти осязаемую атмосферу ожидания. Увидев их, молоденькие медсестры и сиделки, сбившиеся в стайку в углу коридора, сначала примолкли, а потом, когда молодые люди прошли, начали хихикать, подталкивая друг друга локтями, словно девчонки на школьных танцах. Камилла вопросительно посмотрела на Зака, но тот лишь пожал плечами и, не обращая внимания, пошел по коридору.

Дойдя до палаты отца, он распахнул дверь и пропустил Камиллу вперед. Едва переступив порог палаты, девушка застыла на месте. Не успев среагировать, Зак налетел на нее, чуть не сбив с ног.

Пораженные, они так и остались стоять на пороге, удивленно оглядывая комнату, которая ничем не напоминала больничную палату. Комната буквально утопала в цветах – но не тех, что мистер Прескотт получал от друзей, а совсем других – огромных букетах роз, хризантем и орхидей, усы-

паннных блестками и украшенных молодыми побегими папоротника. В изящных бронзовых подсвечниках ярко мерцали сотни свечей, затмевая своим сиянием обычное тусклое электрическое освещение. Больничная постель куда-то пропала. Вместо нее посреди комнаты возвышалась белая арка, увитая цветами и зелеными листьями.

Под аркой стоял сам Рейборн Прескотт, облаченный в голубую шелковую пижаму и велюровую рубашку. Рядом с ним – невысокая миловидная женщина, лицо которой так и расцвело, лишь стоило Камилле войти в комнату.

– Мама! – потрясение воскликнула девушка.

Около матери Камилла с возрастающим удивлением заметила священника, а из-за его плеча с крайне самодовольным видом выглядывал ухмыляющийся доктор Дэниэлс. А по периметру комнаты стояли почти все врачи больницы, медсестры и сиделки. Все присутствующие встретили молодых людей радостными улыбками. Прескотт-младший недоуменно рассматривал лица собравшихся людей, совершенно не понимая, по какому поводу устроен этот спектакль. Камилла услышала, как кто-то за ее спиной шмыгнул носом, и, обернувшись, увидела растроганное лицо Дили и сияющее – Саймона.

– Что?.. – успел только произнести Зак, как невысокая миловидная женщина, стоящая с его отцом, сорвалась с места и, подлетев к Камилле, обняла ее.

– Камилла, радость моя, красавица моя ненаглядная. Как

я за тебя рада! Когда мистер Прескотт сообщил мне по телефону, что вы с Заком влюбились друг в друга с первого взгляда, я безумно удивилась! Я, конечно, сгорала от любопытства, хотела тут же позвонить тебе и обо всем расспросить, но мистер Прескотт взял с меня слово, что я сохраню все в тайне, пока он не подготовит этот маленький приятный сюрприз. А это и есть Зак! – произнеся эту фразу, она перестала обнимать дочь и, схватив Зака за обе руки, восхищенно оглядела его с головы до ног. – Ну совершенно такой, как я себе представляла! – И, взглянув на дочь, продолжила: – Тебе абсолютно никто не нравился, и я поняла – уж если ты влюбишься, то твой избранник будет непременно очень красив. Дорогая, я так счастлива, а то, признаться, я начала беспокоиться, что ты так никогда и не найдешь никого, кто был бы достаточно хорош для тебя! – И, переведя взгляд на Зака, без паузы продолжила: – Зак, я Марта Джеймсон. Уверена, уж вы-то сумеете позаботиться о моей дочурке. Конечно, когда я узнала о вашей любви, то немного испугалась вашей разницы в возрасте и того, что вы так недолго знакомы, но мистер Прескотт заверил меня, что ваше чувство глубокое и серьезное. А уж если вы ходите на своего отца не только внешне, но и характером, значит, вы настоящий джентльмен. Пожалуйста, называйте меня просто Мартой. – Она закончила свою несколько путаную речь и протянула руку Заку.

Он пожал руку Марте. А та, привстав на цыпочки, слег-

ка наклонила его голову и звонко расцеловала в обе щеки. Он мужественно вытерпел это, хотя был сильно удивлен. По озадаченному выражению его лица Камилла поняла, что он, как, впрочем, и она, окончательно сбит с толку.

– Пойдемте же, дорогие мои. Все уже заждались вас, – Марта взяла под руки Зака и Камиллу и торжественно подвела их к Рейборну Прескотту, весело поблескивавшему озорными глазами из-под мохнатых седых бровей.

– Ради всего святого, что здесь происходит? – прошептал Зак на ухо отцу, обнимая его. Он говорил так тихо, что услышать его могли только сам Рейборн Прескотт и Камилла, хотя этот вопрос вряд ли предназначался для ее ушей.

Отец ответил, но не тихо, как ожидал Зак, а, напротив, очень громко, да так, что все в комнате разом обернулись к нему.

– Сынок, я просто не могу позволить, чтобы вы с Камиллой и дальше тянули со свадьбой из-за моей болезни. Я знаю, что вы оба готовы пожертвовать ради меня даже самыми заветными желаниями, но я не хочу принимать это благородное самопожертвование. Меня так терзало чувство вины, что я не выдержал и, взяв дело в свои руки, приготовил все для этой свадьбы, которая должна была стать для вас сюрпризом.

Камилла почувствовала, как внезапно закружилась голова, а перед глазами все поплыло. Она пошатнулась и непременно упала бы, если бы Зак не подхватил ее. Он стоял, бережно поддерживая девушку за талию. Мать Камиллы, слов-

но не замечая состояния дочери, вновь торопливо заговорила:

– Конечно, милая, я представляла твою свадьбу иначе, но так, наверное, даже лучше. Совершенно необычно, будет, что рассказать детям и внукам. И в этих джинсах ты смотришься ничуть не хуже, чем в традиционном длинном белом платье. Я уверена, Заку абсолютно все равно, в чем ты. – Лучась материнской гордостью, Марта погладила Камиллу по щеке и пригладила растрепавшиеся волосы.

«Наверное, это сон, – вертелись обрывочные мысли в голове Камиллы. – Вот уж посмеюсь утром. Какой забавный сон. Или ночной кошмар. А как он закончится?»

На Зака она не смотрела. Интересно, а он тоже спит? Чей это сон, его или ее? Девушка едва удержалась от подступившего к горлу истерического смеха.

– Я и не знал, что... – начал было Зак, но Рейборн Прескотт прервал его:

– Видишь ли, сынок, когда вы с Камиллой недели две назад обсуждали горнолыжный курорт в Юте, я не спал, а только притворялся, что сплю, – он сделал паузу, чтобы дать Заку и Камилле время понять сказанное, а затем продолжил: – Помните, вы говорили, как, мол, было бы приятно провести медовый месяц в Сноу Берд, где вы уже отдыхали раньше. – (Камилла судорожно глотнула воздух.) – Из вашего разговора я понял, как сильно вы жалеете, что не обвенчались тогда, после вашей первой встречи. Любовь частенько при-

ходит именно так, расцветает за один короткий день. Или ночь... – он снова ненадолго умолк. И Зак, и Камилла прекрасно понимали скрытый смысл его речи – старик хотел, чтобы они осознали – он не только слышал их разговор до мельчайших подробностей, но и догадался, что именно произошло в Сноу Берд два года назад. Но так как он говорил завуалированно, никто, кроме них двоих, не смог бы понять истинного значения его слов.

– Ты с детства знал, что такое долг, Зак, и всегда старался поступать так, как он тебе велит. Но я не хочу, чтобы чувство долга по отношению ко мне и моей болезни помешало тебе достойно вести себя с Камиллой. И я не хочу, чтобы меня терзало сознание вины из-за того, что вы никак не можете соединить свои судьбы.

И Камилла, и Зак прекрасно поняли, что имел в виду Рейборн. Он узнал, что Зак лишил Камиллу невинности, и теперь хотел, чтобы его сын поступил, как подобает благородному южанину, джентльмену, и искупил свою вину перед бедной оскорбленной девушкой, женившись на ней и вернув ей честное имя. Добрый, внимательный, всепонимающий и мягкосердечный джентльмен, каким казался Рейборн Прескотт на первый взгляд, оказался и упорным, сильным, настойчивым человеком, обладающим поистине железной волей. Сегодня Камилла впервые увидела проявление этой воли в действии. Обычно веселые голубые глаза под бровями Санта Клауса обрели стальную жесткость и блеск. Он и мыс-

ли не допускал, что сын осмелится хоть единым словом возразить против этой задуманной им акции справедливости.

Ласково взглянув на Камиллу, он перевел вмиг посуровевший взгляд на сына и несколько секунд в упор смотрел на него. Наконец убедился, что от Зака возражений не последует, и энергично потер руки:

– Итак, давайте же начнем. Мы заставляем преподобного ждать. А он торопится на полуденную партию в гольф.

Все весело рассмеялись. Камиллу и Зака поставили под аркой перед священником, и Марта торопливо всунула в холодные дрожащие руки дочери роскошный свадебный букет. Рейборн Прескотт и Марта встали по обе стороны жениха и невесты.

– Ох да, Захарий, чуть было не забыл. Вот обручальное кольцо твоей матери. Я попросил Саймона принести его. Уверен, она полюбила бы Камиллу и с великой радостью сама бы вручила ей это кольцо. Камилла, если вы потом захотите другое, не сомневаюсь, Зак подарит вам, но сегодня простите уж старика и примите вот это.

Камилла взглянула на широкий золотой ободок на протянутой ладони мистера Прескотта и, подавив рыдание, тихо произнесла:

– Я... я и не мечтала о такой красоте. Спасибо, большое спасибо.

Такая непосредственная реакция растрогала старика, и он украдкой смахнул слезы, прежде чем продолжить:

– Камилла, помните преподобного Коллинза? Вы как-то встречались с ним у нас в церкви, – начал он в виде введения.

– Да, разумеется, здравствуйте, преподобный отец Коллинз, – еле выговорила девушка.

– Здравствуйте, Камилла. Вот уж не предполагал, что так скоро увижу вас снова, но уже в роли невесты! Привет, Зак.

– Добрый день.

– Немного нервничаете? – осведомился священник.

– Нет, – коротко отозвался Зак.

– Ну и хорошо. Тогда давайте начнем.

Он без промедления приступил к проведению обряда, и спустя буквально несколько минут Захарий Бенсон Прескотт и Камилла Линн Джейм-сон стали мужем и женой. Исполнилась самая заветная мечта Камиллы – она вышла замуж за любимого мужчину. Но какой ценой? Теперь он возненавидит ее на всю оставшуюся жизнь. Подумать только – жениться по воле отца на той, что была для него подружкой на одну ночь. А как же Эрика Хазелетт? Любит ли ее Зак? Камилла чувствовала свое полнейшее бессилие, точно в кошмарном сне, когда от тебя ничего не зависит, Она не могла даже вмешаться в церемонию, остановить ее. Зак не простил бы ей устроенного здесь скандала. Но он ведь не простит ей и того, что вынужден был жениться на ней...

Растерянная, потрясенная, Камилла эхом повторяла за священником слова обета, слабо осознавая происходящее. Голос Зака, напротив, звучал громко и отчетливо. Хотя бы

прилюдно он не выказывал свою враждебность к ней. Но что будет, когда они останутся наедине?

– Можешь поцеловать свою жену, Зак, – объявил преподабный отец.

Девушка посмотрела на Зака в первый раз за все время после того, как они, ничего не подозревая, вошли в палату. Как странно, это было лишь несколько минут назад – а кажется, с тех пор прошла целая вечность! Сколько же всего произошло за эти несколько минут! Жизнь ее переменялась самым неожиданным и драматическим образом.

Медленно, робко подняв голову, Камилла вдруг встретила взгляд его синих глаз. Сияющая в них тихая ласка и легкая улыбка, играющая на его тонко очерченных губах, явились для нее полнейшей неожиданностью. Эти проявления нежности окончательно смутили Камиллу. Глаза ее вдруг наполнились слезами, а губы задрожали от наплыва чувств. Он еще нашел в себе силы изображать радость и счастье. Ну почему ей не суждено испытать этого в реальной жизни? «Почему он не любит меня, почему не отвечает на мою любовь?»

Должно быть, Зак заметил, что из глаз Камиллы вот-вот хлынут слезы, и нашел единственное средство остановить их, выполнив просьбу священника. Сперва его губы лишь легонько, почти бесплотно прикоснулись к ее устам, но через миг руки Зака обняли девушку, пылко прижали к себе, а поцелуй сделался горячим и страстным.

Когда молодожены наконец оторвались друг от друга, го-

сти дружно зааплодировали и принялись поздравлять новобрачных, а санитар вкатил в палату длинный столик со свадебным пирогом и шампанским.

Камиллу мигом окружила толпа гостей, и девушке пришлось выполнять обязанности, предписанные ей происходящей церемонией. Она представляла свою мать тем немногим, с кем была знакома сама, отвечала на неперемные тосты и даже кормила Зака первым куском свадебного пирога. Новоиспеченный супруг расхаживал по палате, весело подхватывая все шутки с таким беззаботным видом, будто и в самом деле был счастливейшим из всех счастливых женихов.

Прежде чем отправиться играть в гольф, преподобный Коллинз отвел их в сторону и вручил свидетельство о браке, которое предусмотрительный Рейборн Прескотт попросил своих влиятельных друзей сделать накануне.

– Я понимаю, что последние несколько недель вы оба были очень озабочены состоянием здоровья мистера Прескотта, все время проводили в больнице и не могли сами заняться всеми формальностями. Поэтому доктор Дэниэлс и друзья мистера Прескотта сделали это за вас. Примите мои самые сердечные поздравления, Зак. Мне кажется, вы обрели чудесную жену. Камилла, дорогая, наилучшие пожелания. Надеюсь, в скором времени вы позовете меня крестить вашего первенца. – От такого пожелания Камилла едва не упала в обморок, но руки Зака надежно поддерживали ее.

Следующий сюрприз этого дня «сплошных сюрпризов»

преподнесла Камилле ее мать, сообщив, что сегодня же вечером улетает обратно в Атланту.

– Милая, я и приехала-то всего на один денек. Поверь, у меня и правда много неотложных дел. Разве ты уже забыла, что наш бизнес понемногу начинает процветать? Да и кому нужна мать в первую брачную ночь? Зак, а тебя я прошу, поскорее привези ее к нам – как только твоему отцу станет лучше. Я хочу устроить в вашу честь прием и представить моего зятя всем нашим друзьям. А Рейборн Прескотт пригласил меня в «Свадебный венок» на Рождество. Так что скоро увидимся.

Доктор Дэниэлс, как оказалось, встретил Марту в аэропорту и обещал подвезти к обратному рейсу. Но перед уходом он в приказном порядке выставил из палаты мистера Прескотта всех до единого, заявив, что вечеринка закончена. Санитар принялся убирать палату, пообещав Камилле, что букеты отправит в «Свадебный венок», чтобы они могли радовать ее и там. Больничную постель вкатили обратно, и мистер Прескотт, не скрывая своей усталости, лег на нее, устроившись поудобнее.

Камилла, прощаясь, обняла мать и поцеловала ее в щеку.

– Дорогая, я так надеюсь, что ты радуешься своей свадьбе не меньше, чем я когда-то своей. Мне кажется, Зак достоин тебя. Он просто чудо. Поскорее нарожайте деток для нас с Рейборн-ом.

– Держу пари, миссис Джеймсон, юные Прескотты не за-

ставят себя долго ждать, – доктор Дэниэлс заговорщицки подмигнул Камилле и легонько ткнул Зака локтем в бок. – А теперь, миссис Джеймсон, поторопимся, если вы не хотите опоздать на самолет.

Весело болтая, они быстрым шагом направились к лифту, и Камилла осталась наедине со своим мужем. Мужем! Мысленно произнеся это слово, Камилла почувствовала, как ее затопляет волна непреодолимой паники. Она испытывала жгучее желание побежать, точно маленькая девочка, за мамой и, догнав ее, вцепиться в нее покрепче.

Как будто угадав ее мысли, Зак взял ее за локоть и увлек за собой в палату Рейборна Прескотта.

– Я хочу поговорить с моим отцом, – прорычал он, продолжая улыбаться врачам и медсестрам, снующим мимо них по коридору и невольно поглядывающим на новобрачных.

Но у двери палаты мистера Прескотта они наткнулись на выходящую оттуда сиделку мисс Каменное Лицо.

– Куда это вы направляетесь? – надменным тоном осведомилась она.

– Мы хотели поговорить на прощание с моим отцом. Если вы не против, конечно. – По жестким складкам, залегшим вокруг его губ, Камилла поняла, что Заку приходится прилагать усилия, чтобы оставаться спокойным. Причем значительные усилия.

– Ну, так я против, мистер Прескотт. Он просил меня никого к нему не впускать. Сегодняшние события его сильно

утомили. Я сделала ему укол снотворного, и оно уже начинает действовать. И я не позволю вам войти туда и еще больше его утомить.

Зак перевел дыхание и с кажущейся невозмутимостью ответил:

– Прекрасно. Тогда мы придем к нему завтра утром.

Он повернулся и, схватив Камиллу за руку, повел ее к лифту. Они стояли в коридоре молча, следя за миганием огонька, отмечавшего продвижение лифта по этажам, с таким вниманием, словно во всем мире не было ничего интереснее этого нехитрого механизма. Когда дверь наконец отворилась, мистер и миссис Прескотт вошли в кабину и поехали вниз, на первый этаж. Не произнося ни слова, не драгиваясь друг до друга и даже не глядя.

9

– Обедать, пожалуй, еще рановато. Какие у тебя планы на сегодня?

Камилла так испугалась, что Зак решил высказать ей все, что он думает по поводу произошедшего с ними час назад в палате отца, что едва не подпрыгнула, услышав эту вполне безобидную фразу. Зак сосредоточенно выводил машину с больничной стоянки. Девушка боялась взглянуть на Зака, но, насколько она могла судить о его настроении по голосу, в тоне его не услышала и намека на гнев.

– Я... я собиралась просто прогуляться по магазинам. Мне хотелось кое-что купить, но... – тихо проговорила Камилла.

– Вот и отлично. Поехали за покупками. Дили просила меня сводить тебя куда-нибудь пообедать. Они с Саймоном слишком заняты – перетаскивают твои вещи в большой дом.

Уголки губ Зака дрогнули в слабом подобии улыбки, и он покосился на девушку, проверяя, как она отнеслась к его сообщению. Камилла судорожно сглотнула и лишь кивнула в ответ, смущенно вертя на пальце обручальное кольцо.

Оставив автомобиль на огромной стоянке возле торгового центра, молодые люди вошли в магазин, современный дизайн которого удивительно не сочетался со старинным духом На-тчеза. Впрочем, горожан, судя по всему, это несоответ-

ствие ничуть не смушало, поскольку магазин ломился от товаров и был битком забит покупателями. Пробираясь сквозь толпу, Зак собственническим жестом взял Камиллу под руку. Наверное, никто бы не поверил, взглянув на эту пару, что они поженились только час тому назад.

Заметив идущую им навстречу пару, Камилла резко остановилась.

– Рик! – радостно воскликнула она, но тут же прикрыла губы ладонью, вспомнив, что как раз на сегодня у них назначено свидание! Но теперь-то она замужняя женщина!

Похоже, встреча смутила Рика не меньше, чем Камиллу. Быть может, он смутился из-за своей спутницы, хрупкой темноволосой девушки с милым личиком и огромными, на пол-лица глазами? В них таилась та же печаль, что временами замечала Камилла и во взгляде самого Рика.

– Привет, Рик, привет, Лаура. – Камилла искренне обрадовалась, что Зак так непринужденно завладел ситуацией. – Лаура Вимберли, я рад, что ты встретила с Камиллой. Мы с ней только что поженились. И вы – те немногие из наших знакомых, кто может нас поздравить первыми.

На миг наступило ошеломленное молчание. Рик уставился на Зака с таким видом, будто у него внезапно выросла вторая голова, а потом перевел взгляд на Камиллу. Девушка улыбнулась и потупила взгляд.

– Да это же просто здорово! – наконец вымолвил Рик. В голосе его звучала искренняя радость. – Зак, поздравляю.

Камилла, наилучшие пожелания! Ей-ей, ты не могла бы найти себе лучшего мужа, чем Зак Прескотт. Уж поверь мне на слово.

– Спасибо, Рик.

– Миссис Прескотт, Рик мне много о вас рассказывал. Я так рада, что мы познакомились. Надеюсь, вы с Заком будете очень-очень счастливы, – произнесла Лаура Вимберли нежным мелодичным голоском, улыбаясь Камилле и Заку с такой неподдельной и ласковой искренностью, что у Камиллы защемило сердце. Неужели это и есть та самая замужняя женщина, с которой, по словам Зака, у Рика интрижка? Но почему-то Камилле казалось, что к молодым людям это пошлое выражение совсем не подходит.

Лаура посмотрела на Рика, и догадка Камиллы, что эти двое любят друг друга, подтвердилась – таким нежным и любящим взглядом ответил Рик своей спутнице.

– Как здоровье мистера Вимберли, Лаура? – Вопрос Зака прозвучал тихо и ласково. Голос его был полон... чего? Неужели жалости?

– Не очень хорошо. Я... ему кое-что понадобилось, а тут встретился Рик... он предложил подвезти меня сюда, – почти шепотом пролепетала Лаура, опустив голову, чтобы не встречаться ни с кем глазами.

Рик нежно обнял ее за плечи. И Камилла невольно отметила, сколько было в этом простом жесте любви.

– Пожалуй, нам пора идти... Ее... мистер Вимберли ждет.

Еще раз поздравляю вас.

Рик по очереди кивнул им, Лаура застенчиво попрощалась, так и не взглянув ни на Зака, ни на Камиллу, и они скрылись в толпе.

Зак увлек Камиллу в сторону, где около стены стояла скамеечка, усадил ее и сам сел рядом, как-то странно подавшись вперед и подперев руками голову.

Он нерешительно откашлялся и, посмотрев на Камиллу, произнес:

– Знаешь, мне стыдно за себя. Я должен объясниться. Сегодня утром я сказал тебе, что у Рика интрижка с замужней женщиной. Я нарочно выразился так гнусно. Но это ужасно нечестно по отношению как к нему, так и к Лауре, – он вздохнул и потер рукой о колено. – Во-первых, я сильно сомневаюсь, что Рик О'Мели способен пойти на интимную связь с чужой женой, как бы сильно он ее ни любил. А во-вторых, я уверен, что Лаура никогда не позволит себе изменить мужу.

Камилла чувствовала себя очень неудобно. До сих пор ей еще не доводилось слышать, чтобы Зак за что-то извинялся. Ей открылась еще одна, и не самая худшая черта его характера.

– Расскажи мне про них, если, конечно, тебе не придется раскрывать чужой тайны.

– Нет, вовсе нет. Хотя в этом я тебя не обманул. Об их отношениях уже давным-давно судачат все городские сплетники, – он глубоко вздохнул и, глядя в пол, начал: – Рик

с Лаурой полюбили друг друга, еще учась в школе, в старших классах. И этот роман оказался романом на всю жизнь. Ни он, ни она никогда не встречались ни с кем другим. Они окончили школу и решили, что поженятся, когда получат высшее образование. Но семья Лауры... я не могу подобрать слов, чтобы охарактеризовать этих кошмарных людей. Просто невероятно, что Лаура сохранила чистоту и выросла такой славной девушкой, живя среди монстров. Как бы там ни было, ее отец взял и продал ее Джессу Вимберли. Кажется, старый мошенник заплатил ее отцу добрую тысячу долларов. – Камилла изумленно ахнула, но Зак продолжал: – В конце двадцатого века. Невероятно, правда? Но это произошло... А этот Вимберли – дряхлый развратник, бывший бутлегер, причем он даже старше моего отца. Ей, разумеется, приходится нелегко. В городе каких только ужасов не рассказывают о том, как он с ней обращается. Он оказался еще хуже, чем вся ее семейка.

Когда ее продали замуж, Рик с горя завербовался в армию и отправился служить во Вьетнам, надеясь сложить там голову. Он даже получил не одну медаль за храбрость – или глупость, называй, как знаешь. Но как он ни искал смерти, судьба распорядилась иначе – он выжил и вернулся домой. Полагаю, об остальном нетрудно догадаться.

– Но почему бы ей просто не бросить Вимберли? Они с Риком созданы друг для друга!

Камилла выпалила эти слова с таким яростным негодова-

нием, что Зак даже вздрогнул, но ответил ей прежним спокойным тоном:

– Старик Вимберли тяжело болен. И как бы это странно ни звучало, но Лаура слишком порядочная женщина, чтобы бросить больного мужа, даже если он обходился с ней гнусно. Кроме того, она знает и уважительно относится к тому, что после Вьетнама Рик стал глубоко верующим человеком. Даже если она и добилась бы развода, то все равно не захотела бы отягощать совесть Рика грехом, не захотела бы, чтобы он вечно каялся, что увел чужую жену. Она понимает, что пока они не могут быть вместе, и поэтому уговаривает Рика встречаться с другими женщинами, вот он иногда и встречается. Однако каждый в этом городе знает, кому на самом деле принадлежит его сердце. К сожалению, им остается лишь надеяться, что старый мошенник недолго протянет. Я слышал, он уже не встает с постели.

– Ужасно, конечно, так говорить, но я тоже могу лишь надеяться и желать, чтобы это случилось как можно скорее и они наконец-то смогли соединить свои судьбы. Мне кажется, они очень любят друг друга.

– Ты взволнована? Ты успела... привязаться к нему?

– Зак! – возмущенно воскликнула Камилла. – Ну разумеется, нет! Он мне нравится, он очень забавный – и только. Но даже я заметила сквозь все его паясничанье, что его постоянно гнетет какая-то тоска.

– Да, скорее всего его дурачества служат ему своеобраз-

ной защитной маской.

– Как это все грустно, – пробормотала Камилла. В глубине души она завидовала той любви, которую Рик испытывал к Лауре. Зак никогда не глядел на нее с такими теплотой и нежностью.

– Я так понял, твое свидание с Риком на сегодня отменяется? – беззаботно осведомился Зак.

Камилла выдержала небольшую паузу, словно раздумывая, «отменяется» или «не отменяется», но потом улыбнулась и, вздохнув, ответила:

– Пожалуй, да.

Потом они встали и медленно направились вдоль зала, рассматривая сверкающие прилавки магазина.

– Так что тебе нужно? – поинтересовался Зак.

Камилла даже ради спасения собственной жизни не могла бы сейчас вспомнить, что именно собиралась купить. Слишком уж богатый событиями выдался день.

– Я... да так... кое-что... – что-то неопределенное пробормотала она.

– Отлично, – взяв девушку за руку, Зак повел ее к одному из лучших и дорогих отделов женской одежды во всем магазине, да, пожалуй, и в городе. Камилла испуганно запротестовала, но он негромко возразил:

– Камилла, помни, что можешь больше не бояться превысить свой бюджет. Теперь тебе не надо самой зарабатывать на жизнь. Если я считаю, что ты можешь себе это позволить,

значит, так оно и есть.

Навстречу им устремилась хорошо вышколенная продавщица. Камилла решила подобрать себе что-нибудь в спортивном стиле. И когда она стала рассматривать модели, Зак проявил столько неподдельного интереса, что продавщица предложила девушке примерить все по очереди и показать Заку. В результате Камилла остановила выбор на синем шерстяном блейзере, камелевой юбке и креповой рубашке цвета слоновой кости.

– Наверное, я возьму вот это, Зак. Это все очень практично и легко носится.

Сказать начистоту, ее буквально ошеломили цены на ярлычках, которые она тщательно изучила в примерочной кабинке.

Он согласно кивнул.

– Но разве тебе не понравилась еще желтая юбка со свитером?

– Да, они премилые, но...

– А тот зеленый брючный костюмчик с этой переливающейся... шелковой?... блузкой?

– Ну да, мне все это понравилось, но...

– Что «но», они тебе велики?

– Сидят просто идеально. У нее абсолютный восьмой размер, – вмешалась продавщица, мгновенно сообразив, что этот джентльмен готов купить все, что примеряла дама.

– Тогда мы забираем и это, – заявил Зак, не обращая вни-

мания на ошеломленный взгляд Камиллы. – Упакуйте и отправьте в «Свадебный венок».

– Конечно, сэр. Должно быть, вы мистер Прескотт! Я читала о вас в светской хронике.

Зак недовольно поморщился, но сказал:

– А это моя жена...

– Значит, вы с миссис Хазелетт наконец-то поженились!

Камилла покраснела до корней волос, а лицо Зака искажилось от гнева.

– Нет, – ледяным тоном отозвался он. – Это моя жена, урожденная Камилла Джеймсон из Атланты. И мы ждем, что одежду нам доставят утром в понедельник, а иначе я отменяю заказ.

Продавщица пришла в ужас от своей бестактности и отчаянно попыталась смягчить положение.

– Безусловно, мистер Прескотт. Я... Мы... Я искренне счастлива, что ваша очаровательная жена посетила наш магазин. У нее безупречный вкус. Счет мы пришлем вместе с одеждой. Можете ни о чем не беспокоиться.

– Благодарю вас. Камилла, я тебя жду. Переодевайся и выходи.

Переодевшись и еще раз поблагодарив багровую от смущения продавщицу, Камилла вышла из отдела и принялась искать взглядом Зака. Он стоял у фонтана в центре магазина, поставив ногу на низенький парапет фонтана и скрестив руки на колене. К ее величайшему возмущению, он превесело

болтал с какими-то двумя девицами. Одна из них, крашенная блондинка, нахально выпячивала свою огромную грудь, туго обтянутую свитером на пару размеров меньше, чем следовало бы. Камилла вспыхнула. Ей показалось, что Зак не остался равнодушен к этим нехитрым уловкам девицы. В следующий миг он заметил ее уголком глаза, попрощался с девицами и, подойдя к ней, взял под руку.

Не успели они пройти и нескольких шагов, как Камилла, не выдержав, сказала:

– Вижу, ты умудряешься найти себе развлечение даже в те несколько минут, что я отсутствовала. Одного никогда не понимала – что привлекательного находят мужчины в таких вульгарных размалеванных особах.

Зак запрокинул голову и расхохотался, ущипнув ее за руку.

– Ага, уже ревнуешь? Мы всего пару часов как женаты, а ты уже бранишься, точно заправская сварливая жена.

Его веселье лишь сильнее разозлило Камиллу.

– Знаешь, уж если тебе так приспичило флиртовать, мог бы, по крайней мере, найти себе кого-нибудь, кто тебе больше подходил бы по возрасту. Они же совсем еще девчонки, им бы в куклы играть!

Зак захохотал еще громче.

– Я знаю этих девчонок всю жизнь, а та, что с большой грудью, еще и постарше тебя будет, моя милая.

– Ой, – только и промолвила Камилла в полном смущении.

нии, боясь встретиться взглядом с Заком.

Они еще долго бродили по магазину и когда вышли, обнаружили, что уже почти стемнело. Они медленно шли по огромной стоянке к машине, и вдруг в животе у Камиллы заурчало.

– Пожалуй, мне лучше поскорее накормить тебя, пока у тебя живот к позвоночнику не присох, – усмехнулся Зак и, словно проверяя, не случилось ли уже этой ужасной катастрофы, засунул руку ей под жакет, как раз под грудью. Пальцы его зарылись в шелковую ткань блузки. Прикосновение Зака ввергло ее в волнительное возбуждение, которое совершенно лишило Камиллу сил. Ноги задрожали, и она остановилась. Почувствовав состояние девушки, Зак обвинил другой рукой ее за плечи и привлек к себе.

– Не будь здесь так людно, я бы тебя и не так коснулся, Камилла. Ты чертовски искушаешь меня, – прошептал он ей на ухо и легонько поцеловал. Крепко придерживая ее за талию, он довел девушку до автомобиля, распахнул перед ней дверцу, и Камилла без сил рухнула на сиденье. Ноги подкашивались, в голове плыл дурманящий туман.

На обед Зак повез ее в забавный ресторанчик под названием «Боковая ветка». Некогда в этом здании находилась железнодорожная станция, и стояло оно, в буквальном смысле слова, на рельсах. Сначала молодым людям подали салат из жареных кабачков с зеленью и натертым пармезанским сыром, а потом великолепнейшее тушеное мясо с печеным кар-

тофелем. Зак попросил еще подать бутылку вина, и теперь, в конце обеда, Камилла ощущала приятное тепло от вкусной еды, вина, а главное – от вида сидящего напротив мужчины – ее мужа! Он уговорил девушку заказать на десерт кофе и мороженое с ликером и орешками.

– Если я буду столько есть, то не смогу пощеголять в новых платьях, – пожаловалась она, когда официант поставил перед ней вазочку с десертом.

Зак ласково улыбнулся ей, небрежно откинувшись на спинку кресла, держа в руке чашку с кофе.

– Зак, – медленно произнесла она, – хочу сказать тебе спасибо за покупки. Все такое красивое. Но ты не должен...

– Камилла, отныне ты моя жена. Не стану спорить, ты получила это звание весьма необычным образом, но суть-то все равно одна и та же. Теперь все, что у меня есть, принадлежит тебе. И я хочу, чтобы ты помнила об этом и научилась этим пользоваться.

Зак порывисто наклонился вперед, едва не уронив чашку с кофе. Его синие глаза пристально вглядывались в озаренное светом свечей лицо девушки.

– Камилла, – начал он, чуть понизив голос, – я хочу, чтобы ты знала...

– С каких это пор ты возишь своих наемных рабочих по ресторанам, Зак?

Молодые люди разом обернулись и увидели, что рядом с их столиком стоит Эрика Хазелетт. Они были так поглощен-

ны друг другом, что даже не заметили, как она вошла в зал. Она грациозно изогнулась, словно фотомодель перед объективом камеры. Голубое платье из джерси облегло фигуру, подчеркивая ее достоинства. Но вот к ее глазам это платье совсем не шло – и без того бледно-голубые, как льдинки, сейчас они казались совсем холодными и безжизненными, подумала Камилла. Выждав театральную паузу, Эрика положила руку на плечо Зака с таким видом, словно он был ее личной собственностью. Поведение Эрики взбесило Камиллу, но она продолжала сидеть молча, ее состояние выдавали только пылающие злобой глаза.

Зак не встал. Подняв голову, он посмотрел на Эрику. Озаренное пламенем свечей, ее лицо казалось просто прекрасным, даже совершенным. Камилле показалось, что сердце замерло. Ну почему этой белобрысой ведьме понадобилось появиться именно сейчас, невольно напомнив Заку о том, что он был вынужден жениться на той, к которой испытывает лишь презрение, когда вот она – женщина его мечты? Интересно, а что он собирался ей сказать за миг перед тем, как появилась эта кривляка? Уже не первый раз черти ее приносят в самый неподходящий момент!

– Кажется, вы с Камиллой уже встречались? – спросил он, не мешая ей лениво поглаживать его плечи.

– Ага. Привет, Камилла, – нелюбезно отозвалась Эрика.

– Здравствуйте, Эрика, – так же нелюбезно ответила девушка.

В этот момент из-за плеча Эрики показалось лицо пожилого мужчины, которого она представила как делового партнера своего покойного мужа, приехавшего в Натчез по делам фирмы. Имени его Камилла не разобрала – Эрика проворчала его скороговоркой, открыто демонстрируя, что не испытывает к своему спутнику ни малейшего интереса.

– Так ты не ответил на мой вопрос, Зак. С каких это пор ты возишь своих наемных рабочих на обед? – Задавая этот вопрос, Эрика так скривилась, что вся красота ее мигом поблекла.

– Камилла теперь не просто декоратор, Эрика. Она моя жена. Сегодня мы поженились, – Зак говорил абсолютно бесстрастно, но Камилла почему-то услышала в его словах нотки жалости, и она подумала, до чего же, должно быть, ужасно, когда ты вынужден представлять свою нежеланную жену той, кого любишь от всего сердца.

Камилле показалось, что в это мгновение глаза Эрики превратились в две льдинки.

– Ты, верно, шутишь. И весьма неудачно, – зло усмехнулась она.

– Нет. Нисколько не шучу, – отрезал Зак.

Эрика отдернула руки с его плеч, словно обожглась. Взгляд бледно-голубых глаз обдал Камиллу такой откровенной ненавистью, что девушка даже поежилась. Ей казалось, острые льдинки вонзаются в ее кожу.

– В чем дело? – хрипло спросила Эрика, снова поворачи-

ваясь к Заку. – Ты был неосторожен и она залетела?

Вскрикнув от негодования, Камилла вскочила и сдернула плащ и сумочку со спинки стула. К ее удивлению, Зак поднялся вслед за ней и, обойдя вокруг стола, взял ее под руку. Они молча прошли мимо обескураженной пары. Спутник Эрики взирал на все происходящее в полном недоумении. Видимо, он испытал настоящий шок от дурных манер Эрики и ее нежелания соблюдать светские приличия.

Камилла с Заком уже выходили, когда Эрика опомнилась от столбняка и, догнав их, схватила Зака за локоть. Камилла не стала бы останавливаться, но Зак так крепко сжимал ее руку, что она невольно замерла рядом с ним.

– Какого дьявола, Зак? Я же знаю, что ты не мог жениться на ней по любви, ведь ты любишь меня! Скажи, это как-то повлияет на наши отношения? Ты испытываешь ко мне то же, что и прежде? – Голос Эрики был тверд и решителен, но Камилла уловила в нем умоляющие нотки.

Несколько секунд, показавшихся Камилле вечностью, Зак стоял на пороге ресторана, глядя Эрике прямо в лицо. Камилле хотелось бы умереть на месте, лишь бы не слышать его ответа.

– Нет, Эрика, – наконец произнес он, – это нисколько не меняет того, что я к тебе чувствую.

Он круто развернулся, увлекая Камиллу за собой.

Сердце девушки было окончательно разбито. На грудь навалилась такая свинцовая тяжесть, что было трудно дышать.

Только что ее муж, с которым они и женаты всего-то несколько часов, объявил, что любит другую. Но почему же он не сказал об этом раньше, почему не остановил обряд венчания? Уж, наверное, Рейборн Прескотт не захотел бы обречь своего единственного сына и женщину, к которой он питает искреннюю привязанность, на страдания, какие только может причинить брак без любви. Да, она, Камилла, конечно, была бы смертельно унижена, но разве сейчас ей лучше? Неужели она должна терпеть постоянную муку, зная, что ее муж любит Эрику Хазелетт, а на ней женился по принуждению? Горестные мысли роем диких пчел напали на нее, и она не заметила даже, как они сели в машину, отправляясь в усадьбу «Свадебный венок», которая должна была стать для нее родным домом.

Но самым горьким для Камиллы было то, что она все равно любила его. Каждая частица ее души стонала, безмолвно моля об ответной любви. Но Камилла больше не обманывала себя призрачными надеждами. Теперь она твердо знала, что Зак никогда не полюбит ее, что он будет вечно проклинать ее за ту западню, в которую угодил по ее милости.

Камилла закрыла лицо руками, стараясь скрыть рыдания. Машина, выехав из темных улиц Натчеза, неуклонно приближалась к «Свадебному венку».

Камилла безуспешно пыталась завязать тесемочки на плечах, на которых, собственно, и держалась ночная рубашка. У нее так тряслись руки, что эта простейшая задача оказалась ей решительно не по силам. Впрочем, удивляться было нечему. Девушка стояла перед непривычным ей туалетным столиком, глядясь в незнакомое зеркало в спальне мужчины, который до сих пор оставался для нее совершенной загадкой.

Заведя автомобиль в гараж «Свадебного венка», Зак повернулся к своей новоиспеченной жене и ровным голосом произнес:

– Дили и Саймон ужасно радуются нашей свадьбе. Они успели уже привязаться к тебе, ты для них стала членом семьи. Отец им ничего не рассказал. Для них мы – счастливая, любящая пара, которой приходилось скрывать свою любовь, а теперь можно наслаждаться ею не таясь. Давай же не будем их разочаровывать и продолжим спектакль.

И он легонько подтолкнул девушку к дверям дома. Саймон и Дили встретили молодоженов горячими и искренними поздравлениями. Камилле не хотелось обманывать их, не хотелось вообще никого обманывать, но ровно так же, как и Зак, она была бессильна разорвать эту цепь событий. Пожилые супруги наперебой заверяли ее, что все ее вещи перенесены в комнату Зака, но она, разумеется, может переложить

их как ей только захочется. Дили без усталости улыбалась своему дорогому мальчику и его милой женушке, и даже всегда серьезное лицо Саймона время от времени озаряла веселая улыбка. Внезапно, подчиняясь необъяснимому порыву, Камилла по очереди обняла их. Их искренняя радость и почти детский энтузиазм казались ей единственной нитью, еще связывающей ее с миром, где царят покой и здравый смысл.

Вскоре Камилла заметила, как Дили, заговорщически взглянув на Саймона, сказала, что они немного устали сегодня, и попросила разрешения уйти к себе раньше обычного. Камилла поняла, что Митчеллы были уверены – счастливые молодожены только и мечтают, чтобы остаться наедине, – поэтому тактично удалились. Зак проводил Камиллу наверх к своей спальне и открыл перед ней дверь, но, к немалому ее удивлению, сам заходить не стал.

– Скоро приду, – буркнул он и сбежал вниз по лестнице.

Застыв на пороге, Камилла оглядела комнату. Тяжелая строгая мебель, ничего лишнего. У дальней стены – камин. Предусмотрительная Дили разожгла его к их приезду, и теперь весело пылающее пламя причудливыми всполохами озаряло комнату. По всей комнате было расставлено множество цветов в разукрашенных свадебной символикой горшках и праздничных букетов в вазах – не иначе, как Дили постаралась. Но даже их свежий аромат не мог заглушить запаха одеколona Зака. Наверное, Камилла смогла бы различить его среди тысячи других ароматов.

У одной из стен стояла огромная широкая кровать. Покрывало на постели было все в разводах – коричневых, бежевых и голубых. У Зака был отличный вкус. Угол покрывала был откинут. Но Камиллу удивила не кровать, а то, что рядом с ней висело множество книжных полок, а в просветах между ними – замечательные гравюры в узких медных рамках, что было непривычно видеть в спальне.

Подойдя к гардеробу, Камилла убедилась, что ее одежда уже аккуратно развешана рядом с одеждой Зака. На отдельной полочке лежали его ковбойские шляпы, на нижней полке аккуратно рядами выстроилась обувь. Девушка обратила внимание, что все вещи тщательно рассортированы: смокинг-пара, несколько дорогих и модных костюмов, парадные рубашки, различная спортивная одежда, брюки, пиджаки, джинсы и так далее.

Да, Зак понимает толк в одежде, рассеянно пробормотала она.

На одной из полок Камилла обнаружила и свое белье, сложенное аккуратно стопкой.

Покончив с осмотром спальни, она перешла к ванной комнате – просторной и тоже отчетливо мужской по дизайну. В ней господствовали различные оттенки синего – в коврике перед ванной, в кафеле на стенах, в плитках на полу. По стенам на медных крючках-колышках висели коричневато-бежевые полотенца. Возле мраморной ванны на стеклянной полочке лежали несколько золотых колец и цепочек Зака.

Дорогие черепаховые расчески, несколько флаконов одеколona и лосьона после бритья – все здесь принадлежало Заку. И эта мысль-ощущение наполняла Камиллу странным томлением.

Пустив воду, она увидела, что с другой стороны туалетного столика стоит вся ее косметика и умывальные принадлежности. Очень скоро длинная и глубокая шоколадно-коричневая ванна наполнилась, и девушка позволила себе вдоволь понежиться в ней, надеясь, что ласковая теплая вода смоет и унесет прочь сведавшую ее тревогу.

Вернувшись в спальню, Камилла заметила на кровати маленькую подарочную коробку, явно предназначенную ей. Внутри оказалась завернутая в тонкую бумагу нарядная ночная рубашка и записка от матери с трогательными пожеланиями.

И вот теперь девушка стояла перед зеркалом, трясущимися руками пытаясь завязать тесемки роскошного ниспадающего одеяния из просвечивающего изумрудно-зеленого шелка. Рубашка была сделана в виде туники из двух отдельных лоскутов, соединенных друг с другом лишь на плечах и на талии узенькими шелковыми лентами. Справившись наконец с этой нелегкой задачей, Камилла посмотрела на свое отражение и пришла в ужас. Сквозь мягкие складки просвечивающего шелка рубашки Камилла увидела очертания своего обнаженного тела. Может, лучше положить ее обратно в коробку и надеть что-нибудь другое, не столь вызывающее?

Нет, ведь матушка непременно спросит, понравился ли Камилле ее подарок и надевала ли она его в первую брачную ночь. Не стоит еще одной ложью приумножать ту неправду, в которую превратилась ее жизнь. Да и, кроме того, к чему так волноваться? Ведь ей же совершенно неизвестно, какие намерения питает Зак по отношению к ней. Может быть, он решил сразу же переселить ее в спальню по другую сторону от ванной комнаты?

Впрочем, девушке недолго пришлось предаваться подобным мыслям, потому что дверь за ее спиной тихонько скрипнула, она развернулась и увидела в дверном проеме Зака. Огнеты огня играли на выгоревших прядях его волос и придавали коже теплый золотой оттенок. Сейчас Зак выглядел совершенно так же, как тогда, два года назад, в Юте. Это впечатление было таким сильным, что Камилла почувствовала, как горло сжимает спазм. Несколько секунд они молча глядели друг на друга через разделявшее их пространство комнаты, а потом Зак тихо спросил:

– Тебе больше не нужна ванна?

Спазм не отпускал, и она, лишенная возможности говорить, лишь кивнула. Зак подошел к гардеробу и принялся раздеваться. Все движения его были методичны, размеренны и неторопливы. Сперва он снял спортивную куртку и аккуратно повесил ее на вешалку. Потом по очереди стянул ботинки, поставил их на нижнюю полку. Камилла с волнением наблюдала за ним – он подошел к бюро, взял из ящика ка-

кой-то маленький сверточек и скрылся за дверью ванной.

Прислушиваясь к плеску воды и шорохам, доносившимся из ванной комнаты, Камилла напряженно обдумывала, что же ей сказать Заку, когда он вернется в спальню. Ведь им непременно нужно объясниться. Весь этот долгий день она действовала, как велели ей обстоятельства, покорно отдалась бурному потоку событий. Девушка сама не знала, чем объяснить такую непривычную для нее пассивность и безволие. Быть может, тем, что все произошло так внезапно, застало ее врасплох и она, ошеломленная, просто не успела подумать, не успела до конца осознать произошедшее? Или же все это было так невероятно, что она до сих пор не могла поверить, что все это случилось на самом деле, а не в каком-то странном и запутанном сне? Как бы там ни было, теперь настала пора трезво оценить произошедшее. Их брак был спектаклем, а режиссером – Рейборн Прескотт. Ни она, ни Зак не хотели этой свадьбы, их вынудили пожениться. И хотя Камилла любила Зака всем сердцем, она нашла в себе силы признать, что он-то не разделяет ее чувств. Поэтому она не хочет ложиться с ним в постель, ведь физическая любовь, секс оправданны, лишь когда люди любят друг друга, иначе нельзя. Нельзя принадлежать человеку, который тебя не любит. То, что произошло в Юте, было горькой ошибкой, и два года она раскаивалась в ней, а уж тем более не собирается повторять ее.

Теперь, собравшись с мыслями, она знала, что предло-

жить Заку. Они сохраняют этот дурацкий брак – только без всякой близости! – пока Рейборн Прескотт не поправится настолько, что сможет пережить их развод. Девушка не сомневалась, что Зак охотно согласится с ней. В конце-то концов, ему наверняка и самому не терпится вернуться к Эрике. Похоже, о их предстоящей женитьбе судачил весь город, ведь даже продавщица сразу же предположила, что жена Зака – не кто иная, как Эрика Хазелетт. Не забыть бы напомнить ему еще и об этом.

А вдруг у него иные планы? Что, если он заявит свои права на нее? Вдруг он возьмет ее силой? Нет, только не Зак. Он ведь такой рассудительный, на этом и надо сыграть. Он поймет, что им с Камиллой лучше остаться добрыми друзьями, товарищами по несчастью, делающими хорошую мину при плохой игре.

Приняв решение, девушка сразу же почувствовала себя гораздо лучше, словно с плеч ее упал тяжелый груз. Подойдя к камину, она остановилась перед ним, задумчиво глядя в огонь, не подозревая, как на ярко-освещенном фоне полупрозрачный шелк стал абсолютно прозрачным и уже не скрывал всех прелестей ее обнаженного тела. Это и увидел Зак, войдя в комнату и потушив свет.

Едва Камилла поняла, что он уже здесь, вся ее недавняя решимость улетучилась. Да что с ней такое? Почему она не повернется и не выдаст ему единым духом тщательно отрепетированную речь? Но тут на девушку повеяло пряным аро-

матом одеколона, и каждый мускул ее тела словно расплавился в томной неге.

– Ты нравишься мне в зеленом, Камилла. Тебе так идет этот цвет, – померещился ли ей легкий, точно дуновение, поцелуй на обнаженном плече? – Особенно когда ты стоишь в бликах солнца или огня, потому что в них твои волосы так дивно мерцают.

Зак бережно собрал в ладонь густые вьющиеся локоны девушки и отвел их с ее шеи, прижимаясь губами к ее затылку. Камилла против воли вздохнула и качнулась к нему, прислоняясь спиной к его крепкой груди. Он обнял девушку за талию под тонким покровом ночной рубашки и зарылся лицом в ее волосы.

– Камилла, Камилла, – выдохнул он, переводя одну руку к ней на живот и прижимая к себе, чтобы она могла ощутить силу его желания. Потом его руки легли на грудь девушки, а над ухом раздался хриплый нетерпеливый стон.

Еще раз поцеловав ее в затылок, Зак бережно повернул ее лицом к себе, и Камилла увидела, что он до пояса обнажен. На смуглой коже таинственно поблескивал золотой материнский крест, густые шелковистые волоски покрывали верхнюю часть груди и узкой полоской уходили вниз, скрываясь под пижамными брюками. При виде его мужественной красоты сердце Камиллы сперва едва не остановилось, а потом забилось, как птица в клетке.

Глаза их встретились, и девушка прочла в его взгляде

страстное желание. Желание – больше ничего. Уж, конечно, не любовь, промелькнуло у нее в голове. Здравый смысл велел ей вырваться из его объятий, прекратить эту опасную игру, пока еще не слишком поздно. Но Камилла не могла повиноваться здравому смыслу. Слабея, но все-таки борясь, она уже приоткрыла рот для роковых слов, но в тот же миг Зак закрыл его страстным поцелуем, запечатав невысказанные слова. Губы его были сладкими и благоуханными, поцелуй чуточку отдавал зубной пастой, и Камилла жадно пила эту ароматную сладость. Зак пробежал языком по ее губам, коснулся зубов, дразнящей лаской тронул ее язык.

– Я так долго ждал этой минуты, Камилла. Не заставляй меня ждать еще дольше, – взмолился он, припадая губами к изгибу ее шеи. Девушка почувствовала, как его руки развязывают ленты у нее на плечах, и через миг рубашка зеленой шелковистой струйкой скользнула вниз по ее телу на ковер. Ладонями обхватив лицо девушки, Зак устремил жадный взор в глубину ее янтарных глаз, подчиняя ее своей гипнотической власти. Она замерла как зачарованная, а взгляд его пустился в неторопливое странствие по ее телу, и руки скользили вслед за взглядом, касаясь всего, чем он только что любовался.

«Нет! Нет!» – зывали в ней остатки разума, но тело Камиллы уже перешло те границы, за которыми невозможно было следовать велениям разума, его сотрясала судорожная дрожь неутоленного желания, утолить которое могла лишь

близость желанного возлюбленного. Казалось, каждая клеточка ее существа откликалась на ласки Зака, невероятное наслаждение росло, пленяя ее. «Нет! Нельзя, ведь он не любит тебя!» – твердил ей внутренний голос, а руки сами тянулись обнять Зака.

Он еще сильнее привлек ее к себе. Грудь Камиллы вжималась в его тело, мягкие золотистые завитки щекотали соски девушки, наполняя их жадой все новых и новых ощущений. Зак обеими руками обнимал ее, по очереди принося губами и языком то к одной, то к другой груди. Камилла словно таяла, возносимая на гребень волны желания, но этого было мало... Жгучие ласки Зака пробуждали, вели ее к чему-то большему...

– О Камилла, я умираю. Исцели меня, – простонал Зак, на миг поднимая голову.

Камилла нетерпеливо отшвырнула путающуюся в ногах ночную рубашку, и он, подхватив трепещущую девушку на руки, отнес ее к постели и бережно опустил на подушки, одним движением скинув стесняющие плоть пижамные брюки.

Девушка изнывала от желания ощутить тяжесть его тела, и когда Зак медленно лег на нее, она застонала. Мягкие руки и ищущие губы Зака доводили томящую ее лихорадку до почти невыносимого, пронзительного напряжения.

Все снова вернулось к ней. Все то, что она пыталась заставить себя забыть как сон, безумную фантазию – все это снова нахлынуло на нее в сладостном слиянии с Заком. Это

было точно возвращение в родной дом, свершение заветной мечты, исполнение желаний, встреча родственных душ. Два года назад это свершение напугало неопытную юную девушку, напугало так, что она в страхе бежала, желая лишь одного – забыть. Но теперь бежать было некуда, да Камилла и не хотела уже никуда бежать. На этот раз она отдалась неизбежному, не споря с ним. Она желала этого мига, наслаждалась им. Да! Да! Тела их одновременно вздрогнули, возносясь на вершину блаженства, и растаяли в жаркой волне страсти.

Камилла стояла перед зеркалом, причесываясь и критически разглядывая свое отражение. Вроде бы она выглядела как всегда, если не считать густого персикового румянца. Впрочем, она пыталась обмануть себя, приписывая этот румянец жару от камина, а вовсе не воспоминаниям о минувшей ночи в постели с Заком. Их жажда друг друга была неутолима, впрочем, они и не пытались бороться с ней. Незабываемая ночь в Юте бледнела и меркла по сравнению с тем блаженством, что познали они несколько часов назад.

Девушка тихонько всхлипнула. То было вчера, а сегодня, в безжалостном ярком свете нового утра, она поняла, что ничегошеньки не изменилось. Все равно Зак не любит ее. И почему только тело так предало ее? Камилле хотелось ненавидеть Зака, презирать его, но при одной только мысли о его руках и губах, о том, как они искусно играли на ее теле, словно на безупречно настроенном инструменте, она с новой си-

лой воспламенялась томлением по его прикосновениям, ласкам и поцелуям.

Шум воды в ванной комнате затих, и девушка стиснула зубы, собираясь с силами для предстоящей встречи с Заком. Он проснулся раньше, разбудив ее легким стуком двери в ванную. Стрелой сорвавшись с постели, она надела самый плотный и длинный халат, из-под которого торчали только пальцы ног, и подошла к зеркалу. Необходимо наконец поставить барьер между собой и «мужем»! Теперь, до конца осознав, как же она уязвима, Камилла твердо решила сделать все возможное, чтобы он не мог больше сыграть на ее слабости.

Дверь отворилась, и на пороге, яростно вытирая полотенцем мокрые волосы, показался Зак. Второе полотенце было небрежно обмотано вокруг его бедер – больше на нем ничего не было. При виде этого обнаженного мускулистого тела Камилла почувствовала легкое головокружение.

– Доброе утро. Тебе вовсе не обязательно вставать вместе со мной.

Зак буквально искрился весельем, синие глаза его задорно сияли. Повесив полотенце на шею, он подошел к девушке. Мокрые волосы облепили его лицо, делая похожим на мальчишку, а радостная улыбка была просто неотразимой. Ну почему он не толстый, старый и лысый? Тогда ей было бы так просто презирать его, как он того и заслуживает.

– Сегодня утром ты прекрасна, Камилла, – прошептал он,

обнимая ее за плечи и привлекая к себе. Закоченев всем телом, она из последних сил пыталась сдержать дрожь желания, начинающую уже завладевать ею. Губы Зака прочертили дорожку нежных поцелуев по ее виску, вниз по щеке и наконец добрались до губ, припав к ним с пламенной страстью. Язык Зака коснулся ее сжатых губ, которые еще вчера вечером встречали его с пылкой готовностью и жаждой.

Впрочем, ее молчаливое сопротивление не обескуражило Зака. Руки его стали требовательней, а губы настойчивей. Камилла приоткрыла рот, пытаясь объяснить ему, что повторения этой ночи больше не будет, но он мгновенно воспользовался этим – и прикосновение его языка мигом зажгло в девушке прежний огонь.

Да, она сердилась на него за то, что он обращается с ней с такой властной уверенностью, точно со своей вещью, игрушкой. Да, она презирала себя за слабость, с которой поддается его власти. Но, несмотря на все презрение и гнев, Камилла лишь слабо застонала, когда рука Зака отыскала брешь в непрístupной броне ее халата и, проникнув туда, нежно сжала ее грудь. Осторожно спускаясь губами по ее горлу вниз, касаясь ее легкими, как трепетание крышьев мотылька, поцелуями, он шептал:

– Камилла, ты прелесть. Такая теплая, нежная, женственная, прекрасная. Твое тело так замечательно утоляет мою жажду.

Так вот что значит она для него! Просто «объект» фи-

зического влечения. Да, она не отрицает, они с Заком действительно идеально подходят друг к другу как сексуальные партнеры – но ведь этого мало! Для настоящей близости нужно нечто большее. Скажем, она, Камилла, тоже любила тело Зака, любила физически, но ведь она его любила всего, как он есть, и телом, и душой, со всеми его достоинствами и недостатками. А он? Кто она для него – предмет удовлетворения сексуальных потребностей? «Любит другую, а спит со мной! Нет! Ни за что!»

Мучительные, душераздирающие слезы, что копились в ней со вчерашней необычной церемонии в палате Рейборна Прескотта, наконец прорвались безудержным потоком. Тело Камиллы судорожно вздрогнуло – но иначе, чем минуту назад, и Зак немедленно уловил это различие. Подняв голову, он впился в лицо девушки пристальным, напряженным взглядом, провел пальцем по ее щеке вслед за сбежавшей слезой.

– Что такое, Камилла? – Голос его был мягок и нежен, но в глазах сверкнула искорка гнева, а подбородок чуть заметно напрягся – признак, по которому Камилла научилась уже узнавать внезапное раздражение.

Она опустила ресницы, пытаясь избежать встречи с этими пронизательными глазами, и, запинаясь, проговорила:

– Я... пожалуйста, не надо... этого... больше не надо. Я не могу. Мне очень жаль.

Ей и вправду было жаль. Зак даже представить не мог, как

жаль. Отталкивая, прогоняя его от себя, она желала лишь одного – снова оказаться в его объятиях.

Отпустив девушку, Зак резко шагнул назад. Камилла поспешно прикрыла распахнутый халат. Зак наблюдал за ее смятением с плохо скрываемым отвращением.

– Неужели я так ужасен в постели, что после первой же ночи моя пылкая новобрачная корчится и заливается слезами, стоит мне хотя бы дотронуться до нее? – презрительно спросил он. Уголки его губ изогнулись в глумливой усмешке.

«Нет! – мысленно кричала девушка. – Если бы ты только знал, как я жажду твоих ласк!» Но вместо этого она надтреснутым голосом произнесла:

– Да нет же, Зак. Дело совсем не в том. Ты же помнишь, как я отвечала тебе сегодня ночью...

Она умолкла под неумолимым взглядом синих глаз.

– Тогда в чем же дело, Камилла? В чем? – спрашивал он, не пытаясь скрыть своего горького разочарования.

Прикусив нижнюю губу, Камилла в отчаянии стиснула руки. «Я люблю тебя! Люблю!» – рвалось у нее с языка. Почему бы и в самом деле не сказать ему? Быть может, в ответ он поклянется ей в неувядающей любви до самой смерти? Что за пустые мечтания! И она не скажет, и он не поклянется. Он ведь когда-то уже любил, а чем это закончилось? Дили рассказывала, что однажды Зак так сильно обжегся, что утратил способность любить и вновь обрел ее лишь с Эрикой Хазелетт. А теперь вот и Эрику едва не потерял.

Камилла находилась в крайне затруднительном положении. Как объяснить ему свои страдания, не выдав, что она любит его? Нельзя же показывать ему свои настоящие чувства – это лишь унизит ее, а он станет презирать ее в сто раз сильнее.

– Я... мы... в Сноу Берд...

– Черт побери, неужели ты никогда меня не простишь? – Он с такой силой стукнул кулаком по столу, что Камилла вздрогнула. – Сколько можно наказывать меня за одну-единственную ночь? Мы и так уже женаты. Что еще я могу сделать, чтобы искупить свою вину?

Наказывать... Для него этот брак – всего лишь наказание, искупление старых грешков. Сердце Камиллы пронзила острая боль, а лицо обдало жаром стыда. Зак в сердцах сдернул полотенце, все еще болтавшееся у него на шее, и швырнул его в ближайшее кресло. Он стоял расставив ноги, уперев руки в бока, яростным взглядом сверля Камиллу.

Именно эта угрожающая поза и выражение праведного негодования на его лице вывели Камиллу из бездны самоуничижения и разбудили в ней ответный гнев. Ах так, он снова обвиняет ее! Она снова вынуждена терпеть упреки его ледяного взгляда!

– Вот уж не стоит во всем винить меня, мистер Прескотт. Вся эта невыносимая ситуация – исключительно ваших рук дело. Кто украл мою невинность, даже не задумываясь о...

– Тебе-то откуда знать, о чем я задумывался, а о чем –

нет? – перебив ее, прорычал Зак. – Ты и понятия об этом не имеешь. Какого дьявола! Ты что, забыла, кто из нас дал деру наутро? У меня и возможности не было поделиться с тобой мыслями.

– Тогда скажи мне вот что. О чем ты думал той ночью, когда так мирно заснул сном праведника рядом со мной? – она тоже сорвалась на крик.

Зак опешил, ошеломленный силой ее негодования, но быстро пришел в себя. На лице его вновь возникла прежняя непроницаемая маска. С угрюмо сжатых губ слетел короткий усталый вздох, а потом Зак ответил примиряющим тоном, взъерошив напряженными пальцами почти высохшие волосы:

– Сам не знаю, – он развел руками и, точно взывая к ее здравому смыслу, сказал: – Пойми, Камилла, я взрослый мужчина, не связанный никакими обязательствами. И вот я встретил привлекательную женщину... девушку. Несколько дней наслаждался ее обществом, а потом лег с ней в постель, желая разделить с ней то, что считал взаимно приятным физическим опытом, – он пожал плечами и с недоумением спросил: – Ума не приложу, чего еще ты от меня доби- ваешься.

«Чтобы ты сказал, что полюбил меня с первого взгляда», – кричала она про себя, рыдая. Успокоившись, она смахнула с глаз слезы и спросила:

– А больше ты ни о чем не думал?

– Да! Черт побери, да! Думал, что ты удивительно умная и образованная девушка. Что ты веселая, с тобой приятно общаться. И уж, конечно, я думал – то есть думаю, что ты очень красива и потрясающе сексуальна. Мне нравились твои волосы и золотые огоньки в глазах, – в его голос прокралась хрипотца. – Мне нравилось глядеть на твою грудь и ласкать ее. Нравился вкус твоих губ, – он шагнул в ее сторону, но, увидев, как она отшатнулась, остановился и продолжил как ни в чем не бывало: – Если ты хочешь, чтобы я признался, что в те несколько часов мечтал о нашем совместном будущем или браке – извини, чего не было, того не было. – Не удержавшись, он съязвил: – Я даже не успел придумать именина троим нашим малюткам. Камилла, как ты можешь осуждать меня за то, что я поддался древнему как мир инстинкту? Мужчина и женщина встретились, понравились друг другу и легли в постель. Так уж заведено. Так всегда бывает.

Камилла потупилась.

– Только не со мной, – пробормотала она.

Зак не ответил. В комнате воцарилась тишина, лишь раздавалось мирное потрескивание поленьев в камине. Где-то далеко на кухне слышались позвякивание посуды и басовитый голос Саймона. По щекам Камиллы катились слезы. Девушка уже не пыталась бороться с ними. Все было кончено. Наконец Зак прервал молчание:

– Знаю, Камилла. Тот факт, что я оказался первым... единственным... это было очень неожиданным для меня. И

ты сразу стала особенной. Но мне кажется, что ты хочешь навязать свое мнение всем вокруг, желаешь, чтобы все человечество жило по твоим меркам.

Слова его были проникнуты еле заметной добродушной насмешкой, но Камилла ответила ему совершенно серьезно.

– Нет, Зак, нет! – умоляюще воскликнула она. – Пожалуйста, не считай меня узколобой ханжой. Но я, лично я, все же живу по своим представлениям о том, что хорошо, а что плохо – для меня. И без...

«Без любви» – хотела она сказать, но поспешно подавила готовое уже слететь с губ слово и опустила голову, боясь встретить взгляд синих глаз, суровый огонь которых стал утихать, сменяясь нежностью.

Зак стремительно подошел к ней. Голос его звучал тихо и хрипло.

– Почему тогда ты сбежала от меня, Камилла? Ответь, почему? – он приподнял ее подбородок, указательным пальцем и заставил смотреть ему прямо в глаза.

Как поступил бы он, узнав правду? Что сделал бы, скажи она: «Потому что уже тогда я без памяти влюбилась в тебя. Ты завладел не только моим телом, но и сердцем. А потом я испугалась, что ты отвергнешь меня, бросишь на следующий же день, вот и решила бросить тебя первой». Но сохранившиеся в ней остатки растоптанной гордости не позволили признаться в этом.

– Я же говорила, – начала она, нервно облизывая губы, –

я чувствовала себя виноватой...

– О Боже, только не это! – выругался он. – Возвращаемся к старой песне про «опустошенную, поруганную и грязную»? Вот уж чего я точно не хочу – так это, чтобы мне навязывали ответственность за всякие вздорные самоуничижительные выдумки вроде этой, – он улыбался, но улыбка его была пропитана злой иронией. – Быть может, миссис Прескотт, вы утешитесь, если я почтительнейше заверю вас, что ваш муж больше не потребует от вас ничего плотского. Теперь я не коснусь вас, даже если по воле случая вы внезапно останетесь единственной женщиной в мире. Можешь спокойно отдыхать, милая женушка, я больше никогда не подвергну твое непорочное тело своим низким, грязным, похотливым и унижительным домогательствам.

Камилла стояла посреди комнаты, оцепенев от злой горечи этих оскорбительных слов, а Зак выхватил из гардероба джинсы и, подойдя к комоду, рывком выдвинул один из ящичков. Однако, несмотря на напускное спокойствие, руки у него тряслись так, что ящичек вылетел целиком, осыпав Зака ворохом ее шелкового белья. Замысловато выругавшись, он со второй попытки нашел ящик со своими вещами и, достав трусы, с треском задвинул ящик в комод.

Направившись к двери, Зак на миг остановился перед застывшей девушкой и сказал со спокойствием, еще более ужасным, чем крик:

– И уж если постель моя тебе не по вкусу, то будь так лю-

безна, перенеси свои вещички в соседнюю спальню.

Презрительно ухмыльнувшись, он сорвал с бедер полотенце и швырнул его к ногам девушки, постоял так минуту, а потом тяжелыми шагами вышел из спальни с охапкой одежды в руках.

Спотыкаясь, Камилла добралась до кровати и рухнула ничком, всхлипывая в подушку, от которой еще исходил свежий запах одеколona Зака.

Завтрак, последовавший за этой ужасной сценой, положил начало каждодневным, довольно напряженным встречам за столом. Камилла с Заком сидели напротив друг друга и, едва скрывая взаимную неприязнь, вели светские разговоры «ни о чем». Ошеломленные, Дили с Саймоном смотрели на вежливо холодное поведение новобрачных, не понимая, что же произошло с влюбленными этой ночью.

Но буквально каждый час прибавлял бедным Митчеллам все больше загадок и причин для беспокойства. Вскоре стало ясно, что медового месяца у молодых вроде и не намечается, так как все свободное время Зака принадлежало... плантации, а отнюдь не дорогой женошке. Осенью работы на плантации было немного, рабочие справились бы и без постоянного присутствия Зака. Но нет, каждый день утром он уезжал и возвращался только поздно вечером. Но и вечером Зак вел себя столь же странно – он запирался у себя в спальне с книгой или смотрел телевизор в комнате, которую теперь все стали называть «берлогой Рейборна».

После ссоры Камилла перенесла свои вещи в смежную спальню. Комната была вполне уютной, хотя чуть меньше Заковой и без камина. Изящная мебель из красного дерева чем-то напомнила обстановку «вдовьего» домика.

Когда звонила мать Камиллы – а это случалось доволь-

но часто, – девушка старалась щебетать как можно беззаботнее, притворяясь, что они с Заком невероятно, безоблачно счастливы. Но как-то Марта спросила, не надо ли переслать в «Свадебный венок» что-нибудь из вещей. Камилла едва справилась с собой, чтобы не закричать – к чему? Разве она задержится в этом доме надолго? Разве вся затея с их браком – нечто большее, чем неудачно исполненный спектакль по желанию и велению Рейборна Прескотта? Но, мгновенно взяв себя в руки, она сказала матери, что они с Заком собираются в самом скором времени сами навестить ее в Атланте, а уж там она решит, что из старых вещей выбросить, что раздарить, а что взять с собой. Впрочем, эта ложь прозвучала вполне правдоподобно, и Марта не заподозрила истинной причины такого упорного нежелания дочери обрести «лишним грузом». Причина была проста – Камилла понимала, чем меньше накопится ее вещей, тем меньше придется увозить с собой, когда придет пора покидать «Свадебный венок» навсегда.

Пока Зак заполнял свои дни работой на плантации, Камилла как одержимая продолжала трудиться над реставрацией особняка, и длилось это до тех пор, пока новые комнаты мистера Прескотта были окончательно отделаны. Да и в остальных частях дома ремонт был почти завершен, оставалось лишь нанести последние, завершающие штрихи, и Камилла приступила к одному из самых приятных и увлекательных этапов работы – украшала стены букетами искус-

ственных цветов, перевешивала на новые места картины и зеркала, по-новому расставляла всевозможные безделушки, с безграничным тщанием подбирая украшения для каждой комнаты.

Зак больше не возвращался к разговору о гнетущем его зеленом цвете столовой. Камиллу это и радовало, и огорчало одновременно. Собственно говоря, декор комнаты стал настоящей находкой в ее работе. Резкий контраст между темными и светлыми тонами был так удачно затушеван, что совершенно не бросался в глаза. Всякий видел перед собой лишь великолепную комнату, от которой так и веяло покоем и безмятежностью. Но если Зак и обратил внимание на титанические усилия жены, закончившиеся ее полной победой, то, во всяком случае, не подал вида.

Камилла старалась, где могла, сохранять южный стиль, так подходивший этому старинному южному особняку. Маленькую гостиную она украсила шелковыми цветами кизила, а на столе у входа в холл расставила в высоких хрустальных вазах стебли настоящего хлопка, на сухих ломких веточках которого еще висели белые пушистые шарики.

Закончив составлять эти необычные букеты, Камилла ощутила вдруг, как глаза наполнились слезами. Она успела уже полюбить этот дом, сродниться с ним. Как же горько будет покидать его. Но работа скоро будет закончена, Рейборн Прескотт выйдет из больницы, и, если он поправится настолько, чтобы выдержать известие о том, что они с Заком

расходятся, она ему все расскажет и сразу же уедет из этого дома навсегда.

Смахнув слезы, Камилла поглядела через окошко у парадной двери на простирающуюся перед домом лужайку. К немалому ее удивлению, Зак нанял садовников, чтобы они привели в порядок запущенные кусты и деревья и пропололи заросшие сорняками клумбы. Весной, подумала девушка, тут будет ничуть не хуже, чем в маленьком садике Рейборна Прескотта за домом. Былая атмосфера неуюта и запустения, что исходила от «Свадебного венка» несколько месяцев назад, когда Камилла только приехала сюда, растаяла без следа. Девушка тяжело вздохнула.

Как же хотелось ей, чтобы их отношения с Заком преобразились, как и «Свадебный венок»! Ах, если бы только они с Заком могли счастливо жить в этом замечательном доме, растить в нем детей. Но, увы, этому, видно, не суждено случиться.

Дни, последовавшие за днем той злополучной ссоры, показались Камилле сплошным кошмаром. Жить бок о бок с любимым, а ощущать его чужим... Когда они случайно встречались, его взгляд был холоден как лед, безразличен и непроницаем. Заходя в их общую ванную комнату, Зак запирал изнутри дверь, которая вела в ее спальню. Прислушиваясь к плеску воды, она представляла, как Зак бреется перед раковиной, небрежно обмотав бедра коричневато-рыжим полотенцем. А однажды, нежась в теплой воде, Камилла

услышала вдруг, как он тихонько попробовал отворить дверь со своей стороны. Но, обнаружив, что она заперта, так же тихонько отошел и больше уже не подходил.

Царящее в доме напряжение сделалось почти физически ощутимым, но тяжелее всего Камилле давались ежедневные посещения мистера Прескотта в больнице. Они с Заком отправлялись туда вместе и обычно всю дорогу ехали в угрюмом молчании. Перед дверью в палату оба натягивали на лица счастливое выражение – совсем как актеры греческого театра со своими застывшими масками – и все время визита слаженно играли отведенные им роли, старательно изображая счастливую чету молодоженов. Они не стоваривались об этом, просто каждый твердо знал, как важен сейчас для Рейборна Прескотта полный покой.

В начале второй недели ноября доктор Дэниэлс сказал им, что в выходные пациента можно будет уже выписывать. На какое-то время все домашние проблемы померкли перед заботами о празднике, который они решили устроить по возвращении Рейборна Прескотта домой. Даже Зак перестал день-деньской пропадать на плантации. Они с Саймоном переносили в «берлогу Рейборна» все новые и новые цветы, пока Зак наконец не взбунтовался и не заявил, что если у них когда-либо возникнет проблема с деньгами, он уже сейчас знает, как ее решить – он откроет питомник-оранжерею. Дили колдовала над своими рецептами, придумывая все новые и новые блюда в рамках предписанной доктором Дэниэл-

сом суровой диеты, заранее предвкушая, как превратит эту невкусную и постную пищу в аппетитные лакомства. Камилла же ощущала панический страх от одной только мысли, что новые комнаты могут не понравиться старику, и в очередной раз бежала проверить, не забыла ли она чего.

Отношения с Заком отравляли ей все дни и ночи. От Дили и Саймона, разумеется, не ускользнуло то, что Камилла перебралась в соседнюю спальню и не спит с мужем. Но они по-прежнему не задавали ей никаких вопросов. Хорошо еще, мрачно размышляла девушка, что новые комнаты Рейборна Прескотта расположены на первом этаже, так что хоть он, по крайней мере, какое-то время останется в неведении. Но сможет ли она дома в течение всего дня играть мучительную роль, которую с таким трудом играла в больнице в течение часа? Перед палатой отца Зак брал ее под руку, а когда они уже входили, его действия становились очень смелыми – он то обнимал ее за плечи или талию, то нежно сжимал ей запястье, то перебирал и целовал ее тонкие пальчики. Порой он небрежно, точно в рассеянности, гладил ей руку или плечо – у Камиллы же от этой «рассеянности» сердце так и заходило в груди. А еще несколько раз Зак вдруг наклонялся к ней и прижимался теплыми губами к ее щеке.

Камилла понимала, что все эти проявления нежности – сознательная демонстрация их славных отношений для больного отца, понимала это разумом, но тело ее не желало ничего понимать и каждый раз откликалось на его ласки с

прежним пылом. Камилла испытывала горечь и привычную досаду на себя и свое тело, которое с такой легкостью предавало ее. А что, если Зак продолжит ту же игру, когда они перевезут старика домой? Долго ли она сможет это терпеть? Ведь любое прикосновение Зака пробуждало в ней невероятную чувственность, и она просто изнывала от стремления броситься в объятия его, умоляя унять бешеное биение ее сердца и удовлетворить желание. Желание, которое испепеляло ее, как бы она ни пыталась отрицать этого даже перед самой собой.

Джордж Дэниэлс настоял на том, что сам привезет Рейборна Прескотта домой. А все домашние должны были ждать его дома, чтобы устроить главе семейства достойную встречу.

Зак с Камиллой стояли рядом на обновленном парадном крыльце, глядя, как стремительный, изящный автомобиль плавно катит по заново вымощенной аллее. Когда машина подъехала ближе, Зак по-хозяйски обнял девушку за талию. Почудилось ли ей, или рука его и в самом деле украдкой скользнула по ее бедру? Но если почудилось, то отчего у нее вдруг перехватило дыхание и отчего вдруг так вздрогнуло и напряглось тело Зака?

Дили всхлипывала, уткнувшись в носовой платок. Поднявшись на крыльцо, Рейборн Прескотт обнял ее, крепко пожал руку Саймону и сгреб в охапку Зака с Камиллой.

– Добро пожаловать домой, отец. Мы так тебе рады. – В

голосе Зака слышалась едва заметная хрипотца. Камилла понимала, каких трудов стоит ему сохранять самообладание, ведь он так горячо любил своего отца. Кому, как не ей, было знать, до каких пределов доходила его сыновняя любовь. Многие ли на его месте женились бы на женщине, которая им глубоко противна, лишь затем, чтобы не огорчать старика отца?

Затаив дыхание, они повели старика в дом. Шагнув за порог, он вдруг замер и несколько долгих секунд безмолвно глядел на восстановленное великолепие дома, который был так дорог его сердцу. Затем, тряхнув головой, словно сбрасывая с себя оцепенение, он неторопливо побрел по холлу, поочередно открывая двери каждой комнаты, а потом повернулся к Камилле, протягивая руки ей навстречу. В глазах его блеснули слезы. Девушка, не раздумывая, бросилась в его объятия.

Внезапно над плечом Рейборна Прескотта она встретилась глазами с Заком. Он, видно, совсем не ждал этого. Взгляд его лучился нежностью, суровые складки вокруг губ разгладились – едва ли не в первый раз со дня их свадьбы. Однако, поймав на себе ее взгляд, он легонько покачал головой, и выражение его лица стало снова замкнутым и бесстрастным. Он поспешно сказал:

– Отец, Камилла приготовила для тебя еще один сюрприз.
– Прямо не знаю, выдержу ли я столько сюрпризов за одно утро. Камилла, я... мне... – Рейборн Прескотт осекся,

подыскивая слова, а потом усмехнулся: – Словом, я, хочу сказать, что результат превзошел все мои ожидания. О таком я даже мечтать не смел. Спасибо, доченька.

От похвал Камилла совсем раскраснелась.

– Вы же сами помогали все выбирать, помните, Рейборн? – Он настоял, чтобы после свадьбы она звала его по имени. – Пойдемте, я вам покажу, что мы еще придумали.

Взяв старика под локоть, она повела его в ту часть дома, где располагалась крытая веранда. При виде своей новой «берлоги», окна которой выходили на осенний пейзаж тропических растений, испещренных бликами солнечного света, и новой мебели, среди которой были искусно расставлены все его любимые вещи, Рейборн буквально онемел. Медленно, точно не веря собственным глазам, он обошел всю веранду, а потом заглянул в спальню и смежную с ней ванную комнату.

– До чего же здесь хорошо, – потрясенно, чуть ли не благоговейно вымолвил он. Переглянувшись, счастливые домоладцы почти одновременно облегченно вздохнули. Их труды не пропали даром!

Остаток утра ушел на окончательный переезд мистера Прескотта в новые комнаты. К большому недовольству Зака, отец умудрился втиснуть туда еще несколько горшков с цветами, подаренных ему в больнице Дили с Саймоном мчались к Рейборну по первому же его зову или даже без него, так что доктору Дэниэлсу перед отъездом пришлось предо-

стеречь их, чтобы они не избаловали его пациента вконец.

Рейборн не отпускал от себя Зака с Камиллой ни на минуту. Казалось, он страшно истосковался по их обществу, так что им удалось покинуть старика лишь ненадолго, когда Зак почти потребовал, чтобы отец чуть-чуть отдохнул. Тот неохотно согласился.

Вечером, когда вся семья собралась перед телевизором, Рейборн вдруг лукаво рассмеялся:

– Мне ужасно понравилась моя «берлога». Но скажу тебе, Зак, вам все же не удалось меня провести. Я-то знаю, зачем понадобилось переселять меня вниз – чтобы вам с Камиллой было поудиненней там, наверху.

Хорошо, что после этой фразы он снова с головой ушел в хитросплетения сюжета фильма и не заметил ни виноватых взглядов, которыми обменялись Зак с Камиллой, ни поспешно потупленных глаз Саймона и Дили.

Прильнув к запотевшему зеркалу в ванной комнате, Камилла наносила на ресницы последние мазки туши. Она только что приняла душ, и в ванной было так жарко, что девушка пока надела лишь крохотные трусики.

В тот миг, когда она, закончив макияж, убирала тушь в косметичку, дверь в ванную комнату со стороны Зака вдруг распахнулась, и на пороге появился он собственной персоной. Глаза молодых людей встретились во взаимном изумлении.

Камилла словно приросла к полу, на щеках ее выступил

жаркий румянец, а по телу пробежал холодок. Взгляд Зака сперва остановился на ее груди, а потом сполз ниже. Камилла дернула рукой, пытаясь прикрыться, но подавила это нелепое желание – после той бурной ночи с Заком ее теперешний стыд за оголенную грудь, по меньшей мере, смешон.

– Доброе утро, – произнес Зак хриплым голосом, снова поднимая глаза.

– Доброе утро, – отозвалась она. Должно быть, он только что натянул свои поношенные до белизны джинсы, потому что застегивал их, входя. Зак был босиком, без рубашки, волосы разлохматились после сна. Никогда еще он не выглядел так волнующе и призывно.

– Я... наверное, мне стоило постучаться. – Камилла радостно отметила про себя, что и ему явно трудно сосредоточиться. Похоже, привычный апломб на время покинул его.

– Прости, мне казалось, я запирала дверь, – девушка едва могла слышать свои же собственные слова, так гулко у нее колотилось сердце.

– Что ты, что ты, сделай одолжение, не стесняйся, – в голосе Зака послышалось его обычное нахальство. Камилла вмиг насторожилась.

– Я как раз собиралась одеваться, – вызывающе заявила она. – Сейчас выйду. Подожди минутку.

Повернувшись к нему спиной, она поспешно сдергивала с крючков развешанную одежду. В мгновение ока Зак оказался сзади нее и одним движением отнял у нее одежду.

– Что ты делаешь? – испуганно вскрикнула она, оборачиваясь. При этом движении они оказались так близко, что соски девушки коснулись мягких волосков на его груди. Камилла поспешно отпрянула, но было уже поздно – повинуюсь зову природы, соски ее затвердели. Зак саркастически усмехнулся.

– Ну что ж, – протянул он, – раз уж я лишен привилегии большинства мужей раздевать свою жену, могу я хотя бы доставить себе удовольствие одеть ее?

– Зак, отдай мне одежду! – Камилла пыталась говорить сурово, но сама понимала, что, одетая в одни трусики, она выглядит смешно, но уж никак не грозно. Вот и Зак, не обращая внимания на ее протесты, присел на край ванны и, не успев девушка опомниться, схватил ее за руку и, притянув к себе, зажал между коленями.

– Так-так, – заявил он, потирая руки с таким довольным видом, что Камилла просто взбесилась от злости, – ну-ка поглядим-ка. Ага! По-моему, в первую очередь надо надеть это.

И он выудил из охапки вещей тонкую полоску шелка и прозрачных кружев – ее лифчик.

– Зак, ну уймись.

– Как же, помню-помню, – ехидно улыбнулся он, – ты всегда носишь именно такие, хотя ума не приложу, зачем. Ну, да тебе виднее.

И он наклонился к жене, продевая ее руки в узкие петель-

ки бретелек. Камилла буквально утонула в темно-синей глубине его глаз. Наконец он выпрямился и отодвинулся, застегивая лифчик спереди под грудью.

– Как раз впору, – пробормотал он, проводя пальцами по высоким теплым холмикам груди, приподнятых полуоткрытым лифчиком. Девушка вздрогнула. Рука Зака скользнула ниже, по ее животу. Он обхватил Камиллу за талию и привлек к себе, прижимаясь к ней лицом. Его горячие губы осыпали ее градом дразнящих поцелуев.

– Как сладко ты пахнешь, – прошептал он. – Просто изумительно.

Прикосновение небритого подбородка к нежной коже доставило Камилле неожиданное удовольствие. Вот он поймал губами ее сосок, и даже сквозь ткань лифчика эта ласка вызвала в девушке прилив сладостного, почти мучительного желания, огнем пробежавшего по всему ее телу. Впившись руками в плечи Зака, Камилла подалась навстречу ему. НЕТ! Она вовремя успела опомниться и судорожно отпрянула.

– Не надо, Зак, – задыхаясь, пролепетала она.

– Не надо?

– Пожалуйста. – Неужели она всхлипывала, хотя глаза ее оставались сухими?

– Что ж, вольному воля, – со странной готовностью отозвался он и немедленно разжал руки. Его неожиданное послушание просто ошеломило и, надо признать, чуточку даже разочаровало Камиллу.

Однако свою затею он не бросил.

– Теперь джинсы, верно?

Ей ничего не оставалось, кроме как опереться на его плечо и покорно засунуть сначала одну ногу, потом другую в штанины. Зак наклонился, натягивая узкие джинсы вверх по стройным ногам и бедрам Камиллы. Его горячее дыхание обжигало ей живот.

– Я сама застегну, – выпалила она, торопливо дергая вверх язычок «молнии». Зак ехидно усмехнулся и пожал плечами.

– Как хочешь. А я тогда займусь поясом.

Он снова обхватил ее за талию и стал поочередно продевать ремень в петельки. Зак так кропотливо выполнял эту «сложную» задачу, что от старательности припал головой к груди Камиллы и с каждой петелькой все больше и больше прижимался.

– Зак, не валяй дурака...

– Ну вот, готово. Пришлось повозиться с одной из петелек.

Наконец он поднял голову и заглянул ей в лицо. Глаза его буквально лучились неподдельным весельем и почти детской радостью от затеянной им игры. Камилла испуганно осознала, что еще мгновение – и затея мужа увлечет и ее. Она взяла себя в руки и смерила Зака ледяным взглядом, чем, впрочем, ничуть его не устрасила.

– Славненькая кофточка, – одобрил он, берясь за ее блузку.

Камилла продела руки в рукава, и Зак с комическим тщанием застегнул пуговички на манжетах. Девушка ждала, что теперь он перейдет к пуговицам спереди, но, когда он снова повернулся к ней, увидела, что вся его насмешливая веселость слетела с него. Глаза их встретились. Камилла не могла вырваться из завораживающего, гипнотического влияния его взгляда. Рука Зака скользнула ей под блузку и легла на грудь. словно обретя собственную волю, тело Камиллы немедленно отозвалось, потянулось навстречу ему. Зак обхватил ладонями ее лицо и нагнул к своему.

– Зак...

– Не говори «не надо».

– Зак...

– Не говори «не надо».

Но она уже ничего не могла сказать, даже если бы очень захотела. Губы Зака властно прижались к ее губам. Одним быстрым движением он встал, привлекая девушку к себе, сливаясь с ней в объятии, одновременно и сладостном, и трепетном. Язык его лихорадочно обшаривал ее губы и рот, точно никак не мог вдоволь насытиться ею. Даже сквозь плотную ткань джинсов Камилла ощутила силу обуревавшего его желания.

Наконец губы Зака оторвались от губ девушки и устремились вниз по ее подбородку и шее. Камилла вцепилась руками ему в спину, наслаждаясь прикосновениям к упругим, напряженным мышцам. Волоски, росшие у него на груди и

животе, возбуждали ее.

– Камилла, ну пожалуйста, – простонал он. – Зачем ты противишься тому, чего мы оба так страстно хотим? Зачем?

Камилла услышала в этих словах неподдельную муку. Так, значит, и он тоже страдает. Правда, его страдания только физические, а она вынуждена терпеть еще и жесточайшие душевные муки. И они станут еще ужаснее, если она сейчас уступит Заку. Она должна заставить свое тело смириться, и, собрав всю свою волю, Камилла решительным жестом попыталась отстранить Зака.

Он посмотрел на нее в полном недоумении, но уже в следующий миг глаза Зака затуманились досадой и раздражением, переходящими в неприкрытую ярость.

– Черт побери, Камилла! Я же знаю, что ты хочешь меня не меньше, чем я тебя, – он не говорил, а цедил слова сквозь плотно стиснутые зубы. И с каждым словом он все сильнее сжимал ее плечо.

– Пусти меня, Зак! – вскрикнула она, находясь на грани истерики. Жертва, на которую приходилось идти ради блага их обоих, причиняла ей страшную муку.

Он почти отшвырнул ее от себя. Искаженное гневом лицо Зака мелькнуло перед взором Камиллы, когда она развернулась и пулей вылетела из ванной комнаты. Она заперла за собой дверь и, прислонившись к ее холодной, гладкой поверхности, бессильно сползла на пол.

– Я и вправду хочу тебя, Зак. Если бы ты только сказал,

что любишь меня, – шептала она, всхлипывая.

В тот вечер Зак впервые за все время со дня их свадьбы уехал из дому один...

Не в силах встретаться с ним после утренней ссоры, Камилла не вышла к завтраку, и Дили принесла ей поднос с едой в спальню. После кусочка бисквита и нескольких глотков кофе девушка более или менее пришла в себя. Выходя из комнаты, она услышала, как в спальне Зака раздался телефонный звонок, затем беззаботный голос Зака:

– Привет, Эрика.

Камилла невольно отметила про себя, что его тон можно было бы назвать счастливым, и как разительно отличался он от хриплого, горького тона, которым он разговаривал с ней всего лишь час назад. Не желая слушать эту беседу, Камилла торопливо сбежала по лестнице, чтобы поздороваться с Рейборном Прескоттом.

День тянулся убийственно медленно. Каждый раз, как Зак и Камилла оказывались в одной комнате, между ними повисало почти физически ощутимое напряжение, вызванное взаимным гневом и непониманием.

Когда же в конце обеда Зак заявил, что намерен провести вечер в городе, сердце Камиллы едва не выскочило из груди. Хотя, явно ради Рейборна, Зак и сказал что-то неопределенное о покере в дружеском кругу, она-то знала, что скорее всего он едет на свидание с Эрикой. Интересно, подума-

ла Камилла, это первая их встреча после свадьбы Зака или просто первая встреча, о которой ей, Камилле, стало известно? Заподозрила бы она Зака, если бы случайно не услышала сегодня утром, как он разговаривает с Эрикой по телефону? Камиллу, правда, несколько удивило, что Эрика сама позвонила Заку, а не наоборот. Неужели эта женщина лишена даже элементарного чувства стыда? Или она так уверена, что Зак любит ее?

Вернулся Зак лишь под утро. Камилла ворочалась с боку на бок, не в состоянии сомкнуть глаз, пока не услышала, как он поднимается по лестнице и входит в свою спальню.

С тех пор жизнь Зака в доме стала иной, а точнее, он почти перестал бывать в доме. Иногда Камилла успевала лишь мельком увидеться с ним ранним утром, до его отъезда на плантацию, в другие же дни не видела своего мужа до самого обеда. И хотя они пытались ради мистера Прескотта сохранять видимость безоблачного счастья, Камилла прекрасно понимала, что им вряд ли удастся долго вводить проницательного старика в заблуждение.

Вспоминая последнюю ссору с Заком в ванной, она все время спрашивала себя – зачем Заку понадобилось так романтически добиваться ее взаимности. Ведь он, несомненно, ненавидел ее. Однако один-единственный взгляд на полное надежд лицо Рейборна помог ей разрешить эту загадку. Старик ведь так мечтал о наследнике. Возможно ли, что Зак попытался заняться с ней любовью лишь для того, чтобы по-

дарить отцу этого долгожданного внука? Как ни грустно, но Камилла была вынуждена признать, что дело наверняка обстояло именно так.

Теперь она почти все время проводила с Рейборном. Они вместе ухаживали за цветами, частенько мистер Прескотт галантно предлагал руку Камилле, и они медленно прогуливались по комнатам первого этажа, а порой, когда позволяли погода и самочувствие Рейборна, отваживались даже на небольшой вояж по саду.

Впрочем, погода их не баловала. Месяц выдался удивительно мокрый и унылый. Почти каждый день лил дождь, а если он ненадолго и стихал, небо все равно оставалось скрыто низкими, тяжелыми тучами. Постоянный дождь и вечный сумрак за окном усиливали и без того плохое настроение Камиллы. Неужели ее мучения с Заком никогда не закончатся?

А Зак теперь уезжал из дому почти каждый вечер. Правда, надо отдать ему должное, он обычно дождался того часа, когда Рейборн удалялся ко сну. Но Камилла уже не сомневалась, куда влекут его эти ночные вылазки. Разумеется, напрямиком в объятия Эрики Хазелетт.

Девушка изо всех сил старалась ничем не выдавать овладевших ею безнадежности и уныния – но тщетно. Ее выдавало ее же лицо и даже не выражение, нет. Оно осунулось, побледнело, и почти каждое утро веки были припухшие и покрасневшие от слез и бессонницы.

В один из холодных, дождливых и беспросветных дней

она сидела с Рейборном в его «берлоге», разглядывая альбомы с фотографиями, которые он попросил ее привести в порядок. И всюду она видела Зака. Зака – маленького мальчугана, затем – школьника, студента. Он широко улыбался ей то в баскетбольной, то в бейсбольной форме, то в костюме для верховой езды, то из-под какого-то шлема. Неужели не было ни единого вида спорта, в котором бы он не отличался? На нескольких фотографиях он стоял в обнимку с какой-то девушкой, утопающей в розовом кружевном платье. Любил ли он ее? Не она ли так глубоко ранила его сердце? Не ее ли пытался он забыть в Сноу Берд? Быть может, они много лет встречались, а потом она выросла и вышла замуж за другого?

Камилла медленно рассматривала фотографии Зака – вот он лучащийся счастьем после окончания колледжа крепко обнимает отца. Сердце Камиллы разрывалось от гордости и боли. Увы, видимо, судьба распорядилась так, что она никогда не станет частью его жизни...

Внезапно из глаз девушки хлынули неудержимые, неподвластные разуму слезы. Она закрыла лицо руками.

– Ну что ты, милая, не надо, не плачь. Просто не могу видеть тебя такой, – Прескотт протянул ей белоснежный платок, и Камилла попыталась вытереть слезы, но они все капали и капали.

– Простите, Рейборн, – выдавила она, – я не хотела вас расстраивать. Мне так стыдно. Старик нежно обнял ее, поглаживая по плечу.

– Тебе вовсе нечего стыдиться, Камилла. – Голос его был полон отцовского сочувствия. – Еще в Атланте, впервые увидев тебя, я в глубине души начал надеяться, что вы с Захарием можете понравиться друг другу. Ты чем-то напомнила мне мою Элис. Нет, не внешне, но от тебя исходило такое же сияние, как от нее. В наши дни редко увидишь, чтобы женщина светилась внутренним светом. Похоже, женщины совсем разучились быть женственными, мягкими и именно тем и прекрасными. Карьера – вот и все, что их волнует. О нет, я вовсе не против того, чтобы женщины работали и имели бы свое дело, но при этом мне нравится видеть женщину, великолепную именно тем, что она – женщина. Понимаю, я ужасно отстал от жизни, – он чуть помолчал в задумчивости, словно пытаясь поймать потерянную мысль, и продолжил: – В тот первый день твоего приезда сюда я сразу ощутил, что между вами с Заком что-то происходит. Конечно, тогда я еще ничего не знал о том, что случилось в Юте два года назад. Забавно, до чего же тесен мир, правда? А потом, в то утро в больнице, когда я проснулся и услышал, как вы барахтаетесь на той смешной каталке, то просто пришел в восторг. Нет-нет, не смущайся, – добавил он, ласково похлопывая ее по руке. – То, что вас тянет друг к другу – дело совершенно естественное. Помню, мы с Элис... Ну, словом, я еле удержался, чтобы не закричать от радости. К тому времени я уже полюбил тебя, Камилла, и не мог бы желать себе лучшей дочери и лучшей жены для моего сына, – он проник-

новенно заглянул в полные слез глаза девушки и погладил ее по щеке – Вообрази же мой ужас, когда я услышал ваш разговор. Не будь я так слаб и болен, не миновать бы моему сынку хорошенькой трепки. Я очень разозлился на него, что он причинил тебе столько горя. А как он с тобой разговаривал? Просто стыд! Хорошо еще, что его мать не дождала до этого позора. Вот тогда-то я и решил, что вас непременно надо поженить.

Камилла печально поникла головой.

– Значит, вы сделали это, лишь желая наказать Зака?

– Нет, моя дорогая. Я сделал это потому, что считал – да и сейчас считаю, – что вы с Захарием на самом деле любите друг друга, только не хотите почему-то этого признавать. Будь ты бессердечной кокеткой или интриганкой, я бы просто-напросто забыл об этом инциденте раз и навсегда. Не думай я о вашей любви и о том, какие у вас могут родиться умные и красивые детки, я бы ни за что на свете не стал прибегать к таким крутым мерам, чтобы соединить вас.

– Спасибо, Рейборн, теперь я знаю, что вы действовали из самых лучших побуждений, – Камилла потупилась, не в силах встретить все понимающий взгляд пронизательных темно-синих глаз, поблескивающих из-под густых седых бровей. – Просто дело в том, что мы с Заком... он и я... в общем, у нас ничего не вышло. Мне бы так этого хотелось – не только ради вас. Я старалась, правда-правда старалась, но... – Она замолчала, так и не договорив, а про себя добавила: «Но ваш

сын любит совсем другую женщину».

– Камилла, мне очень жаль видеть, что вы оба так несчастны. Я надеялся, что, заставив вас пожениться, тем самым помогу вам распознать, как вы друг друга любите. Я и сейчас убежден в вашей любви. Но я человек разумный и не могу силой принуждать вас к союзу, от которого и тебе, и Захарию одни лишь страдания. Когда ты уедешь, Камилла, а я знаю, что ты уедешь, ты слишком честна, чтобы долго жить во лжи, я буду очень скучать по тебе. И, пожалуйста, помни, что «Свадебный венок» всегда будет тебе домом.

– Спасибо, Рейборн, – пересохшими губами прошептала девушка и, нагнувшись, поцеловала его в лоб. – Отдыхайте, не беспокойтесь больше об этом. Я очень сожалею, что тот наш разговор с Заком в больнице вынудил вас участвовать в решении наших с Заком проблем. Никто их не может решить.

Она направилась к двери, но Рейборн окликнул ее.

– Камилла, послезавтра День Благодарения. Я прошу тебя: не уезжай до него. Прости старика еще раз. Мне так хочется, чтобы в этот день мы были одной семьей.

– Конечно, – пообещала она и добавила тихонько, словно про себя: – А вы и есть моя семья.

Как и женщины всей Америки, Камилла и Дили провели большую часть следующего дня на кухне, готовя обед ко Дню Благодарения. Камилла исполняла роль поваренка – чистила орехи и фрукты, мыла овощи и зелень для салатов и отмеряла специи. Дили же с невероятной быстротой смешивала все это в самых невероятных сочетаниях, создавая такие изысканные блюда, что у Камиллы уже заранее текли слюнки.

– Не хочу навязываться, но даже мама признает, что ореховый торт у меня выходит вполне ничего, – с лукавой робостью сказала Камилла.

– Если хочешь, испеки, конечно. Тем более, скажу тебе по секрету, это любимый торт Зака, – проговорив это, Дили многозначительно закатила глаза и выразительно покосилась на девушку.

– Надеюсь, что он понравится всем, – не поддержала шуточки Камилла.

Позже, уже под вечер, когда она, не чуя ног от усталости, поднималась вверх по лестнице к себе в комнату, ее остановил Зак.

– Камилла.

Она удивленно обернулась. Всю прошлую неделю он не достаивал ее даже взглядом, а не то чтобы словом. Интересно, что же ему теперь-то понадобилось. Зак поднялся на

несколько ступенек, остановился так, что головы их оказались вровень, и протянул руку к ее лицу. Камилла непроизвольно отшатнулась. Лицо Зака окаменело, губы сжались.

– Я всего лишь хотел стереть пятнышко муки у тебя со щеки, – тихо сказал он. – Впрочем, оно тебе даже идет, – он задумчиво поглядел на нее и продолжил: – Я знаю, вы с Дили целый день возились на кухне и она очень устала. Папа предложил дать ей передохнуть хотя бы вечером. Он хочет, чтобы мы с тобой пообедали где-нибудь в городе, а ему я что-нибудь состряпаю на скорую руку перед отъездом. Мы ведь еще не бывали с тобой в Натчезе-Под-Холмом, вот я и подумал, что можно бы съездить туда и попробовать зубатку.

Камилла пожалела, что предложение исходило от Рейборна. Ощувив в сердце укол горечи и обиды, она уже открыла было рот, чтобы произнести вежливое: «Нет, спасибо», но в этот миг ей показалось, что Зак так просительно глядел на нее своими небесно-синими глазами, взгляд которых не утратил над девушкой своей магической власти и сейчас. Господи, как же он красив, мелькнуло у нее в голове. Да и потом, она ведь скоро уедет, и это будет их своеобразный прощальный вечер вдвоем. Она решилась.

– Да, отличная идея, – промолвила она самым спокойным тоном, хотя сердце в груди пело от счастья. Но Камилла старательно сохраняла хладнокровие. Не хватало еще, чтобы Зак понял, как радуется ее перспектива провести вечер с ним наедине.

– Можешь не наряжаться. Там, куда мы едем, вполне сойдут и джинсы. Да и погода не очень способствует вечерним туалетам.

Глянув через плечо Зака в окно, Камилла убедилась, что дождь льет как из ведра.

– Идет. Так во сколько?

– А сколько тебе понадобится, чтобы смыть муку с лица?

Шутка была самая невинная, но нервы Камиллы последнее время находились в таком напряжении, что, не сообразив, что ответить, она понуро опустила голову и мучительно покраснела. Увидев ее смятение, Зак взял Камиллу за руку. Прикосновение его пальцев словно опалило ее, вверх по руке пробежало томительное покалывание.

– Да ладно тебе, я же просто пошутил. Скажем, в семь, а вернемся пораньше. Согласна? Камилла, не поднимая головы, понуро кивнула. Ну конечно, ему надо вернуться пораньше, потому что потом у него свидание с Эрикой, объяснила она самой себе и, рывком отняв у Зака руку, побежала вверх по лестнице.

Натчез-Под-Холмом славился своей богатой историей. Некогда этот квартал под прибрежными утесами Миссисипи состоял из пяти улиц, буквально забитых тавернами, игорными домами и прочими малопочтенными заведениями. Словно в наказание за все нечестивые дела, что творились в этой части города, Господь Бог заставил реку малопомалу размывать берег, уменьшив Натчез-Под-Холмом все-

го до одной улицы и нескольких одиноко стоящих домишек. Теперь большинство этих старинных зданий превратились в модные бутики, рестораны и антикварные магазинчики. Этот квартал стал главной приманкой для туристов.

Все это Зак рассказал Камилле, ведя свой «Линкольн» вниз по Силвер Стрит – единственной дороге, что шла по крутому склону вниз, к Натчезу-Под-Холмом. Однако девушка слушала не очень внимательно. Ее терзала мысль о том, что им придется возвращаться домой тем же путем. Она испуганно поглядывала на дорогу, и так уже всю размытую и скользкую от постоянных дождей и грязи, стекавшей с прибрежных холмов, представляя, во что она превратится через несколько часов.

– Как-то раз, – тем временем рассказывал Зак, – у нас даже снимали фильм о Гражданской войне в Атланте. Накидали на задворках кучу старых шин и подожгли их, чтобы изобразить, как генерал Шерман сжигает город. А еще залили для достоверности всю мостовую грязью и пригнали сорок экипажей. Здорово получилось. Наши старинные особняки часто используют для съемок, но вот с Натчезом-Под-Холмом такое случилось впервые.

Вскоре они подъехали, вдоль всего тротуара сплошняком стояли машины. Зак с трудом нашел, где припарковаться.

– Не будь такого дождя, мы бы оставили автомобиль на утесе и прогулялись вниз пешком. Ситуация с парковкой тут оставляет желать лучшего, – пожаловался он перед тем, как

вылезти из машины. Поспешно обежав машину, он распахнул дверцу со стороны Камиллы и предупредительно раскрыв над ее головой зонт.

Лавируя между разлившимися лужами и заполненными грязью выбоинами в старинной мостовой, они добрались до входа в ресторанчик. «Петух на прогулке» обладал отличной репутацией, и, надо сказать, вполне заслуженно. Таявшая во рту жареная зубатка со множеством вкуснейших салатов и гарниров, ласковое тепло зала подействовали на Камиллу умиротворяюще, и она наслаждалась этим вечером наедине с Заком. Он тоже казался довольным и даже словоохотливым. Он возбужденно рассказывал о делах на плантации, но больше всего, конечно же, о своей коневодческой ферме. Зак буквально горел энтузиазмом, и Камилла на несколько минут почти забыла о том, что кому-кому, а ей уже не суждено будет увидеть того успеха, которого (она в том не сомневалась) он должен достигнуть.

Эта неожиданная мысль вернула Камиллу с небес на землю. Она поглядела на мужа, и глаза ее наполнились слезами. Опустив голову, чтобы он не разглядел на ее лице слез, она сдавленно выговорила:

– Я уверена, Зак, ты добьешься большого успеха.

– Успеха? – Голос его, хоть и негромкий, был резок. – Да, пожалуй, большая прибыль является одним из критериев успеха, но все же в самых важных вещах в моей жизни я безнадежно проиграл.

года назад, в Сноу Берд. Только на этот раз после ее исчезновения Зак испытывает облегчение, а не горечь, как было раньше. На этот раз его мужское самолюбие не будет уязвлено, и он с чистой совестью сможет обрести утешение в объятиях Эрики.

– Ну как, ты доела? – внезапный вопрос Зака прервал ее размышления.

– Да, – дрожащим голосом отозвалась она. Зак поднялся, обошел вокруг стола и придержал ее стул, пока она вставала. У выхода он вежливо подал девушке плащ. Его крепкие руки на секунду замерли у нее на плечах. Как же коротко было это мгновение! Камилле хотелось продлить его, припасть к груди Зака. Быть может, если бы он еще один-единственный раз обнял ее, память об этом озарила бы светом предстоящие ей годы одиночества? Быть может, тогда разлука не была бы так горька? Но нет, остановила она себя, тогда ей было бы еще труднее покинуть его.

Когда молодые люди вышли из уютного тепла ресторана, на улице по-прежнему хлестал бешеный ливень. Зак поспешно распахнул зонтик. Хотя река текла в двух шагах от них, ее совершенно не было видно за тяжелой завесой дождя. Дождь застилал все вокруг, превращая весь мир в темную непроглядную мглу.

Проходя мимо таверны, Камилла заглянула в окно и увидела, что зал почти опустел. Там оставалось не больше дюжины посетителей, коротающих время за электронными играми

и триктраком или лениво потягивавших вино за маленькими столиками. Из зала доносились слабые отголоски одной из популярных баллад. Потом, много лет спустя, при одном звуке этой песни Камиллу бросало в дрожь от воспоминания о том, что случилось несколько секунд спустя.

Внезапно ее внимание привлек какой-то необычный шум – странное сочетание резких, трескучих и чавкающих звуков, ужасное, беспорядочное, наводящее дрожь. Камилла с Заком замерли, прислушиваясь к этому непонятному, жутковатому гулу.

Потом девушка оглянулась, пытаясь определить причину этих странных звуков, ничего не обнаружила и бросила взгляд в окошко ресторана. Посмотрев туда, она уже не могла оторваться, зачарованно, точно кролик перед удавом, наблюдая, как задняя стена здания вздрогнула, выдвинулась на несколько дюймов вперед и начала медленно заваливаться. Электрические часы с мигающей на них рекламой местного сорта пива слетели со стены и разбились на мелкие кусочки. Старинные фотографии в причудливых рамках дружно закачались на своих крючках, а потом попадали на пол, тут же погребенные падающими обломками кирпичей и камней.

Что это? Что происходит? Торнадо? Но нет, ветер совсем не сильный. Землетрясение? Но земля под ногами и не думает клочкотать, хотя этот рокочущий гул, по представлениям Камиллы, весьма напоминал самое настоящее землетрясение.

Посетители бара, забыв о своих играх, напитках и болтовне, точно так же, как и Камилла, оцепенело смотрели на рушащуюся стену. Затем шок сменился паникой, и почти одновременно все ринулись к дверям, дико вопя от ужаса.

– Боже! Это же грязевой оползень! – прокричал Зак на ухо Камилле и, схватив ее за локоть, увлек за собой. Все еще ничего не понимая, она пробежала рядом с ним несколько шагов, как вдруг весь фасад здания вздрогнул и осел, не выдержав напора оползающей с утеса глины. Кирпичи, балки, куски стекла градом посыпались на тротуар, увлекая за собой соседние участки стены. Оказавшиеся в ловушке люди отчаянно пытались выскочить, кто как мог – в вылетевшие окна, двери и образовавшиеся проемы в стене. Всеми владел лишь один инстинкт – инстинкт самосохранения. Того, кто остался бы в ресторане, неминуемо ждала либо быстрая смерть под обломками, либо медленное удушье в грязевом потоке.

Камилла увидела, как треснула и поддалась под все нарастающей тяжестью оползня последняя балка, как раз напротив того места, где стояли они с Заком. «Зак!» – мелькнуло в голове. Неизвестно откуда только взялись силы! Девушка вырвалась из рук Зака и резко толкнула его от себя. От неожиданного толчка он потерял равновесие, шагнул назад, оступился на скользкой, неровной мостовой, упал и откатился на несколько ярдов назад – в безопасность. Зонтик сломался и, весь изорванный, остался лежать в грязной луже.

Зак поднял голову и мотнул ею. Какой-то частью рассудка, которая отстраненно фиксировала ситуацию, Камилла отметила, что мокрые волосы облепили ему лоб, а одежда вся измазалась в грязи.

– Я люблю тебя! – крикнула она, стараясь перекричать царящую вокруг какофонию.

Глаза его расширились от ужаса – он понял, что ценою собственной жизни она пытается спасти его... Камилла услышала, как он отчаянно выкрикнул ее имя, но в следующий миг затылок ей пронзила острая, ослепляющая боль. Девушка увидела, как мостовая стремительно несется ей навстречу – она упала. «Сейчас я умру», – спокойно, без тени страха подумала она. Последней ее мыслью, прежде чем тьма окончательно поглотила ее, была благодарность судьбе за то, что Зак уцелел.

Она слышала рокот дождя. Слышала невнятное бормотание голосов. Чувствовала запах каких-то лекарств. Ощущала холодную тяжесть мокрой, облепившей ее одежды.

Она не умерла.

Камилла попыталась приоткрыть веки, но слабый лучик света, ворвавшийся сквозь отяжелевшие веки, пронзил ее мозг раскаленной иглой, и девушка снова зажмурилась.

Кто-то приподнял ее руку. Камилла вздрогнула.

– Эй, что ты так испугалась, я просто хочу померить тебе давление.

– Доктор... – из ее горла вырвался лишь хриплый стон.

Девушка откашлялась и попробовала заново: – Доктор Дэниэлс, это вы?

– А кто же еще? Какому еще чертовому болвану не сидится дома в такую погоду?

– Где?.. Зак?.. Что случилось?

– Пожалуйста, не торопись, давай по одному вопросу за один раз, – Камилла обрадовалась, что рядом оказался именно доктор Дэниэлс, которому она доверяла. Его присутствие вселило в нее уверенность. Голос доктора, хотя по обыкновению резкий и отрывистый, был добр и ласков. – Ты в больнице. Помнишь оползень? – Она кивнула, и доктор продолжил: – Ну вот, тебе попало кирпичом по затылку, но, слава Богу, только небольшое сотрясение мозга. Я надеюсь, моя красавица, что ты сможешь пережить шишку и головную боль в течение нескольких дней.

Несмотря на боль, девушка улыбнулась и снова попыталась открыть глаза, но уже гораздо осторожней. На этот раз попытка оказалась удачней. Из мерцающего тумана выплыло лицо доктора Дэниэлса, искаженное и двоящееся. Камилла поморгала, а потом открыла глаза пошире. Изображение стало отчетливой.

– А Зак?

Доктор потрепал ее по руке.

– Никто не погиб. Кое-кого ранило, но все сумели выбраться оттуда живыми. Аварийная команда уже на месте. Похоже, из-за этих вечных дождей размыло утес, и от него

отвалился огромный пласт земли, пополз вниз, на пути обрастая грязью.

Слава Богу, никто не погиб! Но что с Заком?

– Сейчас я сделаю тебе укол, и ты уснешь. Это пойдет тебе на пользу. Ну вот, – Камилла почувствовала, как в правую руку ей вонзилась игла. – Думаю, тебя не стоит класть в больницу, но если завтра у тебя голова будет сильно болеть, а не просто побаливать, непременно позвони мне.

Почему ей ничего не говорят о Заке? Неужели он тяжело ранен? Когда здание рухнуло, он был довольно далеко, целый и невредимый... Но что, если его ранило уже потом, после того, как она потеряла сознание? Или даже убило? Нет, доктор Дэниэлс ведь сказал, что никто не погиб. Но вдруг он скрывает от нее, что погиб именно Зак? Неужели он мертв? Нет! Он не может умереть, не может! Зак!

Мысли ее расплывались, непослушный язык заплетался – начинал уже действовать укол. Веки девушки сами собой слипались.

– Зак! Зак! Где Зак? Он мертв, мертв, я знаю. Он умер, вправду умер? – ее хриплый голос резко нарушил тишину приемного отделения «Скорой помощи».

– Мертв? Черта с два, какое там мертв. Он не только жив, но и довольно агрессивен. Закатил нам истерику, не хуже, чем ты сейчас. Жаль мне врача, которому придется лечить ваших детишек, – и доктор повернулся к ассистенту, дававшему кислород мужчине на соседней койке. – Не приведешь

ли сюда ее мужа? Ты его ни с кем не спутаешь – рослый парень с безумными глазами.

Зак ворвался в палату так стремительно, что едва не сбил с ног какого-то врача у двери. Вид у него и в самом деле был совершенно безумный.

Рухнув на колени возле койки Камиллы, он впился глазами в ее лицо. Она дрожащими губами улыбнулась ему и попыталась заговорить, но язык отказался повиноваться ей. Камилле хотелось прикоснуться к нему, убрать с его лица пряди мокрых волос, разгладить тревожные морщинки на лбу, но руки ее так отяжелели, что она не могла и пальцем пошевелить.

Зак нежно поцеловал ее сначала в лоб, а потом в сомкнутые веки.

– Ты сказала, что любишь меня. Я слышал, Камилла, слышал. Ты любишь меня.

Она не могла вспомнить, когда сказала это Заку и говорила ли? А он уже зарылся лицом в ее мокрую одежду, прижимаясь щекой к ее животу.

– Боже, Камилла, я думал, что снова потерял тебя.

Что это значит? Когда это он уже терял ее? Должно быть, она совсем засыпает и ей это лишь мерещится. Но Камилла чувствовала горячее, опаляющее дыхание Зака и капающую из его глаз какую-то странную влагу. Он без усталости гладил ее по плечам и рукам. Пальцы его нежно дотронулись до ее лица. Наверное, все это ей тоже просто мерещится...

В голове эхом звучали его слова: «Боже, Камилла, я думал, что снова потерял тебя. Боже, Камилла, я думал, что потерял тебя... Боже, Камилла, я думал...»

Ей снова приснился прежний чудесный сон про Сноу Берд. До чего же не хотелось просыпаться. Камилла желала лишь одного – навечно остаться в этом призрачном мире с Заком и никогда не разлучаться с ним. Господи, молю тебя, продли этот сон, он слишком хорош, чтобы обрываться...

Камилла проснулась, но сон ее продолжался. Тускло поблескивали угольки в камине, спущенные тяжелые шторы создавали приятный полумрак. Они с Заком лежали обнаженные на огромной постели, головы их покоились на одной подушке. Свежее дыхание Зака легонько щекотало щеку Камиллы. Одна его рука лежала на ее бедре.

Так это не сон! Но эта комната – не в Сноу Берд! Это спальня Зака в «Свадебном венке», и они лежат здесь наяву, как муж и жена. Камилла радостно и благодарно вздохнула. Должно быть, этот вздох разбудил Зака – он сразу же приподнялся и склонился над ней. Зак внимательно изучал ее лицо, стараясь понять, не болит ли у нее что-нибудь.

– Милая, – прошептал он, ласково целуя ее, – как ты себя чувствуешь сегодня?

Неужели он назвал ее «милой»? Неужели эти нежные поцелуи принадлежат ей? Нет, наверное, это и в самом деле сон. Если так, пусть он длится вечно. Только бы не проснуться. Камилла боялась заговорить, боялась спугнуть хрупкое

очарование этого сна.

– Со мной все чудесно, Зак, – наконец негромко произнесла она. – Я здесь, с тобой, мы оба живы.

– Камилла, – задыхаясь, пробормотал он, – я так люблю тебя.

Он покрывал ее бесчисленными поцелуями, бормоча:

– Любовь моя, самая прекрасная, самая сладкая...

Губы его припали к ее устам в поцелуе, нежном и страстном, говорящем больше, чем могли бы сказать любые слова. Камилла радостно откликнулась на этот поцелуй, упиваясь его сладостной свежестью. Оторвавшись от ее губ, Зак чуть откинулся, взял один из непокорных локонов возлюбленной и накрутил его на палец.

– Вот таким должно было быть наше первое утро в Юте. Мне следовало сказать тебе, как я люблю тебя, еще вечером, до того, как мы... Просто я боялся, ты мне не поверишь... Я думал, такая красивая девушка, как ты, слышала много подобных признаний и все их знаешь наизусть. Скажи, ты поверила бы мне, начни я вдруг признаваться тебе в любви?

Камилла улыбнулась, запустив пальчики в волосы у него на груди.

– Скорее всего нет. Я считала тебя слишком уж искушенным.

– Это очень тактичный способ намекнуть мне, что тогда ты считала меня слишком старым? А как сейчас?

Пальчики Камиллы скользнули чуть ниже, и у Зака обо-

рвалось дыхание.

– Зак! Ну разумеется, нет! Хотя, должна признаться, твой возраст все-таки чуточку пугал меня. Мне казалось, что ты смотришь на меня, как на маленькую глупую девчонку. Поэтому и не смогла тебе сказать, что по уши в тебя влюблена. Я боялась, что ты высмеешь меня, думала, я для тебя – всего лишь подружка на одну ночь. Мне так не хотелось выставить себя на посмешище, что я решила, лучше мне уехать.

– Ты хочешь сказать, что удрала от меня из-за такой ерунды? Ох, Камилла, какими же мы были глупыми. А все из-за нашей дурацкой гордости. А я-то считал, что чем-то оттолкнул тебя. Сколько же драгоценного времени мы потратили попусту! – И он снова поцеловал ее, а потом игриво прикусил ей мочку уха и спросил: – Значит, ты все же любишь меня, Камилла?

Его ласки будили в ней столь жгучие ощущения, что она едва смогла вымолвить:

– Да, Зак, я люблю тебя. Всегда любила, с самой первой секунды.

Вкрадчивое, осторожное движение пальцев Зака вниз от ее шеи к груди и животу отвлекало ее, сбивало с мысли, но Камилла изо всех сил старалась сосредоточиться на том, что он говорил.

– Когда я утром проснулся и обнаружил, что ты исчезла, то просто впал в бешенство. Глупая гордость не позволила мне отправиться, как следовало бы, прямиком к твоим по-

другам и выяснить, где тебя искать. Ты же мне как-то сказала, что училась в Ричмонде, но и словом не обмолвилась, что родом из Атланты. Я обзвонил в Ричмонде всех Джеймсонов – всех до единого, – но ни у кого не оказалось ни дочери, ни сестры, ни кузины по имени Камилла. Я шел по ложному следу. Мне ничего не оставалось, как вернуться домой ни с чем. Знаешь, я был в таком состоянии, что жить со мной стало просто невыносимо. Бедные домашние боялись ко мне обратиться даже по пустякам, я был просто невменяемым, взрывался по любым причинам.

– Ты хочешь сказать, что я и была той самой твоей неудачей в любви? – воскликнула Камилла. – Из-за которой ты так страдал?

Встретив его недоуменный взгляд, она спохватилась и пересказала ему слова Дили о том, что он пережил «черный период» из-за какой-то женщины.

– Понимаешь, после ее рассказа я решила, что ты отправился в Ют, чтобы забыть свою удивительную, прекрасную и навеки утраченную любовь, а меня просто использовал, как бы это сказать, – на восстановление своей самооценки.

– Камилла, ты – единственная, кого я когда-либо любил. И уж, конечно, ты удивительная и прекрасная, но, слава Богу, не навеки утраченная, – он легонько куснул ее за плечо. Руки его без усталости ласкали ее бедра.

– А Эрика? – Камилла решила сейчас же узнать все до конца. Она не хотела, чтобы между ними теперь осталась бы

какая-нибудь тайна или недомолвка.

Руки Зака замерли. Он поднял голову и на несколько секунд отвернулся, но, когда снова повернулся к жене, взгляд его был спокоен и тверд.

– Я спал с ней, Камилла, с отчаяния, но никогда, ни единой минуты, не любил ее.

– Но ведь после нашего венчания, помнишь, в ресторане, я сама слышала, как ты сказал ей, что наша свадьба ничего не меняет и ты относишься к ней, как прежде.

Зак усмехнулся.

– А я, между прочим, был совершенно искренен. Наша свадьба ничуть не изменила моего отношения к Эрике. Мне она не нравится и никогда не нравилась. В жизни не видел второй такой самовлюбленной, расчетливой и манерной кривляки. Я думал, что, общаясь с ней, смогу забыть свою любовь к тебе, Камилла. Но ты даже не можешь представить, как мне было плохо после каждой встречи с ней, я сам себе был противен. И начинал с новой силой тосковать по тебе.

– А все эти вечера, ну, после нашей свадьбы, ты вновь пытался забыть меня... с ней?

Зак рассмеялся и поцеловал Камиллу в кончик носа.

– Ага, ревновала? Стыжусь, но именно этого я и добивался. По правде говоря, большую часть этих длинющих холодных вечеров я проводил в конюшне на плантации. Пару раз ездил на рыбалку, о, если бы ты только знала, как я **НЕНАВИЖУ** ловить рыбу. Несколько раз просто ставил ма-

шину где-нибудь у реки и смотрел, как сплавляются по течению баржи, пока не становилось достаточно поздно, чтобы можно было явиться домой. А там я специально старался побольше шуметь, чтобы ты заметила, как поздно я пришел.

– Вот уж никогда не обращала внимания, в котором часу ты возвращаешься, – подавив притворный зевок, равнодушным тоном заметила Камилла.

– Черта лысого ты не обращала внимания, – возмутился Зак, запечатывая ей рот властным поцелуем. Когда оба совершенно задохнулись, он отпустил ее и откинулся назад. Внезапно он произнес:

– Камилла, я люблю тебя, но должен тебе кое в чем признаться, – в глазах его прыгали знакомые коварные огоньки, и Камилла поняла, что признание будет не из серьезных. – Мне нравится столовая.

Камилла негодуя ткнула Зака кулачком в бок.

– Ох, Зак, ты просто коварный тип, который затащил меня к себе в постель, когда я совершенно беспомощна и не могу даже постоять за себя! Да еще в День Благодарения.

Он ехидно улыбнулся.

– Что ж, значит, у меня тем больше поводов для благодарности.

– Зак! Не богохульствуй.

– И, кроме того, – отмахнулся он, игнорируя ее протесты, – сдается мне, на самом-то деле ты вовсе и не против.

Он с нежностью поглаживал ей грудь, наблюдая, как в от-

вет на эту ласку у нее твердеют и набухают соски. Камилла запустила руку в его всклокоченную шевелюру и притянула к себе.

– Люби меня, – прошептала она.

– А ты уверена, что у тебя не болит голова? – он говорил серьезно.

– Если и заболит, – ответила Камилла, улыбаясь, – я выпью аспирин. Но потом... не сейчас.